

На правах рукописи

КОСИЛОВА Елена Владимировна

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НАУЧНОЙ ПАРАДИГМЫ
В ПСИХИАТРИИ**
на примере антипсихиатрии и философии Р. Лэйнга

диссертация на соискание ученой степени
кандидата философских наук

Специальность 09.00.13 - религиоведение, философская антропология,
философия культуры

Москва, 2002

Оглавление

Оглавление	1
Введение	2
История вопроса. Обзор литературы	11
I. Культурологический анализ истории психиатрии	19
1. Взаимодействие физиологического и психологического подходов	19
2. "Физиологическая" психиатрия	22
3. Экзистенциально-феноменологическая психиатрия (ЭФП)	71
II. Психоаналитические истоки теории шизофрении Лэйнга	104
Английская психоаналитическая традиция	105
Схема шизофрении Р.Лэйнга	124
III. История Лэйнга	127
Антипсихиатрия	146
IV. Философия науки Р.Лэйнга	156
Итоги	188
Заключение	192
Библиография	195
Приложение	202
Эсален	202
Маргинальность в науке	208

Введение

Исследование научной парадигмы, метода, которым действует наука, лежащих в ее основе базовых представлений, ценностей, на которые ориентировано исследование, способов саморепрезентации и самоосмысления науки - задача не только историко-научного, но и культурологического исследования. Один из первых примеров культурологического анализа научного мышления - работа О.Шпенглера "Закат Европы", в которой Шпенглер указывает, что даже такая рациональная наука, как математика, зависит от культурных особенностей: от разного смысла, который разные культуры вкладывают в понятие числа, пространства, тела; от общих закономерностей "мирочувствования" данной культуры. Подобный подход к анализу научной мысли является практически господствующим в настоящее время. Этому способствует характерное для настоящего времени внимание к анализу текста и вообще склонность отождествлять рациональное мышление с текстом с последующим вскрытием вне-рациональных истоков и ходов мысли и обобщенное недоверие к рациональности, являющееся практически базовой характеристикой мышления эпохи постмодерна.

История науки, если рассматривать ее как объект культурного анализа, смыкается с такими областями философии, как эпистемология и гносеология, поскольку по существу предельными вопросами культурологического анализа науки является вопрос о природе истины и о возможности ее познания. Проблема состоит в том, что наука, которая мыслит себя как способ максимально беспристрастного, объективного, максимально возможно "истинного" изучения некоторого предмета, сама подвергается изучению как один из продуктов культуры. Ее результаты релятивизируются. Мир, таким образом, вторично объявляется непознаваемым. Культурологический анализ науки принципиально антинаучен, хотя, разумеется, все существовавшие ранее требования к научному процессу - объективность, беспристрастность, достижение максимальной "истинности" всеми возможными способами - объявляются невыполнимыми, однако обязательными для выполнения, то есть, по существу, ставят культурологию в парадоксальную ситуацию.

При таком отказе от притязания на абсолютную истину на первый план закономерно выходит вопрос о ценностях. Поэтому самоосмысление науки должно обра-

щаться к морали, а анализ науки - к анализу ценностей, преимущественно, как представляется, к неокантианским системам (Риккерта, М.Вебера).

Все сказанное в полной мере относится к такой науке, как психиатрия. Особенностью ее является, во-первых, принципиальная нормативность; поскольку суть психиатрии, как части медицины, заключается в приведении к "норме", ей необходимо иметь хотя бы какое-то представление о норме, о том, "как должно быть". Во-вторых, принципиальная невозможность работать с таким психофизическим единством, как человек, или только психологически, или только физиологически. Из первой отмеченной особенности вытекает то, что в различных ценностных средах (в разных культурах) критерии здоровья и болезни могут сильно различаться, то есть различными окажутся цели психиатрического действия. Из второй особенности следует то, что способы достижения этих целей и вторичные трактовки болезней принципиально двойственны.

Вопрос о характере нормы и связанный с ним вопрос о критериях болезни - центральная точка, в которой пересекаются проблемы, связанные с одновременным наличием в психиатрии того, что можно исследовать, и того, что необходимо постулировать. Причем, в отличие от математики, постулирование в психиатрическом мышлении происходит преимущественно неосознанно. Культурологический анализ науки ставит цель эксплицировать эти неосознанные постулирования. К ним относятся в том числе ценностные установки. Они непременно сказываются на том, каково представление о норме и о цели. Внутри самой психиатрии ценностные разногласия приводят к появлению альтернативных течений. Первой такой альтернативой можно считать появление в начале 20-го века "феноменологического" направления К.Ясперса, которое затем, в лице Л.Бинсвангера, опиравшегося на философию М.Хайдеггера, приобрело большое влияние под названием "экзистенциально-феноменологическая психиатрия" (ЭФП) или "Dasein-анализ". Часто альтернативные движения носят характер стихийного бунта, движения "против" и т.п. В таком ключе следует рассматривать движение *антипсихиатрии*, которое развернулось на Западе в конце 60-х - начале 70-х годов. Более всего оно известно своим отказом от содержания психически больных в больницах и от медикаментозной терапии. Центральная фигура этого движения, английский психиатр Рональд Лэйнг (1927-1989), является также интересным психологом и писателем. Его теория шизофрении сложилась одновременно в рамках

психоаналитического и экзистенциально-феноменологического подходов. Она представляет собой альтернативу традиционной психиатрической трактовке шизофрении, не являясь сама по себе антипсихиатрической. Чтобы мысль Лэйнга пришла к отрицанию лечения, потребовалось изменение ценностей, происшедшее в рамках культуры 60-х годов.

Чтобы проследить, каким образом ценностные установки действуют на протяжении истории психиатрии, следует рассмотреть ее историю с точки зрения смены действующих парадигм. Такие смены очевидны, например, если сосредоточить внимание на периодическом доминировании в психиатрии физиологического и психологического подходов. Очевидна разница парадигм и в рамках горизонтального сравнения: например, ценности "физиологической" психиатрии сильно отличаются от ценностей ЭФП.

Актуальность темы.

В наиболее общем смысле актуален вопрос о науке вообще и ее роли в современном обществе. Ибо эта роль и зависимость нынешней жизни от науки больше, чем когда бы то ни было. Это естественная характеристика века научно-технического прогресса. И, соответственно, насущно необходимо осознать, каковы особенности того, от чего мы все так сильно зависим. Ведь именно в альтернативных, порой весьма бунтарских и неоднозначных движениях мысли родились многие наблюдения над наукой и в неожиданном виде предстала форма нашей особой от нее зависимости.

Более узкая проблематика - история психиатрии - сама по себе тоже интересна. Прежде всего, в этой науке ярко отразились все мучительные перипетии судьбы типичной науки 20-го века: от ощущения бесконечной перспективы прогресса, до чувства кризиса и отчаяния; она была и в положении самоуверенного монстра, навязывающего репрессию беззащитным жертвам (которые сами верили в его правоту), и в положении жертвы поспешных, часто несправедливых антисциентистских обвинений - ситуация, в которой монстром предстал скорее антисциентизм, чем она. На примере психиатрии в высшей степени рельефно отобразились антиномии сциентизм/антисциентизм, позитивизм/антипозитивизм, редукционизм/антиредукционизм, и, в конце концов, материализм/идеализм. Психиатрия работает в области самого узла

извечной человеческой загадки о соотношении души и тела. Ни от того, ни от другого она не может отрешиться, как бы отдельные ее партии этого не хотели, потому что в числе психических болезней есть такие как эпилепсия, совершенно точно зависящие от поражений мозга, и такие, как неврозы, которые почти точно от этого не зависят. На примере психиатрии очень релевантна неокантианская проблематика. Все то, что Риккерт писал о биологии, еще более прямо относится к психиатрии, и все, что он писал о философии жизни, относится к философии психиатрии. На русском языке практически отсутствуют работы, анализирующие философию психиатрии и даже полные истории развития этой науки с точки зрения смены парадигмальных установок и общих подходов.

Далее следует изучить вопрос, собственно, о философии психиатрии. Насколько мне удалось понять, у психиатрии сциентистского направления (я далее буду называть его физиологическим) никакой собственной философии нет. Авторы психиатрии этого рода - естественнонаучно ориентированные ученые, которые не задают себе философских вопросов. В частности, они не спрашивают себя о цели своей деятельности и о ценностях, которыми руководствуются. Если спросить их об этом, то на этот внешне поставленный вопрос - который их, разумеется, весьма часто раздражает - они отвечают, подбирая ценности и цели задним числом из числа господствующих в обществе (источник: личные наблюдения). Поэтому в случае физиологической психиатрии речь не о ее философии, а о философском анализе ее извне.

Что касается альтернативных течений, прежде всего экзистенциально-феноменологической психиатрии (Ясперс и Бинсвангер), а также антипсихиатрии (Лэйнг), они активно философски осмысляют себя. В этой связи я буду ссылаться на философию Ясперса в основном с доверием, лишь изредка подвергая ее самое культурологическому анализу, а на философию Лэйнга - без полного доверия, как к недостаточно продуманному продукту культурной атмосферы эпохи.

Итак, психиатрия в моей работе будет служить частным примером науки вообще, антипсихиатрия - частным примером альтернативной науки, а Лэйнг - частным примером антисциентистски ориентированного ученого.

Вопрос о норме

Теории нормы в физиологической психиатрии нет. Более того, нет ясности в том, каким образом следует порождать концепт нормы. Если общество навязывает науке внешний по отношению к ней критерий нормы, то это вопрос из области нормы культуры, с которым наука, возможно, внутренне не будет согласна (ради идеальности модели я отвлекаюсь в данном случае от того, что психиатры люди и как таковые всегда несут в себе систему ценностей своей культуры). Однако если наука внутренне согласна с тем критерием нормы, который она порождает сама, то каким способом должна это делать психиатрия?

Поскольку физиопсихиатрия принципиально родственна биологии, кажется на первый взгляд, что, следуя своей внутренней логике, она должна рассуждать о норме так, как всегда рассуждает биология: статистически. Но психиатрия *не способна статистически породить критерий нормы* по меньшей мере по двум причинам. Во-первых, психические процессы слишком сложны, чтобы была принципиальная возможность рассуждать о них статистически. Например, у неповторимых личностей существует много уникальностей, которые являются их достоянием и которые абсурдно было бы "лечить", когда они не мешают (=не нарушают адаптацию) и когда об этом никто не просит; а многим их уникальное достояние столь дорого, что они не стали бы лечить его, даже когда оно нарушает адаптацию (например, таковы бывают философы, художники, маргинальные ученые и т.п.).

Во-вторых, встает вопрос о совпадении статистической "нормы" и *цели*. Например, если в некоторой выборке большинство страдает насморком (что зимой может быть вполне реальным явлением), то это не означает, что насморк норма. Такого рода ошибки статистики могли бы привести буквально к катастрофическим результатам (к превращению здоровых в больных на том основании, что здоровых меньше). К счастью, их не делают, потому что на практике концепт нормы порождается не статистически. Он порождается *на пути рассуждения*. Приходя в врачу, больной имеет в виду не "сделайте меня как все", а "сделайте меня таким, как я хочу быть". Врач тоже интуитивно имеет в виду в качестве нормы то, что наиболее желательно. Уже из этого рассуждения видно, что концепт нормы всегда субъективен, а раз так, то значит, и культурно обусловлен, а это не идеально научная ситуация. Идеально научную си-

туацию сформулировал М.Вебер: истина не должна иметь отношения к ценности. В психиатрии это невозможно в принципе, потому что она, как медицина и как действие, не может не быть нормативной. И цели ей диктует не ее материал, а нечто внешнее. Все это вообще-то было убедительно показано в начале века Г.Риккертом на примере биологии; в его рассуждения надо только подставить на место биологии психиатрию, и все цели и ценности этой науки тотчас окажутся проблематизированными. Остальные ветви психиатрии тоже в вопросе о норме/болезни в сложном положении. Проще всего поступает психоанализ, потому что считает больными всех. Что касается ЭФП, то она обречена на противоречие: 1) Феноменология, в ее приближении к описанию психических феноменов, по определению дескриптивна, для нее сама идея о норме губительна. 2) Экзистенциализм, правда, нормативен, но это такая норма - существовать подлинно - которая лишь с большим трудом тянет на медицинский здравый смысл. Бинсвангер, судя по всему, верил, что теоретически терапия в силах привести психоз как неподлинность к экзистенциальному существованию как к подлинному, но из его произведений трудно понять, как именно он это осуществлял.

Каким образом вообще может функционировать в психиатрии категория "нормы"? Естественно отождествить ее с неокантианской категорией "ценности". Риккерт показал, что идея нормы не может быть порождена изнутри нормативной науки, в противном случае наука не была бы нормативной (однако следует заметить, что ненормативная наука, стремящаяся породить критерий "нормы", не существует, если не считать такой наукой философию, которая, однако, редко пользуется этим понятием). Он пользовался примером биологии, однако применить аналогичное рассуждение к психиатрии - дело техники. Итак, *норма* задана психиатрии извне. Легко показать, что автор нормы - культура (это ход мысли Фуко). Аналогичных рассуждений требует вопрос о *цели*, который непременно встает в случае психиатрии, которая является не только наукой, но и социальным действием. Риккерт указывал, что врач всегда приносит собственной волей в свое действие цель, которая совпадает с витальной "нормой", которую он берет из биологии. Однако все же цель и норма - разные вещи. То и другое может быть основано на - заранее существующей - системе ценностей, однако по-разному. Проблематизировать и тем самым релятивизировать норму легко, системе ценностей труднее (в этом заслуга неокантианства), однако цель - труднее всего.

Даже такой строгий философ, как Б.Рассел, не ссылаясь на неокантианство, интуитивно делает различие между доказательным мышлением и системой ценностей, которую можно иметь, не доказывая. Когда речь идет о цели, он говорит: любой человек может иметь любую цель, это не область философского рассмотрения. Он, следовательно, не считает исследование динамики систем ценностей - чем во многом занята культурология - философской работой. Однако культурологическая мысль не может позволить себе пройти мимо этого. И после Риккерта хочется поставить вопрос: норма и цель - это одно и то же или нет? Другими словами, всегда ли в медицине целью является именно приведение к норме? (Ясно, что, например, это будет совсем не так в искусстве, в философии; можно, например, сказать то же о спорте и о всех областях деятельности, которые ставят себе целью некоторое достижение). Именно этот вопрос ставил Ясперс и однозначно ответил: нет. Легко ответить так, если система ценностей экзистенциализма (по природе родственная романтизму) не считает *распространенные* ценности *подлинными*. Это приводит к тому, что в психиатрии норма перестает считаться ценностью.

Итак, речь о напряжении между двумя полюсами: истина-ценность, наука-культура. Если на первом полюсе есть болезнь и ее лечение, есть процесс и его начало и конец (по крайней мере потенциально), то на втором – маргинальность и ее репрессирование, индивидуальность и ее понимание (не потенциально, уже налично). Экстремисты, представляющие культурные партии сциентистов и антисциентистов, занимают мысленные позиции на полюсах, но чем серьезнее философ, тем меньше вероятность, что он не увидит какую-нибудь из этих возможностей. Даже Лэйнг - иногда не в одно время, а по очереди - видел обе (см. об этом в основном в его книге "Факты жизни"). Ясперс тоже видел обе, и, в отличие от Лэйнга, одновременно, и когда наступала необходимость решать вопрос об их взаимоотношении, он обычно объединял их через внешнюю по отношению к обеим идею трансценденции (в результате чего стремящаяся к трансценденции психиатрия как наука представала философствующими феноменологией и экзистенциализмом, и поскольку Ясперс мог осуществить реальное действие, он сам такую науку создал; а стремящаяся к трансценденции культура предстает, так сказать, историческим модусом абсолютного, м.б., точкой возможности, или что-то в этом роде, см. об этом "Исток истории...").

Свойство психиатрии как ветви медицины состоит в том, что она не только

мысль, но и действие. В области мысли она в идеале должна быть наукой, свободной от культурных искажений. Целью в данном случае является исследование. В области действия она науку неизбежно будет рассматривать как средство, цели же ей почти наверняка будет ставить культура (мысль по происхождению неокантианская). Ясперс в течение некоторого времени склонялся к ценности психоза, но с точки зрения медицинской работы был врачом, а когда совсем склонился в пользу мысли, перестал быть врачом и стал философом. Что касается Лэйнга, он перевел мысль в социальное действие. Это от него потребовало, конечно, некоторого заострения и упрощения аргументации. (Публицистический тон его произведений антипсихиатрического периода отчасти не столько продиктован изнутри научной постановки проблемы, сколько обосновывает политическую позицию.)

Словом, в двух ипостасях психиатрии по-разному поставлены цели, используются разные средства и даже по-разному определяются основополагающие понятия. Выше я ставила вопрос так: насколько наука зависит от культурной атмосферы и насколько она определена объективными свойствами своего предмета? По всей видимости, приходится сказать, что по крайней мере в случае психиатрии оба принципа неотменимы и взаимодействие между ними диалектическое.

Цель работы

Таким образом, в самом общем смысле, цель этой работы - установить логику развития знания и найти ответ на вопрос, насколько результаты, получаемые наукой, зависят от "объективного" содержания ее предмета, а насколько - от господствующих в культуре представлений (выражающихся, например, в ожиданиях учеными определенных результатов и т.п.). Поскольку очевидно, что любой ответ на этот вопрос может быть больше результатом принятия соответствующей установки, чем анализа фактов, автор не претендует на ответ. Однако в его рамках удастся поставить частные задачи, ответы на которые более возможны.

- выстроить историю психиатрии от конца 19-го века до конца 20-го, по возможности избегая ангажированности; выявить этапы ее развития, сменяющиеся парадигмы;

- проанализировать взаимосвязь научного сознания с "духом" культурной эпохи;

поставить вопрос о внутренней взаимосвязанности разных характеристик одного этапа.

- проанализировать альтернативную модель психиатрии: ЭФП; разобраться, каково соотношение и взаимосвязь в этом направлении феноменологии и экзистенциализма; вычленив ценности ЭФП и цели, которые она ставит перед собой в области терапии;

- проанализировать теорию шизофрении Лэйнга с точки зрения различных научных подходов; выяснить, какую роль в ее построении играли предшествующие разработки психоанализа и ЭФП; какова была роль "понимания"; ответить на вопрос, является ли эта теория шизофрении результатом ценностных установок или органически вытекает из всех предшествующих разработок, сделанных в рамках традиционных школ;

- на примере движения антипсихиатрии продемонстрировать альтернативную модель психиатрического действия; показать, что существенным образом она отличается от прежней в области ценностей, а не научных парадигм;

- попытаться ответить на вопрос о взаимосвязи обоих альтернативных направлений психиатрии: ЭФП и антипсихиатрии;

- поставить в общем смысле вопрос о критериях нормы и болезни в психиатрии

Основные положения, выносимые на защиту:

Особенностями психиатрии являются нормативность, два подхода к болезни - физиологический и психологический; этапы психиатрии: их чередование, закономерное появление психологического;

целью традиционной психиатрии является достижение "нормы", но норму нельзя породить статистически, она связана с ценностью; она неоднозначно связана с "целью";

антипсихиатрия как тенденция вытекает из основных установок экзистенциально-феноменологической психиатрии, поскольку целью ЭФП является не норма как адаптация, а подлинное существование;

теория шизофрении Лэйнга - продолжение схем кляйнианской школы. От экзистенциализма и феноменологии в ней, прежде всего, идея понимания, во-вторых, готовность не-редукционистски рассуждать об экзистенциальной ситуации человека в

схеме "Я/мир".

История вопроса. Обзор литературы.

Интерес к истории психиатрии велик. Находится она и в поле внимания культурологически ориентированных исследований истории науки. В отечественной литературе, правда, удалось найти всего две значительные работы: психиатрической мысли 20-го века посвящена книга А.М.Руткевича "От Фрейда к Хайдеггеру", а истории психиатрии до начала 20-го века - труд Ю.Каннабиха "История психиатрии". Имеется некоторое количество работ в журналах, прежде всего в Журнале Независимой психиатрической ассоциации и Логос. За рубежом имеет место совсем иная картина. Начало культурологическом анализу психиатрии было положено работой М.Фуко "История безумия в классическую эпоху". Этот труд, сразу ставший классическим, по своему духу принадлежит к антипсихиатрии, которая исследуется в настоящей работе. Практически Фуко задает стандарт постановки вопроса о взаимосвязи науки и культуры. Среди других историй психиатрии можно назвать книги Ф.Александера и Ш.Селесника, работы Ж.Постеля, Ж.Гаррабэ и др.

1. Литература по антипсихиатрии и творчеству Лэйнга

Литература о Лэйнге на Западе делится на две группы: написанная в 60-е и начале 70-х годов и носящая отпечаток ангажированности теми же идеями¹ и более поздняя. Вообще говоря, Лэйнг не забыт ни как писатель, ни как деятель. Даже в современных статьях упоминание о Лэйнге можно встретить достаточно часто [O'Hara, 1997], выходят книги о нем [Evans, 1976; Collier, 1977; Howarth-Williams, 1977], его биографии [Clay, 2000; Burston, 2000]. Наиболее известные его работы (прежде всего Divided Self) переиздаются, на них ссылаются не как на примеры некоторого эксцентричного феномена, а на их содержание, то есть в научном смысле [Jacoby, 1975; Mills, 1997 и др.]. Работа Лэйнга радикального периода "Политика переживания" в основном упоминается негативно [Churchill, 2000, Paris, 2000]. Известен Лэйнг как психиатр и как социолог. Работ, посвященных философии Лэйнга, практически нет. Мне удалось найти лишь две статьи, в которых его имя упоминается в философском

¹ Самый типичный пример: Going Crazy. Toronto etc, 1972. Кроме того, Laing and Antipsychiatry. NY etc, 1971.

контексте, и этот контекст - экзистенциализм и феноменология. На мой же взгляд, как экзистенциалист Лэйнг скорее вторичен; интереснее его философия науки, которая нигде не анализируется.

Ни за рубежом, ни у нас я не встречала ни какой-либо серьезной концепции генезиса антипсихиатрии. Сама по себе антипсихиатрия, конечно, упоминается, но ни деятельность Лэйнга, ни его философия не рассматриваются как культурное явление. Одна из наиболее интересных книг (не специально о Лэйнге, а вообще о движении экзистенциально-феноменологической психиатрии): "От Фрейда к Хайдеггеру" [Руткевич, 1985]. В большинстве пунктов эта работа кажется практически исчерпывающей и совершенно убедительной. В ней подробно проанализирована связь между философией Хайдеггера и экзистенциально-феноменологической психиатрией (ЭФП), между ЭФП и антипсихиатрией.

Прежде всего Руткевич анализирует философию Хайдеггера, выделяя в ней те моменты, которые были взяты психиатрами: анализ бытия-в-мире как заботы, теория "проекта", отношение конечного бытия человека к временности и трансцендентному, значительное заострение внимания на смысле страха, идея подлинного бытия. Затем Руткевич анализирует философскую позицию Бинсвангера: в чем она совпадает с позицией Фрейда (прежде всего в том, что при шизофрении основной конфликт лежит в области бессознательного), а в чем смыкается с философией Хайдеггера (в том, что смысл этого бессознательного конфликта есть неподлинный выбор, ущербный "проект" мира). Затем Руткевич рассматривает философию Лэйнга и некоторых других поздних последователей ЭФП.

Этому же ходу мысли следовала я. Далее следуют несколько пунктов, в которых мой подход и мои выводы отличаются. Во-первых, я пыталась выводить идеи Лэйнга в большей степени из философии Ясперса, чем Хайдеггера и его последователей (впрочем, Руткевич обращался к анализу вклада Ясперса в ЭФП в других работах [Руткевич, 1997]). Во-вторых, логика изложения у Руткевича выглядит так: Фрейд - Хайдеггер - Бинсвангер - Лэйнг; Бинсвангер рассматривается как двигавшийся в сторону от Фрейда к Хайдеггеру, а Лэйнг - как происходящий от Бинсвангера, следовательно, заранее (еще до своего появления) тоже совершивший движение от Фрейда к Хайдеггеру. На мой взгляд, это не так: с психоаналитической традицией Лэйнг был знаком непосредственно, во время своей работы в Тэвистокке под руководством Вин-

никотта. Его теория шизофрении очень сильно опирается на чисто психоаналитические идеи Кляйн. В-третьих, Руткевич, на мой взгляд, не совсем корректно передает ценностную ориентацию антипсихиатрии, которая кажется ему не более чем "апологией безумия" (с. 136). Он пишет: "сомнительная честь объявления психической болезни сверхздоровьем принадлежит Лэйнгу..." (с.134). Если это так, то это искажение мысли Лэйнга, который видел в шизофрении не само сверхздоровье, а путь к нему (Лэйнг никогда не отрицал, что психоз - страдание). Впрочем, в других местах Руткевич пишет то же самое: "шизофрения трактуется Лэйнгом ... как этап процесса естественного исцеления, выхода в царство сверхздоровья..." (с.133). Наконец, Руткевич считает: "если в "терапевтических коммунах" и были случаи излечения больных-психотиков, то связано это с тем, что Лэйнг ... /и другие / являются квалифицированными психиатрами, забывающими на время о своих религиозно-философских или политических пристрастиях" (с.144). На мой взгляд, это заявление у него не подкреплено доказательствами. Вряд ли можно сделать вывод о том, почему выздоравливали эти больные! Антипсихиатрию имеет смысл обсуждать только как философскую позицию, а обсуждать ее терапевтическую эффективность (как и эффективность любого другого метода) и сложно, и следовало бы делать в рамках совсем другой науки: поставить эксперименты, оформить выборки и контрольные группы, обработать результаты статистически и так далее. В настоящее время лучше всего ограничиться соображениями о том, что, не исключено, что у антипсихиатрии были некоторые терапевтические достижения, а с другой стороны, не исключено и обратное.

В смысле культурологического анализа я исходила, прежде всего, из породившего антипсихиатрию культурного контекста. Если рассматривать ее вне связи с ним, она может показаться странной, но если принять контекст во внимание, считать анти-

психиатрию ответом на "вызов" сложившейся тогда культурной ситуации², она предстает (относительно) органичной. Если антипсихиатрию можно рассматривать как культурное явление, не очень глубокое, довольно известное, то Лэйнга как ученого надо изучать и трактовать отчасти даже вне связи с ней, чтобы не упустить то, что было в его творчестве ценного, что в итоге осталось не скомпрометированным, но не очень известным. Это прежде всего его понимание психоза (но здесь Лэйнг выступает как психолог, а не философ), во вторую очередь, его философия науки. В связи со всем этим, я увидела свою задачу прежде всего в том, чтобы восстановить философию Лэйнга, которую он сам высказывал несистематически, и по возможности показать тот культурный и идейный фон, на котором она появилась.

Предшественники Лэйнга

Ниже делается попытка восстановить картину контекста, в котором мыслил Лэйнг и в котором появилось движение антипсихиатрии. В связи с этим излагается историю трех главных направлений психиатрии, каждое из которых по-своему предшествовало Лэйнгу: "классической" ("физиологической") психиатрии (Морель - (Морро де Тур) - (Вундт) - Крепелин - Блейлер), английского варианта психоанализа (Фрейд- Абрахам - Кляйн - Винникотт - (Байен)) и экзистенциально-феноменологической психиатрии (Ясперс - Хайдеггер - Бинсвангер).

Вышеперечисленное - это, так сказать, "три источника и три составные части" философии Лэйнга. Если рассматривать ее с точки зрения социального явления, следовало бы изучить связь с теорией Сартра и франкфуртской школы. В данной работе было принято решение опустить эту сторону проблемы в связи с превышением объема, но это неременная задача для будущего. В моей работе, при практическом отсутствии социальной философии, Лэйнг рассматривается преимущественно с точки зре-

² Очень интересные рассуждения об этом в книге: *Фундаментальная структура психотерапевтического метода...* [Сосланд, 1999]. Автор рассматривает психотерапевтические школы и подходы как культурные единицы, которые подчиняются общим законам культурной динамики. Он привлекает представления Тойнби: культура (психотерапевтическая школа) как "ответ" на "вызов" другой культуры, понятия М.Вебера: харизматический лидер в психотерапевтической школе и т.д. Таким образом, идет речь о внутренних процессах, а не, как у Фуко, определением науки извне, хотя процессы в том и другом случае культурные. Целиком идеи Сосланда пересказывать нет возможности. Встает вопрос о том, можно ли перенести такой подход из психотерапии в психиатрию? Они различаются в данном случае не тем, что одна имеет дело с неврозами, а вторая с психозами, а тем, что психотерапевтическая школа - это почти всегда до некоторой степени авторское произведение, на что

ния философии науки.

2. Литература по истории психиатрии

Когда речь идет о таком наборе школ, в историко-философском освещении неизбежна асимметрия. Истории **психоанализа**, его философии, вкладу Фрейда и остальных фигур, вплоть до совсем незначительных, посвящены многие тома работ, многие из которых, конечно, не имеют философского характера. Вследствие необъятного характера литературы по этому вопросу конкретная задача сузилась до прослеживания той линии, которая идет напрямую от Фрейда к Лэйngu. В литературе получила очень полное освещение теория объектных отношений, взгляды психоаналитиков, от классиков до современных, на явления расщепления и проекции [Abraham, 1976; Шторк, 1999; Лапланш, Понталис, 1996; Романов, 2001]. Сама линия развертывания идеи психоза как регрессии к стадии расщепления найдена мной, но нельзя поручиться, что впервые: статей за рубежом, посвященных психоанализу, так много, что нет никакой возможности ознакомиться даже с общей картиной знания, существующего на сегодняшний момент в этой области.

Экзистенциально-феноменологическая психиатрия находится в поле пристального интереса скорее философов, чем психиатров. В ней присутствуют такие фигуры, как Ясперс, Хайдеггер и Сартр (последние два оказали влияние на психиатрию скорее непреднамеренно). Разумеется, самому тщательному анализу их философии посвящено множество трудов. С самого начала - то есть с Ясперса - это было столь же психиатрическое, сколь и философское направление. Сам Ясперс прямо определил его основные черты и задачи, поэтому их не приходится задним числом осмысливать со стороны, как в случае с психоанализом (я имею в виду, что основная ценность его лежит не в том, в чем думал ее положить Фрейд), и, тем более, формулировать заново, как в случае с сциентистской "физиологической" психиатрией. Относительно истории проблемы тоже имеется много работ, которые посвящены вкладу Ясперса [Schwartz, Wiggins, 1989], Хайдеггера [Sass, 1992; Mills, 1997; Kockelmans, 1978], Босса, Бинсвангера [Ghaemi, 2001] (в меньшей степени Сартра [Frie, 1997]). Поэтому я ограничилась только тем, на что представлялось важным поставить акцент

указывает и Сосланд, в ней сильно превалирует техника над теорией, а психиатрия, даже такая как у

в связи с общей задачей работы. Почти у всех перечисленных авторов есть работы друг о друге; я старалась внимательно относиться к тому, как сами авторы интерпретируют концепции коллег. Лэйнга, судя по всему, никто из них не знал (Лэйнг, разумеется, знал всех.)

С другой стороны, **физиологическая психиатрия** осмыслена очень скудно. Есть некоторое количество литературы по истории психиатрии. Здесь бесспорный лидер культурологического анализа - книга М.Фуко "История безумия в классическую эпоху" [Фуко, 1997]. Анализ этой книги и спор с ее автором могут увести как угодно далеко от любой темы (я, впрочем, не удержалась от элементов несогласия, см. главу "Физиологическая психиатрия"). Кроме нее, на русском языке доступны практически две: "История психиатрии Ю.Каннабиха [Каннабих, 1994], в котором много материала, но лишь до того времени, когда он был написан (начало 20-го века); и книга Ф.Александера и Ш.Селесника [Александр, Селесник, 1995]³. Последняя в основном выдерживает взвешенно-объективный взгляд как на физиологический, так и на психологический подход, однако местами настолько педалирует психоанализ (Александр - психоаналитик), что напоминает идеологические произведения советских авторов. Ни один из этих трудов не может быть назван идеальным. Каннабих глубоко уверен в правоте позитивизма, Фуко, напротив, немислимо заостряет постмодернистскую позицию, Селесник-Александр убеждены в превосходстве психоанализа. Из зарубежных источников хотелось бы назвать французскую "Универсальную философскую энциклопедию" (Encyclopédie Philosophique Universelle; Postel, 1997), авторы которой, как кажется, готовы подходить ко всему, в том числе к психиатрии, взвешенно культурологически. Кроме того, интересна недавно вышедшая книга Шортера [Shorter, 1997]. Имеются работы Уильямса [Williams, 1991] и др. Богатый материал для выводов дают и статьи, например, краткие обзоры в английских журналах [Braslow, 1999].

Разные деятели ФПс признаны тоже не одинаково. В конце 19 - начале 20 века,

Лэйнга, не может не претендовать на то, чтобы быть общезначимой теорией.

³ На русский язык она переведена под странным названием "Человек и его душа: познание и врачевание от древности до наших дней". Ничего подобного не было в оригинале, где она называется The History of Psychiatry: an Evaluation of Psychiatric Thought and Practice from Prehistoric Times to the Present (История психиатрии: обзор психиатрической мысли и практики от доисторических времен до настоящего времени).

во времена торжества позитивизма, было много работ, посвященных биографии и деятельности Крепелина. Затем в моду вошло психологическое направление, но деятели, стоявшие у его истоков, еще не попали в поле интереса талантливых биографов (прежде всего это касается Моро де Тура, в меньшей степени Блейлера, который получил признание при жизни).

Наука и культура

Психиатрию можно рассматривать и как науку, и как культурный проект. После таких работ, как "История безумия" Фуко, с этим невозможно спорить. В первом смысле существуют много историй психиатрии, но поскольку они не обращают специальное внимание на вопрос об истоках собственного теоретизирования, они обычно довольно ангажированы (речь как раз о книгах Каннабиха и Селесника-Александера). Конечно, я не претендую на то, чтобы своей работой исправить их недостатки. По возможности, однако, ангажированности следует избегать. Во втором смысле - способом культурного анализа - психиатрию рассмотрел Фуко. Но - уже не говоря о его ангажированности и явной предвзятости - его блестящая книга представляет собой больше исследование в жанре (постмодернистской) культурологии, а не истории науки. Например, с точки зрения культурологии безразлична идея прогресса науки: общество предъявляет к науке социальный заказ исходя из собственной надобности, а не из ее внутренней логики. Поэтому во времена модерна социальный заказ науке психиатрии со стороны общества был репрессивный; Фуко показывает это весьма убедительно. Социальный заказ психиатрии в конце 20-го века иной. Демонстрировать это следует анализом общества, а не науки. Но до какой-то степени можно сказать, что такого рода подход ограничен. Можно сказать, что анализ науки как науки, исходя из ее собственного развития и ее собственной логики - то есть изнутри, а не со стороны - является анализом самой истины. (Это рискованное заявление в эпоху "неклассических парадигм", потому что идея истины нынче сильно релятивизирована и уж точно ниспровергнута идея познания истины. Однако в жанре истории науки я не вижу убедительных причин отказываться от нее. "Неклассические" истории науки, такие как работа Фуко, весьма часто богаты глубокими философскими идеями, они в высшей степени представляют интерес как работы по теории культуры и, прежде всего, как философские произведения, но как истории науки они терпят неудачу, по-

сколькo не принимают в расчет неотъемлемое свойство любой науки накапливать информацию и стремиться к истине. Я буду предполагать, выражаясь математическими аналогиями, что научная истина существует если не как факт, то как предел какой-то последовательности приближений; что познание ее, может быть, невозможно, но это не значит, что на доступном уровне ее нельзя анализировать).

Наука психиатрия, как и любая другая наука, после нескольких веков своего существования не та же, что в начале; поэтому, конечно, в наше время она не такая, как была в 19-м веке. Наука развивается, ее прогресс неотъемлемо принадлежит к ее сущности. А общество - не наука, в его сущности развитие не заложено (хотя само по себе возможно). У Фуко совершенно отсутствует идея прогресса науки. А однако она интересна и неоднозначна. Насколько заложена логика развития науки в свойствах ее предмета? (Идеальная философия науки полагает так). Насколько она определяется параллельным развитием внешней мысли, общества? (Так полагает культурологический подход к истории науки).

Для того, чтобы попытаться ответить на этот вопрос, следует рассмотреть историю науки, исходя по возможности из нее самой (отвлекаясь, конечно, от неизбежного факта, что сознание историка тоже является продуктом его культуры). Если бы оказалось, что наука независимо от общественной моды приходит к некоторым выводам, а затем к ним приходит - независимо от науки - общественная мода, это можно было рассматривать как косвенное свидетельство в пользу Гегеля (то есть что общественная мода - и, значит, само общество - развивается по практически научным, то есть трансцендентным, законам). Если бы оказалось, что те выводы, к которым приходит наука, целиком вписываются в культуру - то, что происходит вне науки (и как бы, значит, не имеет связи с истиной) - это бы означало, что истины нет, что "человек есть мера всех вещей". Главный, если можно так выразиться, гносеологический вопрос моей работы: порождается научное знание объективными свойствами предмета или господствующими в это время в культуре ходами мысли?

I. Культурологический анализ истории психиатрии

1. Взаимодействие физиологического и психологического подходов

С одной стороны, динамику психиатрии как культурного явления можно рассматривать через противоположность сциентизма и антисциентизма (об этом в моей работе речь впереди). Но более внутренняя с точки зрения научной сути логика - взаимодействие *"естественнонаучного"* и *"гуманитарного"* подходов. В психиатрии первый означает физиологическое, второй - психологическое направление.

- Вообще говоря, Селесник и Александер [Александер, Селесник, 1995, с.19] указывают на то, что всего у психиатрии три подхода, третий они называют "магическим" и относят к нему "наивную" средневековую терапию экзорцизмом и т.п. Если не отвлекаться на то, что магически склонна действовать любая терапия в том случае, когда причина болезни неизвестна (и поэтому, строго говоря, применение современных фармакологических веществ, найденных случайно и неизвестно как действующих, отчасти тоже сродни магии), то магический подход можно не относить к современной науке и исключить из рассмотрения. То, что остается, присуще самой науке и каком-то смысле является внутри нее противоречием.

Сама по себе двойственность связана с неотменимо двойственной природой человека и составляет собой ключевую головную боль всей психиатрии, а также психологии и философии. В незамысловатых терминах английского языка это называется *mind-body problem*. Психология по смыслу своего предмета обречена находиться в области между материальным и сознательным, по крайней мере в век материалистической науки. С появлением материалистической науки Нового времени психология несколько, если можно так выразиться, зависла между двумя мирами, так как хорошей редукции нельзя провести сквозь пропасть. Впоследствии некоторые авторы закрывали глаза на это зависание, приписывая психологии односторонность законодательно; думаю, что не следует полагать, что таким образом они изменили природу вещей.

Итак, две линии различаются тем, как - физиологически или психологически - рассматриваются в них психические болезни. Упрощенно говоря, физиологический подход отождествляет психическую болезнь с поражением мозга. Сущность болезни - процесс. Причина болезни может находиться как вовне (экзогенная), например, причина прогрессивного паралича - сифилис, так и внутри (эндогенная), например, причина болезни Альцгеймера - вероятно, наследственность. Этому естественно соответствует и физиологический способ лечения, в наше время это таблетки. В своей теоретической части направление тесно связано с физиологией, психофизиологией и т.п.

Психологическая линия отождествляет психическое заболевание с психологическим явлением. Сущность болезни - реакция. Причина болезни видится обычно в области взаимодействия индивида с социумом. В более архаичных вариантах психологического подхода причину полагали в области морального (в грехе). Теперь это чаще репрессирование в его разных видах. Способы лечения предлагаются не химические: иногда вербальные, как в психоанализе, иногда скорее через действие, как в психотерапии играми (и в "моральной терапии" 19 века). В отличие от физиологического направления, теоретическая основа которого - современная наука - разрабатывается в биологических лабораториях практически анонимными исследовательскими коллективами, теоретическая основа каждого из многочисленных методов психологического направления представляет собой обычно продукт творчества отдельного автора. Впоследствии могут появиться последователи, но когда их становится много, теория, как правило, меняется. Все психологические теории достаточно разные, иногда между ними наблюдается несогласие. В общем, их доказательный потенциал ниже, чем у физиологических теорий. Иногда, как и в случае физиологической психиатрии, не метод терапии разрабатывается исходя из теории, а теория появляется вторично, как обоснование задним числом уже существующего метода. Все психологические подходы, за исключением эмпирических, обычно имеют отношение к философии: ссылаются на нее, предаются философским спекуляциям и т.п (это характерно даже для позднего Фрейда). В наше время из философских учений обычно это экзистенциализм, философия жизни (к ней склоняется "гуманистическая психология" Маслоу), социальная философия, например, в лице Франкфуртской школы. Психоанализ в лице Фрейда декларировал позитивизм, но впоследствии собственной внутренней логикой опроверг своего основоположника и стал развиваться в большей связи с такими течениями философской мысли, как экзистенциализм (Сартр, Бинсвангер, Фромм), социальная философия (Маркузе), культурология (Юнг, Хорни, Фромм, Пирс⁴) и т.п.; впрочем, позитивистские теории имеются (психосоматика Ф.Александера).

Естественнонаучное и гуманитарное направление в лучшем случае друг к другу не имеют отношения. В худшем случае они враждуют и обмениваются обвинениями;

⁴ Г.Пирс и М.Б.Зингер авторы культурологической теории о разделении на "культуры вины" и "культуры стыда". На мой взгляд, теория не отличается глубиной, однако для позднего психоанализа такой чисто "гуманитарный" ход мысли очень характерен. [Александр, Селесник, 1995, с. 424].

обычное обвинение естественнонаучного направления в адрес гуманитарного - в не-научности. Так происходит несмотря на то, что при ближайшем рассмотрении гуманитарное может соответствовать критериям научности, как, допустим, в случае описательной психологии. Однако уже то, что предметом в данном случае являются психологические феномены, которые для своей регистрации неизбежно требуют участия субъективности наблюдателя, дает повод считать гуманитарное направление в принципе субъективным и *как бы* даже не стремящимся к объективности. Ясно, что изнутри это не так, но позитивисты могут так считать из-за плохого знакомства с существом дела.

Кроме того, физиологическая линия по отношению к гуманитарной говорит презрительно и так, как будто за ее спиной стоит какой-то авторитет. Она автоматически считает, например, что то, что не интересно ей, вообще не интересно. Она считает себя настоящим делом, а гуманитарные науки - пустой болтовней. Она считает себя референтной группой. Трудно с уверенностью понять, на какой авторитет она в данном случае опирается. Вероятно, это такое достижение родственной ей материалистической науки, как торжество техники. Или, возможно, высокомерие естественной науки в адрес гуманитарной связано с тем, что в области естественнонаучного выше доказательность и демонстративность, и, следовательно, более очевидна истина. Возможно, речь идет о (поверхностном) представлении, что только то, что овладевает внешним, полезно.

У гуманитарной линии в адрес естественнонаучной - свои обвинения. Прежде всего, конечно, не удовлетворяет редукция к животному субстрату. Не удовлетворяет она, по-видимому, вследствие естественного протеста, но еще более - из-за своей неэффективности. В сущности, на настоящее время не удалось создать физиологическую модель психики. Если бы это удалось, гуманитарная линия, наверное, отступила бы на второй план. Но вполне вероятно, что это невозможно в принципе; в этом случае за ней будущее.

Повторюсь еще раз, что если альтернатива сциентизм-антисциентизм носит типичный культурный характер, обе ее стороны характеризуют не науку, а лишь рецепцию науки обществом [Миронов, 1997], то естественнонаучное-гуманитарное - это внутреннее различие наук. Однако эти две альтернативы загадочным образом коррелируют: периоды психиатрии, когда на первый план выходило естественнонаучное

направление, отмечены торжеством сциентистской ментальности. Именно об этом пойдет речь в следующей главе. Если между физиологической линией и сциентизмом связь очевидна, то между антисциентизмом и гуманитарной линией внутреннюю связь сформулировать не так легко. Ведь психология наука. Впрочем, это наука о человеке, так что у нее есть все основания претерпевать периодически возникающие у человека желания быть объектом исследования не науки, а философского размышления.

Ниже я буду рассматривать историю психиатрии с точки зрения вышеописанных двух подходов. В истории периоды их доминирования чередуются. При изучении этой истории складывается впечатление, что то, какой из них доминирует, зависит от двух переменных. Во-первых, от уровня достижений физиологического подхода: если они велики, то он выходит на передний план (что касается психологических направлений, то открытий в них меньше, а теории появляются, если можно так выразиться, по мере необходимости). Во-вторых, от уровня антисциентистских настроений в обществе. Во втором смысле психиатрию можно считать неразрывно связанной с общественным настроением. Особенно эта ее связь обострилась в период 60-х годов, когда антисциентизм в обществе возобладал, несмотря на значительные успехи физиологии. С другой стороны, в 18 веке, когда у физиологии еще больших терапевтических достижений не было, общий просвещенческий сциентистский заряд был столь велик, что физиологическая терапия предлагалась на весьма гипотетической основе [Александр и Селесник, 1995, с.165.].

2. "Физиологическая" психиатрия

Термин вводится мной впервые для внутреннего употребления. Само данное направление называет себя просто психиатрия, не потому что оно имеет специальное намерение отказать другим направлениям в праве так называться, а потому что когда оно слагалось (18-19 век), других направлений не было. Но сейчас, когда они появились, наукой психиатрией, как кажется, логично называть всю ту область медицины, которая занимается излечением психических болезней, независимо от практикуемых методов. Следовательно, "экзистенциальная психотерапия" Л.Бинсвангера тоже под-

вид психиатрии. Во всяком случае, в моей работе, посвященной различиям внутрипсихиатрической мысли, мне будет особенно важно избежать путаницы между разными направлениями психиатрии. Что касается того из них, которое сложилось первым в конце 19 века, я назвала его физиологическим по ярко выраженному направлению его способа редукции.

История физиологической психиатрии в последнее время активно пишется и перепечатывается. Имеются интересные работы разной степени убедительности. На русском языке это прежде всего знаменитая вещь М.Фуко "История безумия". Она по своему столь исчерпывающа, что с ее появлением практически любая альтернативная история психиатрии может строиться не иначе как в несогласии с ней. У нее есть важнейшие достоинства, прежде всего изобилие исторического материала и глубина проблем. Не на поверхности лежит, например, противопоставление безумия и неразумия. В связи с этим противопоставлением четко сформулирован вопрос: "Почему все те, кто желал только быть неразумным, оказывались безумными?" - и напрашивается ответ: их только такими считали, и даже больше, их только так называли, чтобы сохранить общую идею социальной разумности (Фуко этого прямо не говорит, но, судя по всему, имеет это в виду). Еще важная идея Фуко: обретение безумием собственного языка. Что бы ни говорили сумасшедшие в век торжества позитивизма, в их речи не будет услышано ничего, кроме бреда; то, что в наш век безумию удастся сказать что-то, характеризует век, а не безумие. Так же важно то, что безумие говорит разное; уже отсюда видно, что или оно, или его восприятие - продукт культуры. Словом, блестяще выглядит постановка безумия в чисто культурный контекст.

Однако Фуко настолько ополчается против позитивизма и прогресса, что совершенно игнорирует внутреннюю логику науки. Из его произведения совершенно ничего нельзя понять о науке, только об обществе (заказ которого, по Фуко, она обслуживает). Комментаторы еще заостряют дело и формулируют примерно так, что наука вообще не имеет внутренней логики⁵. Но идею прогресса непременно надо реабилитировать, потому что без нее - это очевидно - развитие науки понять невозможно. В отличие от социальной ментальности, которая может описывать круги не по спирали, и, наверное, может, даже регрессировать, наука - при всех сменах ее парадигм - это

⁵ См. З.Сокулер, предисловие к: Фуко М., 1997.

поступательное приращение знания⁶. Книга Фуко полемична, он односторонне подбирает материал⁷. Кроме того, на мой взгляд, он не везде доказателен, местами он даже прямо противоречит не только общепринятым истинам, но и сам себе⁸. Наконец, у него очень много броских парадоксов, вплоть до игры словами⁹. Впрочем, если говорить упрощенно, то Фуко в целом на стороне Лэйнга, против традиционной позитивистской психиатрии.

Во-вторых, имеется обстоятельная история психиатрии Ш.Селесника и Ф.Александера [Александр, Селесник, 1995]. Эта книга в основном выдерживает взвешенно-объективный взгляд как на физиологический, так и на психологический подход, однако местами настолько педалирует психоанализ (Александр - психоаналитик), что напоминает идеологические произведения советских авторов.

За рубежом интерес к истории психиатрии велик, и там работ на эту тему много. По моим наблюдениям, доминируют французская и немецкая школа. Один из самых известных авторов Ж.Постель замечателен своей объективностью: он пытается одновременно и равно адекватно передать смысл работ, относящихся как к психологическому, так и к физиологическому подходу. Совсем недавно вышла "История шизофрении" Ж.Гаррабэ. Это очень детальная и разработанная вещь. Жанр ее исторический а не культурологический и не философский: автор описывает, в основном воздерживаясь от суждений.

Я, конечно, видела свою задачу прежде всего в том, чтобы выделить моменты, важные для понимания генезиса позиции Лэйнга. Подходить к этому можно с двух

⁶ См. об этом, напр.: А.Ф.Зотов, предисловие к: Г.Башляр, 2000, с. 24.

⁷ В его историю практически не включены имена, традиционно считающиеся ключевыми: Райль, Кьяруджи и т.д. Он имеет тенденцию игнорировать все, что не укладывается в его схему, например, совсем не упоминает Моро де Тура (он в середине 19 века высказывал не те мысли, какие приписывает тому времени Фуко; о Моро см. далее); не обращает внимания на германскую мысль (например, на Хайнрота).

⁸ Напр, указ.соч., с. 392. Сначала Фуко пишет, что идея не содержать сумасшедших вместе с преступниками приходила в голову многим задолго до Пинеля. Он приводит это как свидетельство того, что не Пинель был освободителем (пафос против Пинеля, постоянная идея Фуко). Затем оказывается, что те, кто писали об этом до Пинеля (надзиратели тюрем 18 века), были озабочены благополучием не сумасшедших, а преступников. Фуко меняет тему и теперь обрушивается с разоблачением на них, фактически доказывая, что Пинель все-таки перешел к защите больных. Однако измены собственному недавнему утверждению он не замечает.

⁹ Я имею в виду, прежде всего, то, что по-французски *aliénation* значит одновременно "отчуждение" и "безумие", и он строит на этом значительную часть своих размышлений: из его теории выходит примерно так, что уже на уровне языка в идее безумия заложена идея отчуждения. На тех языках, в которых это не так, такую логику убедительной не сочтешь.

сторон: во-первых, исходя из культурной атмосферы эпохи (всеобщий настрой на повсеместные бунты в 60-х годах). Во-вторых, исходя из логики развития науки (порождение ею проблем, обращенных к самой себе). Здесь возникает много вопросов, непосильных для разрешения в рамках одной диссертации: например, определяется ли развитие науки внутренней логикой ее взаимодействия с ее, так сказать, субстратом, или настроенностью ученых (зависящей от атмосферы в обществе)? Я написала о "генезисе позиции", но насколько можно сказать, что позиция ученого определяется извне его (так сказать, "социальным заказом" на одну из наличествующих альтернатив) и насколько он избирает ее сам, исходя из свойств субстрата, с которым имеет дело? Или, например, насколько атмосфера 60-х годов внутренне вытекала из логики развития общества (и науки как общественного предприятия)? В последнем смысле интересен еще такой вопрос: не сама ли наука привела к тому, что едва ли не все общество настроилось антисциентистски?

Все эти вопросы, может быть, мне дозволяется лишь поставить. Что касается моей задачи, то она такова: очертить рамки того материала, с которым работал Лэйнг, то есть набросать облик той науки, которую он хотел реформировать.

Психиатрия и психология, особенности психиатрии

Психиатрия как деятельность гораздо древнее теоретических наук (например, психологии, фактически родившейся в лаборатории Вундта в середине 19 века), ибо психически больных всегда лечили. Но наукой она стала, в общем, после появления параллельного ей фундаментального знания. Поскольку в данной главе речь идет о физиологической психиатрии, то параллельная ей наука - физиология нервной системы. Она имеет, конечно, свою долгую историю, но несколько упрощая можно сказать, что как наука она появилась во второй половине 19 века, приблизительно с работами К.Бернара, Рамона-и-Кахала и Вернике. Отдельные открытия ученых бывали в 18 веке, например, теория Морганьи (1761 г.) о локализации нервных функций в мозге.

Физиологическая психиатрия совершает непрерывное движение в сторону с психологии и физиологии с тем, чтобы воспользоваться их достижениями. Одной из особенностей психиатрии по сравнению с фундаментальными науками является бы-

страя проверяемость теорий по их эффективности. Поэтому физиология, конечно, построила больше, чем психиатрия у нее взяла. С другой стороны, психиатрия не требовала от подходящей теории таких достоинств, как глубина, тонкость, изящество и т.п. Не требовалась также такая еще более спорная материя, как истинность. В медицине практически всегда истинно то, что эффективно. Таким образом, психиатрия прагматична.

Второй особенностью психиатрии (вообще говоря, не только ее физиологической ветви) является *принципиальная нормативность*. Это особенность медицины, сама суть которой заключается в приведении к норме. Теоретически вопрос, какова "норма" психического здоровья, конечно, обсуждался, но его трудно назвать решенным. В философском смысле он может вызывать споры и ставиться вновь и вновь. Однако на практике больше ясности, чем в теории. Это связано с тем, что большинство психически больных очевидно страдают, и вылечить их - требование не только социальной нормативности, но медицинского функционирования, а также, как правило, их самих. Вопрос о критерии нормы обострился в том особом случае, которому посвящена моя работа, но обычно он не стоит столь остро. Встречаются определения нормы через отсутствие жалоб (субъективный критерий), через социальную адаптированность, дееспособность (социальный критерий), через соответствие некоторой заранее данной "норме реакции" (статистический критерий). Болезнь вызывает обычно отклонения по всем ним. Все же надо обратить внимание на то, что психиатрия должна иметь норму как цель; действовать в этой связи она может - если сочтет нужным - как угодно физиологически и позитивистски, но создать концепт нормы может только на пути рассуждения. (На практике, конечно, в ходу больше всего интуитивные концепты, о которых нетрудно сказать, что они являются чисто культурным порождением.) В этой связи нужно также заметить, что психиатрия отличается от остальных наук тем, что в ней взаимосвязаны наука и мораль (мораль в смысле норм социального функционирования). По всей видимости, это означает, что к ней нельзя применить требование М.Вебера об исключении ценности из области истины.

Третья особенность физиологической психиатрии (как и психологии): в этой науке нет *глобальной теории*, которая была бы источником частных идей и относи-

лась бы к ним если не как теория Ньютона к уравнениям движения, то, по крайней мере, как фрейдизм к частным теориям психоанализа. В идеале теорией полной редукции психического к физиологическому должна быть физиологическая теория работы мозга (из которой можно было бы выводить психические явления и, далее, их нарушения). Нельзя сказать, что такой теории совсем нет: базовой теорией работы ЦНС является нейронная теория. Она столь же убедительно повествует о работе отдельно взятого нейрона, как и теория Ньютона - о взаимодействии двух тел. Вся теория Экклза создана для объяснения, как один нейрон взаимодействует с соседними; она аналог теории Ньютона. Но нейронов миллиарды. Как теория Ньютона бесполезна для вычисления движений тел, когда их много, так и нейронная теория бесполезна для вычисления (=предсказания) работы мозга. Пытаться что-либо вычислить о мозге можно только начиная с работы "мозговых структур", то есть образований, которые состоят из групп в несколько, условно говоря, миллионов нейронов, и которых самих в мозге больше сотни. Примеры структур: полушария коры, ядра подкорки, мозжечок, ретикулярная формация. Хотя выделены они были в большинстве случаев чисто анатомически, их разделение было гипотетически проведено в область действия (до какой-то степени в будущем было показано, что по крайней мере некоторые структуры (ретикулярная формация, например) действуют как единицы, но это не неопровержимо и доказано далеко не для всех случаев). "Структура" в мозге считается автономной единицей осуществления функции. Что происходит внутри каждой структуры, почему они все таковы, какие есть, и действуют так, а не иначе - вопросы, на сегодняшний день не разрешенные. Как бы то ни было, с точки зрения, допустим, моделирования работы мозга, уже даже для одновременного учета всех структур нужен компьютер отсутствующей мощности, а философский смысл структуры тем временем остается непонятным и идея ее монолитности - проблематичной. Таким образом, нейронная теория бесполезна для понимания работы мозга. Таково положение в настоящее время, вполне возможно, таким оно будет всегда. Впрочем, возможен научный прогресс. Например, теория Ньютона бесполезна в масштабах Вселенной, но появилась теория Эйнштейна. С точки зрения философии, обе теории физические, между ними нет большой разницы. Так что, может быть, появится новая физиологическая теория, исходя из которой в работе мозга - в психологическом и физиологическом смысле слова! - можно будет как-то разобраться. Тогда исчезнет пропасть между пси-

хологией и физиологией, между *res cogitans* и *res extensa*, а также *mind-body problem* (а также и вообще загадка человека).

Однако на сегодняшний день результат отсутствия такой теории: ни переход от более или менее сложной психической деятельности к работе структур, ни переход от работы структур к какой бы то ни было психической деятельности неизвестен¹⁰. Психофизиологические открытия делаются в большой мере случайно. Эффекты веществ и механических вмешательств в большой мере непредсказуемы.

Четвертое. Несмотря на методологически очевидную беспомощность теоретической психофизиологии, *физиологическая психиатрия занимает практически господствующее положение* среди других ветвей психиатрии. В некоторых странах (США) с ней конкурирует психоанализ, в других, таких как Россия, она долгое время не имела никакой альтернативы. Причины ее торжества, очевидно, в том, что частные открытия этой науки сокрушительно эффективны. Лекарства для терапии тяжелых психических расстройств встретились почти случайно, но они позволили снять тяжесть почти любых тяжелых состояний. (Нужно обратить внимание в этой связи, что, хотя лекарства в случае разных диагнозов имеют на первый взгляд разные названия, по происхождению почти все они - нейролептики, т.е. сильнодействующие успокоительные, снимающие все симптомы простым уменьшением активности мозга).

Появление некоторых альтернативных течений в начале века, прежде всего психоанализа, вероятно, связано с тем периодом в физиологической психиатрии, когда максимальная эффективность еще не была достигнута. (Я имею в виду, что в рамках самой физиопсихиатрии никогда не было сомнений в правомерности редукции именно к субстрату, а не, например, как это делает психоанализ, к скрытым влечениям).

Этапы развития

Как уже указывалось, складывается довольно отчетливое ощущение, что в течение всего развития психиатрической мысли наблюдались колебания маятника. Этапы выделяются преимущественно по тому, какое направление доминирует. Имеется несомненная связь с доминирующим общественным настроением, но эта связь неодно-

значна. Например, нельзя сказать, что в философии первая половина 19 века представляет собой время идеализма, а вторая - материализма, или что в общественном сознании первая половина была временем антисциентизма, а вторая - сциентизма¹¹. Однако в психиатрии отчетливо наблюдаются два периода: в первой половине века преобладает психологический подход, во второй - физиологический [Александр, Селесник, 1995, с.202, 219]. Активность психологической линии в первой половине 19 века Селесник и Александр связывают с эпохой романтизма; это выглядит вполне убедительно. Они же указывают, что преобладание физиологического подхода в конце века связано с тем, что физиология сделала значительные научные успехи; это уже выглядит совершенно несомненно. (Что касается Фуко, то он, как кажется, специально старается противоречить общепринятым схемам, подразумевающим прогресс, и заостряет внимание на том, что время психологического подхода - это эпоха, когда психически больные считались виновными и, в то же время, "безумие обрело свой язык", "противопоставило себя неразумию" и "стало оборотной стороной разума", а физиологическая эпоха - когда "разум вторгся в сферу безумия", чтобы "овладеть" им и т.п.; другими словами, то и другое виды репрессии.)

0 - 1. "Доисторический" период

"Доисторическим" я назвала этот период, конечно, не в том смысле, что от него не осталось свидетельств, а в том, что он предшествует истории психиатрии как науки, в сущности, не входит в нее. Не вдаваясь в подробное обоснование этого положения, я скажу только, что тогда представления о психических болезнях слишком сильно отличались от современных. Между ними - в их научной сущности - вообще нельзя провести связи или не нужно этого делать.

Психиатрия по древности аналогична медицине, хотя методы лечения в античности, в Средние века и в Новое время различаются. Еще более интересно проследить, как изменяются представления о психической болезни и норме, что проделал Фуко. Фуко анализирует не только науку - которой тогда в современном понимании

¹⁰ Концепций работы мозга и их связи с психикой много. Ни одна из них не доказана, не общепринята и не объясняет всего.

¹¹ Вернее, сказать так будет большим упрощением. В принципе сказать так можно, поскольку именно в начале века оказывала свое влияние на общую культурную атмосферу ментальность романтизма. К концу 19 века ее влияние ослабело, и позитивизм снова вышел на передний план.

не было - но и всю связанную с безумием культурную ментальность. Он же указывает и на то, что отдельно шла рефлексия и развивалась медицинская мысль, а отдельно существовала практика. Причиной этого, очевидно, было то, что исторические корни науки как цепи идей и медицины как практики в разном: наука психиатрия (как и психология) выростала, так сказать, из чего-то среднего между философией и мифом, а практика психиатрии - из средневековой медицинской практики, историю которой несли и поддерживали неизменной довольно ригидные медицинские учреждения. Научная мысль отличалась богатством фантазии, а практика была трезва и в течение нескольких веков почти совершенно неизменна (в основном смиренные рубашки).

Бурное развитие психиатрической мысли в 19 веке подробно описано во многих трудах¹². Современная психиатрия началась, когда началась современная медицина, а последняя началась, когда началась современная наука. Толчок эре науки, несомненно, дало Просвещение. Но практические достижения начали появляться в 19 веке.

В "доисторическое" время выделяются свои периоды [Александр, Селесник, 1995, с. 137-223]:

1) Просвещение, до конца 18 века - господство физиологического направления в изучении и описании, терапия традиционная, включая исторически суровые меры; в течение периода наблюдается постепенный уклон в сторону либерализма, выразившийся в учении Пинеля. (Фуко склонен считать, что в маску либерализма рядилась со-

¹² Прежде всего, см. вышеназванную книгу Каннабиха [Каннабих, 1994], которая по духу принадлежит к тому самому периоду, который описывает. Аналогичное описание можно найти во всех историях психиатрии, разделяющих (полностью или частично) физиологический подход, например, Александр и Селесник, указ.соч, глава 10, сс. 224-263, в статьях Постеля [Postel, 1999] и т.д.

временная репрессия, но его доказательства нельзя считать убедительными¹³).

2) Первая половина 19 века: на первый план выходит психологический подход. В терапии мысль склоняется к "перевоспитанию", "моральному воздействию" (Хайнрот, Иделер).

3) Вторая половина 19 века: начиная с работ Мореля происходит возвращение к физиологическому подходу. Это начало современной науки.

Что касается аспекта "отношение к психически больным", то можно проследить тенденцию их защищать (мысль, не совсем совпадающая с мыслью Фуко). Например, когда-то их, условно говоря, обрекали на смерть в приютах. Против этого выступили деятели партии Пинеля (хотя они были не связаны между собой, но в разных странах появились практически в одно время [Александр, Селесник, 1995, с. 178]; мне кажется, наиболее интересен среди них Райль. Речь тогда шла о том, чтобы лечить воспитанием (среди средств которого числились вращающиеся стулья и разнообразные наказания [Александр, Селесник, 1995, с. 185]), по сравнению с чем физиология следующего периода, провозгласившая больных *больными, а не виноватыми*, представляет собой шаг к их защите. Кончился этот период нозологией Крепелина, которая довела мысль о болезни до логического конца: одним результатом этого было поспешное заключение о том, что серьезные психические болезни эндогенны и неизлечимы, другим результатом - тенденция лечить больных против их воли, третьим (в эпоху фашизма, вывод сделан последователями Крепелина) - рекомендация их стерили-

¹³ Пример. О "нравственном лечении" (очень известная идея Пинеля), которое заключалось, упрощенно говоря, в том, что больному объясняли, что сходить с ума нехорошо, он пишет, что репрессия была перенесена извне внутрь (пребывание в больнице было "тревожной, не имеющей выхода вовне ответственностью", Фуко, указ.соч., стр. 475), и что впоследствии Ницше и Арто предложили своими произведениями выход "из гигантской нравственной тюрьмы", в которую заключили безумие те, кто освободили сумасшедших от цепей (с.499). Невозможно не возразить Фуко, что нравственность и ответственность - всеобщие экзистенциалы; что, вообще говоря, назвать нравственность тюрьмой - заявление не из области философии науки, а из области литературной публицистики (ницшеанского толка). Возможно, Фуко было бы лучше написать, что перенесение ответственности вовнутрь, с полного принуждения (=цепи) на относительную свободу (=больницы) ставит больных в слишком сильное соответствие здоровым; то есть здоровые могут выносить нравственную ответственность, а больные нет, поэтому нельзя на них ее возлагать. Однако у Фуко получается, что век позитивизма и век буржуазии есть век (презренной) нравственной ответственности, которая является интериоризацией репрессии. Если так рассуждать, любое нравственное соображение здоровых людей - не только гетерономное, но и сколь угодно автономное - это интериоризированная репрессия. Эти рассуждения очень компрометируют эпистемологический и культурологический пафос философии такого рода, как у Фуко, потому что заставляют подозревать, что ее скрытая движущая сила состоит в нежелании быть моральным.

лизовать. По сравнению с такой теорией следующий психологический период, начало 20 века, когда было провозглашено, что *больные могут быть поняты, как люди*, опять представляет собой шаг к их защите. В следующий период, в 50-е годы, физиологическая психиатрия нашла средства излечивать болезни; это не защита больных, но прагматическая польза для них, и, следовательно, в некотором смысле опять шаг вперед. Однако опять появляется тенденция лечить не только тех, кому это надо; ставится вопрос, а надо ли вообще лечить, и Лэйнг опять делает шаг к тому, что ему кажется защитой... И так далее. Таким образом, можно сказать, что история психиатрии представляет собой непрерывный прогресс в области морали и во всяком случае стремление к нему.

- В каком-то смысле можно сказать, что автономная общественная мысль (не обязательно совпадающая с настроением всего общества) стремится ассимилировать безумие. Психология производит шаги к его пониманию, а физиология - хотя и стремится его лечить, то есть уничтожить - объективно способствует сохранению больных, продлевая им жизнь и предоставляя убежище в больницах от общества, которое иначе бы наказывало и воспитывало их на свой манер. В политическом смысле больным предоставляются права (что является возможной причиной усиления желания их изолировать).

Словом, общая тенденция развития психиатрии не совсем ясна и может быть трактована по-разному. Ниже я напишу, какая, по моему мнению, интенция доминирует в настоящее время. Однако на протяжении всей нижеследующей главы показываются периодическое доминирование то одного подхода, то другого.

Еще несколько слов с целью характеристики подходов.

Научный метод в медицине

Можно сказать, что идея психического заболевания в той форме, в какой она (сейчас) существует в науке, предполагает не человеческий статус больного. Неприменимость к нему права - одно свидетельство об этом; то, что к больным относятся часто как к неразумным существам (например, не спрашивают их, хотят ли они лечиться) - другое. Принято говорить о "патерналистской модели" взаимодействия больного и врача, о том, какие методы предлагаются для ее преобразования, но как кажется, что в рамках *науки* никакой другой модели общения врач-больной, кроме той, которая по-другому называется "субъект-объект", быть не может. Неразумность

объекта - предпосылка научного метода (см. в главе ЭФП о Ясперсе)¹⁴. Отсутствие у него свободы и права, право врача не согласовывать с больным свои действия - все это является частью научного метода, а когда свобода у объектов появляется, например, законодательно, это сильно раздражает ученых.

С другой стороны, субъектно-объектная модель с готовностью изъявляет желание преобразоваться в любую форму самого дружеского сотрудничества, когда речь идет о медицине в коммерческом смысле, то есть когда больной платит врачу за лечение. Отсюда можно сделать вывод, что обострение проблемы научного метода именно в психиатрии связано с тем, что больных в данном случае часто лечат насильно, а это, в свою очередь, потому, что они иногда представляют собой некоторую угрозу окружающему порядку. Второй вывод - что коммерческая медицина от науки в принципе дальше, чем некоммерческая.

Каковы альтернативы? Очевидно, этическое отношение к безумному не очень желательно, потому что он тотчас был бы обвинен в совершенных преступлениях (больные очень часто совершают правонарушения), следовательно, такой подход еще опаснее для него, нежели научный. Возможно, совсем гуманно было бы относиться к нему односторонне этически: только с применением прав, но не обязанностей, и односторонне научно: только с применением результатов достижений, но не научного процесса. То и другое очевидно противоречивые требования. Впрочем, их в последнее время пытаются исполнить.

Итак, резюмируя идеи подготовительного периода, современная психиатрия началась вместе с современной наукой. Датой ее рождения как науки в принципе можно считать работы первых классификаторов (во всяком случае, такие обдуманые классификации, как Райля), но ближе по смыслу к современной науке классификации "физиологического", а не психологического подходов. Самая первая из них - классификация Мореля.

0-2. Нулевой период в психологии. Рождение научного метода

Поскольку, как я выше писала, "научные методы" в медицине появлялись не так же, как в науке, для иллюстрации их появления удобнее взять психологию, а не пси-

¹⁴ "Наука обречена на субъект-объектное отношение" [Руткевич, 1997]

хиатрию, к тому же фигура Вундта интересна сама по себе. Конечно, он представитель гуманитарной линии, но ее начало не менее интересно, поэтому я напишу несколько слов о Вундте.

Общую научную ментальность той эпохи можно охарактеризовать как грубо редуционистскую: торжество жесткого материализма и практически полное сведение свойств души к свойствам нервов [Александр, Селесник, 1995, с.224-238]. Однако редукция эта по меньшей мере до конца 19 века происходила преимущественно в виде интенции: полагали, что мозг субстрат мысли, но в мозге мыслей не видели. Поэтому в ходу были экстравагантные предположения о том, как их там увидеть. О самих же мыслях знали исключительно внутренним знанием.

В.Вундт (1832-1920)

Вундт был первый, кто поставил задачу узнать о мыслях не внутренним знанием. Именно с него началась важная идея выведения переживаний изнутри наружу для изучения. Объективно изучали душевные движения, реакции, чувства, эмоции и тому подобное. "Объективно" в данном случае означает регистрируемо, повторяемо, исчислимо и т.п. Но о наличии этого и о том, в каких случаях это возникает и, грубо говоря, в чем заключается - то есть как переживается - знали все равно внутренним знанием. Выводили его наружу методом интроспекции и самоотчета.

Вундт пребывал всецело, так сказать, на "сознательной" стороне пропасти. Новым было то, что он это сознательное вывел из области "наук о духе", прежде всего из-под диктата философии, которая неизбежно навязывала психологии конституирование от должного, а не от сущего, поскольку философия в области должного чувствует себя намного спокойнее, а во-вторых, от теории, а не от практики, потому что для любой мыслительной деятельности теория первичнее практики, и уж для философии в особенности¹⁵.

Почему психология была в начале разработана именно философией - вопрос, по видимому, прежде всего исторический. Почти обо всех науках можно сказать то же самое. Например, математика зародилась в Древней Греции в непосредственной связи с философией, но математика - это такой предмет, который очень быстро стал созда-

вать себя сам по собственным внутренним законам. Поэтому ученому уже не нужно было быть философом, чтобы работать в математике. По тому же принципу обособлялись естественные науки: как только они достигали такой разработанности внутренних законов, что, следуя им, могли работать узкие профессионалы, так наука утрачивала связь с философией.

Психология, как вид самопознания человека, долго не имела внутренних законов. Причины этого, на мой взгляд, в том, что, во-первых, познавали себя люди философски просвещенные, во-вторых, опирались в деле самопознания на великую традицию, в-третьих, самопознание - это сделал ясным Фрейд - процесс, более подверженный определению должным, нежели сущим. В-четвертых, вообще наличие в нем законов не столь очевидно, как в природном мире, потому что человеку свойственно воспринимать себя существом а) разумным, б) свободным. Оба эти качества плохо сочетаются с идеей детерминированности, а наука ведь изучает детерминированное.

Очень точно звучат слова Фуко о том, что сам проект науки психологии опирается на (культурный?) постулат о том, что человек определяется не только взаимодействием с общей истиной, но "своей собственной истиной" [Фуко, 199., с.516]. То, что Фуко называет "истиной человека", психология считает явлением природы. Как бы то ни было, это дано. В сущности, пафос психологии в этом смысле гносеологический. Психология призвана выяснить, какие ограничения накладывает природа на процесс познания истины, и, следовательно, затем преодолеть эти ограничения, чтобы познать (нечеловеческую) истину.

Итак, Вундт обособил психологию от философии, переведя ее в разряд эмпирических наук о природе (и сделал ее тем самым беззащитной перед вторжением любых мыслимых экспериментов). В 1879 году он основал первую в мире лабораторию экспериментальной психологии¹⁶. Основную трудность он видел в том, что сложные психические процессы не могут достаточно долгое время находиться в поле ясного

¹⁵ Автор благодарит за эту мысль А.Ф.Зотова (записи его бесед, лекций и семинаров). Кроме того, похожие мысли, если я понимаю правильно, были у Г.Башляра [Башляр, 2000].

¹⁶ Интересно, что Вундт начал издавать журнал, который был посвящен тому, чем занимались в его лаборатории, то есть экспериментальной психологии, но этот журнал назывался "Философские исследования". Я склоняюсь к мнению, что это был пережиток того времени, когда "сознательное" было предметом философии. Возможно, Вундт не мог порвать с философией слишком быстро, как это сделали позднейшие психологии типа бихевиористов, потому что он был по образованию философ: ему принадлежит, например, известный учебник по истории философии.

зрения наблюдателя, которым по необходимости часто может являться только сам переживающий. Отсюда при постановке психологического эксперимента он выдвинул требование многократной воспроизводимости результатов, выявление существенных условий возникновения изучаемых явлений, отсюда - варьирование условий эксперимента и т.п.

Таким образом, Вундт рассматривал "сознательное" как субстрат науки, как некую часть природного. Это был важный ход, потому что тем самым он перевел из разряда наук о духе в разряд наук о природе огромный пласт того, что раньше считалось в некотором смысле достоянием разума (вплоть до возможности изучать как природное - то есть как одно из многих возможных - мышление об истине; этого сам он, конечно, не планировал). Против этого хода мысли часто можно встретить возражения. Например, Декарт, если не ошибаюсь, не счел бы, что *res cogitans* может быть явлением природы. Ясперс позже в этом смысле реставрировал картезианский дуализм, утверждая, что человека экспериментальными (и какими бы то ни было изучающими природу) методами изучить нельзя, потому что человек - это свобода. Однако общий ход науки следовал в русле Вундта. Современная социология, например, даже очень сложные социальные расклады изучает экспериментально и вообще так, как изучают природное (чисто данное), не имеющее отношение к разуму (сопричастного заданному).

Впоследствии широкий фланг экспериментальной психологической науки слился с физиологией. Возникла, например, психофизиология, наука такая органичная и разработанная, что ее никак нельзя назвать областью стыка наук, несмотря на название. (Общая формула эксперимента в этой науке - вмешаться в субстрат и посмотреть, что нарушится. Впрочем, в Вундту это не имеет отношения.) Это вполне закономерное следствие изучения природы. В сущности, в настоящее время психология представляет собой чистую эмпирическую науку о природе, не имеющую никакого

отношения к философии¹⁷. Однако у Вунда это было не так. Философию Вундт не бросал и во время занятий психологией. Будучи широко образованным ученым, он занимался разными науками и наведением мостов между их предметами. Он привел психологию в лингвистику и в этнографию, издал 10-томный труд "Психология народов". Конечно, я не совсем корректно выразилась о "наведении мостов" по отношению к тому времени, когда науки были еще не дифференцированы. Скорее это выглядит как применение методов одной науки к другой.

В этот переходный период удобно ставить вопросы о науке. Например, в древности медицину не считали видом науки, она считалась ближе к искусству¹⁸. Впрочем, и в понятие науки в древности не входила идея воздействия. В современном понимании: и наука воздействует, и медицина наука. У Эскироля в его "моральной терапии" медицина еще своего рода искусство.

Данное противопоставление актуально в том числе потому, что Лэйнг впоследствии резко ополчился против научного метода. Воздействуя эмпатией, сопереживая больным и вызывая к пониманию, он пытался вернуться к медицине как к искусству¹⁹. Впрочем, сам он так не считал. Он предполагал, что то, что он ищет, лежит в истории, но устремлял взгляд гораздо дальше в историю. Он цитирует слова Парацельса о милосердии и сострадании²⁰. Слова эти поэтичны, но вряд ли способны служить программой действия. И наукой, и искусством, и религией медицина быть может, но милосердием - маловероятно. Как кажется, она требует гораздо больше ресурсов, чем оно может ей пре-

¹⁷ Несколько менее очевидно - но мне кажется - что связь между философией и психологией примерно напоминает связь между математикой и физикой. Я имею в виду, что математика некоторым образом постулирует законы чисел, эти законы могут "проецироваться" на практику весьма разным образом; затем физика находит, какие варианты этих законов реализуются "на самом деле". То же самое с философией, которая формулирует общезначимые связи, допускающие несколько, если можно так выразиться, воплощений. Какие воплощения реализуются у человека, изучает (экспериментально) психология.

¹⁸ В принципе, в латинском языке нет разницы между словами "искусство" и "ремесло" (ars). Медицину, наверное, считали скорее ремеслом, чем искусством в нашем понимании. Важно, что ее не считали наукой (scientia).

¹⁹ Автор горячо благодарит за эту мысль Т.Ю.Бородай.

²⁰ Исцеление достигается врачеванием,

само же искусство врачевания

проистекает из милосердия.

Следовательно,

не трудом Веры постигается исцеление,

но трудом сострадания.

Истинная основа медицины —

Любовь.

Парацельс

(Перевод по тексту Лэйнга; Лэйнг ссылается на: Pachter, H.M. Paracelsus: Magic into Science, NY, 1961.)

доставить.

Я привела историю появления экспериментальной психологии как иллюстрацию рождения научного метода. Психиатрии это касалось не прямо. С одной стороны, учеником Вундта был Крепелин. С другой стороны, вообще-то у психиатрии с психологией не было тесной связи. Психиатрия скорее обособлялась от медицины (по Фуко: от изоляции, то есть грубой репрессии, к науке, то есть утонченной репрессии); это движение началось во Франции на базе клиники Сальпетриер. С одной стороны, сняли с больных цепи, с другой, исследовали истину во взаимодействии психологического и физиологического подходов. Психологический подход в начале 19 века выглядел несколько по-разному в Германии и Франции. В Германии это было, так сказать, духовно-религиозное движение; его основной вдохновитель Хайнрот трактовал психические болезни как проявление греха, от которого лучшее терапия - чистая совесть. Его коллеги Райль, Иделер и Фойхтерслебен не заостряли внимание на грехе, но практически их позиция сводилась к тому, что так или иначе больные ответственны за то, что больны, и тем или иным способом нужно на них психологически воздействовать. Этот психологический период был, таким образом, "обвинительный". (Фуко указывает в этой связи на то, что больных боялись. Это, конечно, само собой (хотя и трудно сказать, насколько вообще можно не бояться больных, они ведь непредсказуемы, неуправляемы и т.п.), однако для того, чтобы называть тогдашний настрой обвинительным, достаточно указать, что больных считали виноватыми в своей болезни.) С целью терапии дозволялось пользоваться запугиванием, "безвредными мучениями" и т.п. [Александр, Селесник, 1995, с. 183 - 185, 214]. Такой ход мысли присущ религии и местами несколько напоминает инквизицию, которая считала страдания оправданными с точки зрения высшей задачи спасения души.

Что касается психиатрии во Франции, для нее были не характерны ни метафизические, ни религиозные рассуждения. Очень широко была распространена идея моральной терапии ("traitement moral", термин введен Пинелем). Заключалась моральная терапия, собственно, примерно в том же, что и у Хайнрота, потому что ничем больше медицина не располагала. Больных изолировали, создавали по мере возможности хорошую обстановку, но не избегали наказаний и так далее. Помимо Пинеля, важнейшую роль играл его ученик Эскироль. Что касается ученика Эскироля Мореля, то он в

середине века положил психологическому подходу конец, введя вместо него физиологические объяснения. Они у него обобщались вокруг изобретенной им теории наследственного вырождения. По современным понятиям теорию вырождения можно опровергнуть, но сами по себе физиологические объяснения в основном остаются.

Весь 19 век - нозологическая эра, как у сторонников психологического, так и физиологического подхода. Люди, оставившие в истории след как реформаторы: Пинель, Райль, итальянец Кьяруджи - выпускали труды с классификацией болезней. Фуко замечает, что медицинские системы были далеки от того, что бытовало в естественном языке, особенно в языке обслуживающего персонала больниц. Вероятно, это объяснялось тем, что классификации медиков вытекают из предсуществовавших теорий и неизбежно наследуют их внутреннее развитие. Например, Пинель на практике реформировал Сальпетриер и Бисетр, а в теории следовал за Калленом; Каллен, который как практик организовал медицинскую школу в Глазго, как теоретик был ученик Бурхааве (немецкий врач конца 17 - начала 18 вв); Бурхааве же был поклонник Гиппократов и теоретиком не был совсем. Примерно такие же цепочки можно проследить во многих случаях. Поэтому представляется верным замечание Фуко о том, что теория и практика часто имеют параллельное развитие, мало замечая друг друга (несмотря на то, что один и тот же человек может быть одновременно и теоретиком, и практиком. Это разные дискурсы).

Нозологическая настроенность психиатров того периода приводила к выделению все более тонких различий внутри безумия. Сложившееся название этого периода - нозологическая эра - означает, что это эра классификации болезней. Насколько продвинутыми были эти классификации, можно судить по тому, что в середине 19 века Эскироль, сделав первые описания умственной отсталости, подметил, что это не то же, что психоз; он же ввел несколько ключевых слов, например, галлюцинации. Хотя процесс классификации с виду чисто аналитический, он обогащал психиатрию идеями. Чем тоньше классификация, тем точнее диагностика, и даже при слабых средствах - медицина совершеннее. Поэтому были успехи и на практике.

Ж.Моро де Тур (1804 - 1884)

Это очень оригинальный мыслитель, которого по смыслу совершенного им сле-

дует рассматривать как представителя психологического подхода (однако к этой стороне его приписала скорее история, сам же он был привержен физиологическим идеям). Широкую известность поучила его работа о психическом состоянии, которое вызывает гашиш: по его мнению, это состояние родственно бреду. Если психиатрическую сторону вопроса он изучал путем наблюдения над больными (это был практикующий врач, ученик Эскироля), то психоделическую - на себе самом. Истории рассказывают об этом несколько по-разному; Постель считает, что на эту мысль Моро натолкнуло путешествие на Восток. Сам Моро подчеркивал познавательный смысл интроспекции: как для того, чтобы понять, что такое боль, надо ее испытать самому, так надо, насколько возможно, интроспективно постичь бред и так далее (идея, которая потом была очень близка Лэйнгу). Как бы то ни было, мысль о том, что все измененные состояния сознания родственны между собой, чем бы они ни вызывались, лежит в русле, с одной стороны, конечно, чисто материалистического способа мышления, с другой, некоторого неотъемлемого романтического интереса к безумию (хотя бы уже то, что он захотел испытать, что это такое). Нетрудно предположить, что дальнейшие умозаключения в этом направлении приводят к идее, что между психическими заболеваниями и здоровьем принципиальной разницы нет. Действительно, Моро де Тур одним из первых начал писать о пограничных состояниях. Его вообще волновало присутствие нерационального в рамках течения повседневной рациональности. Он интересовался сновидениями и развил на этот счет теорию, не очень отличающуюся от фрейдовской²¹. Вполне органично в его теории было и то, что он склонялся к некоторому соотнесению гениальности и безумия.

Нулевой период, с моей точки зрения, закончился, когда произошло а) обособление психиатрии как автономной науки (особой области медицины) и б) встреча медицины и психологии, родившейся как науки. Дату второго события, правда, точно назвать трудно. Психология родилась в 70-х годах 19 века, а в конце века было уже много ученых и в той и в другой науке, мыслящих в категориях связи между ними

²¹ "Человеку даны две модели существования, два типа жизни. Первый - наше взаимодействие с внешним миром. Второй есть лишь отражение нашей внутренней сущности. сновидение - это нечто похожее на ничейную землю, где кончается внешний мир и начинается внутренний." [Moreau de

(Фрейд, например). Психиатры были в курсе деятельности и Вундта (Крепелин у него учился). Так или иначе, первый период начинается во второй половине 19-го века.

1. Первый период: до первой мировой войны

Это период торжества позитивизма в психиатрии. Вера в прогресс, торжество идеалов Просвещения в те годы определили очень оптимистическое отношение к возможностям и не очень глубокую рефлексию целей. Для этого периода характерны большие успехи в теории, чем на практике. Болезни делились на эндогенные и экзогенные (автор деления - Мебиус). Обычно считалось, что эндогенные заболевания неизлечимы (психозы), в то время как функциональные заболевания (невроты), всегда экзогенные, можно излечить изменением условий. Такой презумпции придерживается, например, Крепелин²². Можно сформулировать по-другому: не принято было допускать возможность, что такое глубокое нарушение, как психоз, может вызывать нечто столь малозначащее и изменяемое, как психологическая среда жизни. Параллельно с успехами биологии и медицины достигались успехи в терапии органических заболеваний. В учебниках того времени подробно описаны прогрессивный паралич, старческое слабоумие и т.п. Состояния возбуждения и бреда лечили сильными успокаивающими (т.е. снимали, а не лечили). Наиболее развитой страной в 19-м веке была Франция (основным центром притяжения был парижский Сальпетриер, хотя имелись другие школы, например, в Нанси; в Париже, помимо Сальпетриера, интересным центром было городское управление здравоохранения, где в начале 20-го века работали такие люди, как Клерамбо [Postel, 1997]. Впрочем, к 20-му веку лидерство переходит к Германии. Были важные центры также в Швейцарии (Буркхельцли, позже Кройцлинген).

Шарко (1825-1893)

Интересна эволюция Ж.-М.Шарко. Он оставил след в культуре главным образом тем, что оказал влияние на Фрейда: он научил его гипнозу. Но самоопределялся Шарко не этим. По своему исходному образованию он был не психиатр и в начале карьеры изучал соматические заболевания. Затем он стал невропатологом. Ясно, что нев-

Tours, 1945, p.41]. (У Фрейда примерно это называется принцип реальности и принцип удовольствия.)

ропатология была для него видом соматической медицины; он изучал сухотку спинного мозга, рассеянный склероз, паркинсонизм.

В работе невропатолога приходится сталкиваться с истерическими случаями: симптомы есть, а видимых заболеваний нет. Например, бывают ложная слепота, немота, кажимость параличей и так далее. (Считается, что истерики готовы симулировать что угодно, чтобы вызвать к себе жалость и привлечь внимание. Костный перелом симулировать труднее, нежели паралич, и поэтому они симулируют параличи). Судя по всему, Шарко занялся истерией главным образом потому, что просто столкнулся с ней. Истерия была для него тоже видом органического страдания. Будучи представителем еще материалистического века, он был уверен, что органические причины есть у всего. Хотя на первый взгляд у вымышленного паралича истерического больного настоящих паралитических повреждений нет (= нормально функционируют нервы), Шарко предполагал, что недостаточность при истерии, наверное, более тонкая. Он называл это "органическая слабость". Это было и осталось только его гипотезой; наука так и не нашла при истерии и других неврозах никаких отклонений органического характера.

От истерии до гипноза - один шаг, и Шарко его сделал. Для того, чтобы увидеть общее между истерией и гипнозом, надо обладать незаурядной интуицией. (Здесь я употребляю это выражение как расхожий штамп. На самом деле, это должна быть принципиально иная точка зрения на вещи. Когда проводятся связи на уровне явлений, то даже если общий контекст изучения явлений редуccionистский, данный ход мысли редуccionизмом не является)²³. Материалист Шарко подошел к гипнозу трезво: если что-то психическое происходит, значит, есть органический субстрат. Он его

²² Подробнее об этом см. [Каннабих,1994, с. 351].

не нашел, но был уверен, что субстрат есть; благодаря этому он не сомневался, что занимается наукой. Гипнотические явления в его время были экзотикой, еще недавно гипноз ассоциировался с месмеризмом (= шарлатанством). Шарко было важно, что он изучает "настоящие" болезни больных людей, то есть что истерики больны; что он нашел воспроизводимый симптом их болезни, то есть с гипнозом можно работать ученому. Эта работа совершенно не походила на работу невропатолога, которая заключается в исследовании нейронных срезов на предметном стекле: работа с гипнозом была прямым шагом в психическое, не имеющее связи с нервами. Только благодаря своей вере в то, что он работает с нервами, Шарко стал работать с гипнозом. Но работал он с ним, как с психическим, а не как с нервами.

Крепелин (1856-1926)

Фигура Э.Крепелина представляется из перспективы 21 века мрачной, если не зловещей. Лэйнг отзывается о его медицинском методе уничтожающе ("Политика переживания", с.292). Крепелин - автор первой хорошо работающей классификации психических болезней. Вклад его в нозологию был не меньше вклада Линнея в ботанику, и такой же по духу. У него был талант классифицировать, что в какой-то мере безусловно говорит о ясности представлений. Несмотря на то, что воззрения на природу психических заболеваний изменяются, нозологические формы Крепелина живы до сих пор (маниакально-депрессивный психоз, кататония, гебефрения, паранойя...) Он делил болезни на: эндогенные и экзогенные; органические и функциональные; неизлечимые и излечимые. Эндогенные он считал органическими и неизлечимыми, среди них главным органическим поражением была шизофрения, которую он назвал

²³ Я не буду здесь объяснять, что именно общего между истерией и гипнозом. Это тема отдельного размышления. Вообще говоря, их связь доказана эмпирически. Шарко считал, что только истерики поддаются гипнозу, и в этом он был почти прав, как в дальнейшем и подтвердила медицина. Поэтому дальнейшие слова основываются на осмыслении фактов. Можно считать истерию и гипноз проявлением экстраверсии; об истерии см. выше; проведение связи между гипнозом и экстраверсией является скорее характеристикой экстраверсии, чем гипноза. Эту характеристику можно дать как раз через зависимость от внешнего. Тогда, естественно, гипноз - предельное выражение зависимости от внешнего, а истерия - не предельное, но систематическое. Если считать то и другое проявлением регрессии (а, по-моему, эмпирический факт, что истерия - это превалирование поведения, которое в норме преодолевается - не случайны совпадения с детскими особенностями), это будет говорить нам скорее о регрессии, и будет говорить о ней то, что она есть возврат к зависимости от внешнего. Еще

Dementia praecox (раннее слабоумие). Впоследствии в течение всего 20 века не прекращались попытки найти органический субстрат шизофрении, но это не удалось. Классификация Крепелина носит бросающийся в глаза наивный обвинительный характер. Так, например, он не задумываясь употребляет слова "психическая болезнь" и "слабоумие" как взаимозаменяемые синонимы (когда речь идет о Dementia praecox).

В одном из своих учебников Крепелин дал описание нескольких больных с разными формами Dementia praecox. Это описание сделалось несколько классическим, что перепечатывалось почти во всех учебниках, во всех странах, до конца 20 века. Это протокол, речь там идет о том, как врач представляет студенческой аудитории больных: он задает им вопросы, они ему не отвечают; он, чтобы продемонстрировать особенности их восприятия, ставит некоторые опыты, например, укалывает их булавкой, они не реагируют, и так далее. Впоследствии Лэйнг поразительно переосмыслил эти тексты Крепелина: там где тот ставит медицинский опыт - демонстрирует больных студентам - Лэйнг представляет дело как издевательство над больным, как кричащий пример непонимания. Самому Лэйнгу стоило вставить в текст несколько пояснительных фраз, и первоначально бессмысленная речь больных сделалась понятной. Переосмысление Лэйнга произвело глубокое впечатление на медицинскую общественность, главным образом потому что классический текст Крепелина был всем очень хорошо знаком. В таком контексте обвинять Крепелина в непонимании больных - примерно то же, что обвинять в глупости букварь (где "мама мыла раму"); такое обвинение отвести нечем. С одной стороны, следовать за Лэйнгом и отрицать Крепелина означает, в частности, отрицать большую часть учебников, переусложнять случаи и т.п. С другой стороны, речь идет о живых людях, которых Крепелин часто объявлял безнадежными (напомню, что Крепелин считал Dementia praecox эндогенным - значит неизлечимым - заболеванием), а Лэйнг лечил, так что, возможно, кое-где переусложнения были оправданы. Таким образом, проблема общего/частного в психиатрии имеет практический выход в вопрос об учебниках, то есть в дело студенческого образования. Последнее непременно требует некоторого уровня обобщения, а следовательно, отрицает эмпатию. По ходу дела следует также заметить, что, вероятно, не слу-

одно умозаключение, и придется сказать, что любая экстраверсия - регрессия. Это уже к Шарко не имеет отношения; от этой точки зрения был недалек Юнг, и по духу она ницшеанская.

чайно у Лэйнга не было учеников, а на Крепелине выросли поколения психиатров.

В культурологическом смысле Крепелин был прогрессист. Ему принадлежат не только многотомные энциклопедические труды с систематикой болезней, но и, например, публицистические брошюры по борьбе с пьянством. Они проникнуты верой в могущество нравственной сознательности (он призывает не пить, мотивируя это тем, что пить нехорошо) и отсутствием сомнений в правомерности целеполагания построить светлое будущее по законам разума и науки.

Такого рода глобальный социальный оптимизм естественно перетекает в "обвинительное" отношение к отклонениям и в естественное стремление их элиминировать. Хотя обвинять отклонения в обществе постмодерна сделалось неприемлемо, тогда это преследовало вполне благородную цель: поделиться с отклонившимися своим здоровьем и оптимизмом; разделить с ними свои ценности. В основном, как кажется, тогда вся наука была оптимистична, хотя извне науки и в то время уже появлялись сигналы о недоверии: "Палата №6", например.

В то же время ярко проявляется склонность сциентистской установки к репрессивности, особенно по отношению к тем больным, которых нельзя излечить, прежде всего к шизофреникам. Вот что пишет Руткевич: "Уже Крепелин, крупнейший немецкий психиатр того времени, пишет о психиатрии, как главном орудии нации против "лишенности корней" и "вырождения". Его ученики прямо заявляют, что психиатрия стоит на службе нации, что она заботится не об отдельных лицах, но о целом, о "народном теле"" [Руткевич, 1996].

С Крепелином нозологическая эра в психиатрии закончилась. Его классификация была практически воплощением совершенства и в дальнейшем сделалась общепринятой, хотя отдельные авторы продолжают предлагать другие. Сегодня отголоском нозологической эры являются периодические выпуски "Международной классификации болезней" (детище Всемирной организации здравоохранения). Уже довольно давно основная интрига в этой деятельности - перетаскивание рубрик из одного раздела в другой и переводение их из разряда болезней в разряд не болезней и обратно. Дело это зачастую более политическое, чем научное. Например, недавно постановили счи-

тать не болезнью гомосексуализм²⁴. Это произошло после того, как в 1950-х годах с довольно большим шумом постановили считать его болезнью: тогда это нужно было, чтобы освободить гомосексуалистов от юридического преследования. Теперь, когда уже прочно утвердилось отсутствие преследования со стороны закона, следует освободить их и от обязательного преследования со стороны медицины. Эта история интересна тем, что вкратце повторяет всю историю освобождения психических болезней. Лично мне видится здесь прогресс свободы, хотя скептики вроде Фуко наверняка решили бы иначе. В любом случае, это служит некоторой чертой характеристики общества.

Альтернативой разветвленным классификациям наподобие крепелиновской служит концепция "единого психоза" (автор - врач начала 19 века Целлер). На первый взгляд это обычная медицинская гипотеза о патогенезе болезней. Идея состоит в том, что как психическое здоровье в принципе одно, в сколь бы разных (культурных) формах оно ни проявлялось, так и психическое заболевание тоже одно - так сказать, разные виды одного и того же "недоотягивания" до нормы. Молчаливо подразумевается, что психическое здоровье представляет из себя достаточно развитую способность адекватной адаптации. Заболевание представляет из себя недостаточную адаптацию. Причины могут быть в принципе разными (это будет, выражаясь медицинским языком, разница этиологии, а не патогенеза), например, ослабление организма в результате внешнего соматического заболевания, врожденная недостаточность, инфекционный процесс, стресс и т.д. Приводить это тоже может к довольно разным следствиям, в зависимости, например, от исходной психологической конституции и предрасположенности. Формула "что-то одно приводит к чему-то другому" выглядит, конечно, слишком обще. Однако вопрос стоит принципиальным образом. Речь идет о том, что все психические заболевания имеют единую природу, относительно постороннюю по отношению к психике. Например, у человека с склонностью к шизофреническим реакциям от ослабления организма или от соматического заболевания будет шизофреническая реакция, а у человека с склонностью к психопатии от тех же причин декомпенсируется психопатия. Из концепции единого психоза следует, что лечить надо

²⁴ Некая точка зрения на эту проблему представлена, напр., в : [Spector, 1972].

не сам психоз, а причину (чаще всего соматическую), которая его вызвала. В разные периоды концепция единого психоза выглядела по-разному, в зависимости от того, на чем основывалась нозология той эпохи. Существует она и до сих пор, вероятно, можно даже сказать, что преобладает. Представители психологического подхода, например, фрейдисты, Г.Бейтсон, экзистенциалисты и феноменологи и т.д. обычно охотно считают, что у всех болезней в принципе одна причина, и все болезни по большому счету тоже одна болезнь. Вопрос, какова она, они, конечно, решают по-разному.

2. Второй период: от первой до второй мировой войны

Во втором периоде произошло торможение прогрессистского полета мысли, начали появляться признаки недовольства и призывы к альтернативной мысли. По-видимому, можно считать, что шок той эпохи в настоящее время в первом приближении отрефлектирован: именно тогда закончилась безусловная вера в прогресс. В применении к медицине это значит, что стал появляться вопрос о целях. Заострился вопрос формулировки концепта нормы и болезни (который, впрочем, имеет свою историю и на протяжении 19 века [Каннабих, 1994, с. 331]). Начали поднимать свои головы и безумцы: А.Арто, сюрреалисты и так далее. В большинстве случаев, кажется, речь у них шла о праве представлять собой культурное явление.

С научной точки зрения 20-30 годы в физиопсихиатрии - время застоя. Сказалось, видимо, в том числе то, что не лучшее время переживала Германия. Трудно найти в это время что-нибудь новое. Зато бурно развивались смежные ветви, прежде всего психология и психоанализ. Их развитие хотя бы отчасти наверняка было стимулировано застоем физиопсихиатрии. Многие концепции психоанализа и особенно постпсихоаналитических течений, таких как экзистенциально-феноменологическая психиатрия, несут отпечаток противопоставления физиологическому подходу. Кроме того, за прошедшие века (считая от 18-го) своего преобладания физиологическая линия привела к некоторому разочарованию. Например, так и не удалось объяснить повреждением мозга даже такой сильный психоз, как шизофрения, уже не говоря о невротических состояниях.

Таким образом, это время, когда на первый план выходит гуманитарная линия. Преобладал в ней в те годы психоанализ, которого я здесь не буду касаться (см. главу

о Кляйн). Поскольку эту теорию разделяли не все, позже возникли альтернативы, такие как экзистенциально-феноменологический подход и различные психотерапии. Общее среди них было то, что они не только лечили словами, но и причины болезней видели, так сказать, в вербальных событиях окружающей среды. (Иногда это были направления мысли вполне редуционистские, только редуцировали не к физиологии; то же свойственно и современным гуманитарным направлениям в психиатрии, например, тем, которые родственным НЛП).

Блейлер (1857-1939)

Хотя самый важный труд Ойгена Блейлера "Группа шизофрений" вышел в 1911 г., по духу Блейлер, на мой взгляд, относится ко второму периоду²⁵. Блейлер работал в знаменитой клинике Burghölzli, много лет был ее директором, у него учились или вместе с ним работали К.-Г. Юнг, К.Абрахам (психоаналитик), Л.Бинсвангер, Ж.Пиаже, Г.Роршах и другие. Он первым из знаменитых психиатров физиологического направления обратил внимание на Фрейда. В истории психиатрии он навсегда останется тем, кто ввел слово "шизофрения". Крепелин считал разные формы все-таки одним заболеванием на том основании, что все прогрессируют, неизлечимы и в конце приводят к распаду личности (он так думал). В отличие от него, Блейлер определил шизофрению психологически: как ослабление ассоциативных связей, которые приводят к дезинтеграции личности, причем лишь на некоторое время и в некоторых отношениях. Он впервые описал психологические явления у больных: аутизм (потеря контакта с реальностью), амбивалентность (одновременное наличие взаимоисключающих стремлений и мыслей), деперсонализацию (отсутствие ощущения "Я"). Указал на особенности речи: неологизмы, "словесный винегрет" и "отрицательную речь". Замечая у шизофреников необычную эмоциональную жизнь, пытался дать этому объяснение с позиций психоанализа, но эти главы, как его собственные не совсем достоверные разработки, набраны в учебнике мелким шрифтом. Вообще к Блейлеру располагает его чрезвычайная скромность: он не признавал за собой почти никаких заслуг, приписывая их другим, например, Фрейду, Крепелину и так далее.

²⁵ Я выше связала возникновение самосомнения в психиатрии и снижение торжествующего прогрессистского накала с шоком Первой мировой войны. Однако видим, что у великих ученых, как Блейлер, сомнения возникли еще до войны.

Второе, что сделал Блейлер - революционное заявление, что шизофрения не обязательно неизлечима, что это не обязательно органическое поражение и что даже у тяжелых психозов могут быть внешние причины [Блейлер, 1993. С. 158]. Хотя имеются несколько формулировок, принципиально это одно и то же утверждение о некоторой родственности: во-первых, между психозами, невротами и нормой, во-вторых, между органическим и психическим.

Можно считать, что от Блейлера берет начало ЭФП, но сам он принадлежит к физиологическому направлению. На его примере видно, что внедрение в физиопсихиатрию даже слабо выраженной гуманитарной линии ведет, в некотором смысле, к обратному движению: *Dementia praecox*, казалось бы, была объявлена тяжелым заболеванием, на то время, в общем, неизлечимым, уж никак не вариантом нормы (поскольку *процесс* вариантом нормы быть не может), и вдруг шизофрения оказывается поражением психологическим, локальным, отделенным от нормы не абсолютно. А через десяток лет у Ясперса она окажется имеющей явную, хотя необъяснимую, связь с гениальностью. А через несколько десятков лет у Лэйнга уже сам *процесс* будет достоянием личности.

Таким образом, в первой половине 20-го века психиатрическая наука была охвачена гуманитарным движением к, если можно так выразиться, очеловечиванию своего предмета. В терминах теории А.Доброхотова²⁶ это, по-видимому, следует назвать периодом модерна. С аналогичным периодом модерна в других областях мысли, например, в философии, литературе и искусстве, по времени это не очень совпадает; Доброхотов считает, что пик модерна как антипозитивизма относится к концу 19 века. В психиатрии это был, наоборот, совершенно позитивистский период; в дальнейшем были периоды доминирования антипозитивизма; таким образом, психиатрия запаздывает. Вероятно, это связано с тем, что это наука слишком во многом биологическая. Однако даже в ней не могло не сказаться движение в сторону психологии, познания человеческого в его человечности и т.п.

²⁶ Автор горячо благодарит Доброхотова за интереснейшие мысли - эту и другие; к сожалению, большинство были изложены им в устных беседах, в лекциях, спец. курсах и т.п., поэтому, как ни хотелось бы привести ссылку, это невозможно.

Ганнушкин (1875 - 1933)

Психиатрия в России, конечно, всегда имела особенности, особенно после 1917 года. Поэтому, наверное, мне могут возразить, что я напрасно обобщаю советский опыт в мировом масштабе. Но как кажется, принципиальной разницы между советской и мировой физиологической психиатрией нет (как, допустим, нет разницы между советской и мировой физиологией ЦНС), разве только количественная. Но у советской психиатрии нельзя отнять того, что она добросовестно заострила мировые особенности. Поэтому я позволю себе взять для иллюстрации советского психиатра.

П.Ганнушкин начинал как академический психофизиолог (так начинали в те годы почти все), его первая работа посвящена паранойе. Но он оставил след в истории психиатрии не ей. В России он был первый, кто законодательно и официально *установил у психиатрии не резкие границы*. Всю жизнь он разрабатывал учение о психопатиях и пограничных состояниях. В принципе, у него были предшественники, например, Кречмер. Идея, что переход от нормы к психозу лежит через акцентуированный характер, принадлежит ему. Кречмер связывал это еще с типом телосложения, для Ганнушкина эта связь принципиального значения не имела, хотя из нее следует важный вывод о том, что предрасположенность к каждой акцентуации наследственная. Ганнушкин это не отрицал, но заострил внимание на влиянии среды. По его мнению, то, что в благоприятной среде останется только особенностью характера, в неблагоприятной перерастает в психопатию и может закончиться срывом (психозом). Уже здесь просматривается мысль, что причина психоза - срыв адаптации. Органично в теории Ганнушкина выглядит его интерес к социальному функционированию психиатрии. Будучи коммунистом, он легко, без внутреннего надрыва сочетал заботу о благе больных с сугубо тоталитаристскими притязаниями на общественный контроль за их жизнью. Он автор системы психиатрических диспансеров. Эта система произвела на самосознание психиатрии такое впечатление, что ВОЗ рекомендовала ее для внедрения во всех странах! (Конечно, невыполнимая рекомендация). На самом деле психиатрический диспансер в мое время имел двойственную функцию. Надо было брать справку, что ты не состоишь на учете, чтобы поступить в вуз, иногда даже чтобы устроиться на работу. Таким образом, полубольные ограждались от мест, где проишошел бы их, так сказать, естественный отбор, а зачастую и от мест, где могло бы

произошли их выздоровление.

В результате экстенсивного захвата психиатрией сначала психопатий, а затем и акцентуаций ее область определения начала безгранично расширяться. В нее попали полубольные и даже почти здоровые. После таких теоретиков, как Ганнушкин, это поступательное движение вширь было трудно остановить. В принципе, здоровые иногда попадают в поле зрения любой медицины, например, в рамках работ по профилактике. Изучение акцентуаций тоже было наподобие профилактики, так как Ганнушкин доказал, что именно у них в неблагоприятных условиях происходят патологические срывы. "Держать акцентуации в поле зрения" реально означало, что эти люди имели диагноз (как правило, "психопатия"), они регулярно ходили в диспансер и в общем и целом были социально уже не вполне полноценны.

Итак, в первой половине 20-го века преобладает гуманитарная линия в психиатрии. На этом пути начали было совершаться глубокие прозрения. Сначала психоанализ приоткрыл несколько самых грубых покровов над душой, затем более тонкие связи проследил экзистенциализм, потом нео-психоаналитики, такие как Г.С.Салливен, приоткрыли еще несколько слоев, на очередь стала подходить социкибернетика. Если бы ей удалось развернуть свои исследования во главе социально-научной мысли, сейчас многое было бы известно. Но тут наступил реванш физиопсихиатрии, разом сметя все эти открытия в тень: она умудрилась начать лечить болезни. Нельзя сказать, чтобы психоаналитикам совсем ничего не удавалось в этом смысле. Но даже примитивный курс психоанализа длился долго и требовал больших усилий. Что касается глубоких теорий, таких как бинсвангеровская, то они почти ничего не лечили. Все скромные успехи психотерапий не стоили ничего по сравнению с сокрушительной мощностью аминазина и других медикаментов, а также средств типа электротока.

3. Третий период: 50-е годы.

Итак, в 50-е годы в физиопсихиатрии началась эпоха великих открытий.

Все эти открытия были случайные и частные. Первый нейролептик, аминазин, открыт в ходе поиска лекарств от аллергии, второй, резерпин - в ходе поиска лекарств от давления. Эпоха великих географических открытий привела когда-то к завершению картины мира и фундаментальному заключению, что мир круглый (само по себе

это просто факт, но для любой географической мысли - достаточно масштабной, конечно - он носит характер определяющего движение закона, исходя из которого можно предсказать конечный пункт движения). В психиатрии подобного не произошло; возможно, свое кругосветное путешествие там еще впереди. Примерно кругосветному путешествию в психиатрии могло бы соответствовать, например, открытие полного набора средств для любого наперед заданного изменения психического состояния, в частности, и полного набора средств для излечения всех болезней; еще ближе - открытие принципа таких открытий.

Однако случайным образом открываемые средства сняли множество тяжелых состояний. Были побеждены: острые эндогенные депрессии, острые приступы психомоторного возбуждения, часть случаев бреда и галлюцинаций. Несколько хуже обстояло дело с хроническими и вялотекущими формами. Применяли также лоботомию, электрошок, инсулиновые комы (все перечисленное тоже, разумеется, было открыто случайно).

Поскольку в распоряжении врачей других лекарств, кроме успокоительных, не было (ничего случайно не подвернулось), ими же лечили и не острые случаи, назначая в меньших дозах. Нейролептики - успокаивающие, и воздействуют на мозг они, как принято выражаться в медицине, неизбежно. Тормозя нежелательное поведение, допустим, у психопата, они тормозят и все остальное. Если позволить себе, может быть, не на все 100% корректное сравнение, то "общеуспокоить" и "неизбирательно затормозить" человека, иногда ведущего себя неприемлемо, но при этом обладающего своей жизнью, мыслями, эмоциями не намного отличается от "торможения" его в тюрьме. Она тоже препятствует не только совершать преступления, но и обычно жить. Поэтому с таким лечением в принципе можно иногда не соглашаться.

С другой стороны, другими средствами наука не располагала, а не лечить, допустим, психопатов во многих случаях означает предоставить их правосудию и уголовной ответственности. Эта проблема особенно актуальна в бесчисленных случаях девиантности, например, у подростков. Весьма часто ни сами подростки, ни их семьи не готовы к полной ответственности. Поэтому они совершают "уход в болезнь" - явление вполне научно известное и по-человечески понятное.

Теория психопатов

Теория психопатов имеет долгую историю. Поскольку психические больные теряют сразу не все сходство с людьми, заболевают многие постепенно, у болезненного состояния есть много градаций, то относительно естественно сделать заключение, что в области психического между болезнью и здоровьем не резкая граница. В теоретическом смысле это заставляет поставить вопрос о критерии нормы. В практическом - способствует в том числе некоторому пониманию психических болезней. В 19 веке мысль не отваживалась заходить слишком далеко. Было достаточно долгое обсуждение идеи "промежуточного состояния"; нетрудно догадаться, что в нем принимал участие Моро де Тур; выходили работы и других авторов [Каннабих, 1994, с. 331]. Идея *Folie lucide*²⁷ первоначально, собственно, заключалась именно в том, что не всякий психоз тяжел; затем она сыграла важную роль в нозологии, потому что позволила отделить психозы с помрачением сознания (типа алкогольного делирия) от психозов, когда человек похож на здорового (типа систематического бреда). Однако подспудные соображения о том, что граница между психозом и нормой не резкая, существовала у всех, кому в принципе не чужд был психологический подход. Впрочем, в век классификации вопрос имел теоретический характер. Ситуация обострилась в третьем периоде, после того, как психиатрия продвинулась вперед в своих успехах. До тех пор, пока - до 19 века - главным средством терапии больных были смирительные рубашки и общественный позор, ни одному полу-здоровому не приходило в голову обратиться за помощью к врачам. Психиатры лечили тяжелые и серьезные заболевания. Однако раз резкого перехода от болезни к здоровью нет, выходит, что, научившись помогать тяжелым больным, например, кататоникам, физиопсихиатрия одновременно обрела возможность "помогать" и полу-здоровым невротикам, а также девиантам и делинквентам. Поскольку их девиантность частично связана с повышенной возбудимостью, нервностью и неуравновешенностью, от нейролептиков они становятся менее возбудимыми, менее невротичными и, соответственно, менее делинквентными. Решить *психологические проблемы* социального бытия таблетками, без большой затраты сил, бывает желательно даже для почти здоровых. Отсюда огромный наплыв пограничных ситуаций в психиатрию, с которым она пыталась справиться так, как ее

²⁷ "Светлое помешательство", работа Трела 1861 г. Цит по: Каннабих, С.331.

просили: нейрорепрессантами.

Находясь в естественнонаучном контексте физиопсихиатрии, как-то неудобно рассуждать о таких материях, как "поиск себя", "кризис самоидентичности", даже "адаптация в социуме". Кажется, что они столь несерьезны, что их просто нет. Если они появляются, то на "другом этаже" бытия (о чем разными словами писали, например, Сартр и Маслоу)²⁸. Представление об этом этаже у физиопсихиатров настолько неадекватное, что большая часть из них считает единственно приемлемым симптомом душевного здоровья отсутствие каких бы то ни было явлений на этом этаже. Это наводит на мысль, что редукционистская наука склонна репрессировать чуждые себе дискурсы (методически корректнее для нее было бы не обращать на них внимания). Тем более так обстояли дела в советской психиатрии, которая находилась под властью идеологии. Процесс поиска себя мог представляться социальной патологией, так как надо было не искать себя, а предоставить определить себя партии (в смягченном варианте: социальному окружению). В еще более мягкой форме этот конфликт имеет место вообще всегда, так как у всех происходит кризис подросткового периода. До этого индивидуум определен родителями (причем, абсолютно экзистенциально не-свободно, особенно приблизительно до 7 лет), после - видимо, каким-то видом идеологии (однако, некоторым образом, свободно). В ситуации нечеткой системы ценностей, характерной для нашего времени, подростковый кризис очень часто имеет делинквентный оттенок. Человек в 14 лет вряд ли способен определить себя достойно, для этого нужно, если можно так выразиться, большое экзистенциальное мастерство. Из-под родительского определения он обязан выйти, общество не предоставляет ему такой системы ценностей, ради которой стоило бы поступиться внутренней свободой, внутри себя он ищет, но находит часто только торжество созревающего либидо, вокруг себя - особенно в нашей стране - делинквентность престижна. Итак, подросток, реагирующий уклоном в делинквентность на отсутствие достойных нравственных норм, и психиатр, с презрением относящийся к проблемам "верхнего этажа"! Вполне естественно, что когда такой подросток попадает к такому психиатру, тот заостряет ему физиологический диагноз. "Кризис самоидентичности" на физиологическом язы-

²⁸ Вот что пишет Лэйнг о реальности "внутреннего" мира с точки зрения "внешнего": "Одна из трудностей разговора об этих предметах сегодня заключается в том, что само существование внутренней реальности поставлено под вопрос" (Политика переживания, с. 316).

ке сказать нельзя, а "декомпенсированная психопатия" можно.

Большое количество подобного рода полубольных, попавших в физиопсихиатрию не по адресу, поставило ее в несколько неудобное положение. Если она преуспевала в их излечении, то их становилось все больше и больше. Она или должна была их отсекать и объявлять здоровыми, или научиться по-своему, редуccionистски, работать с "верхними этажами" (очень часто репрессируя их), или дать рядом с собой место другим вариантам психиатрии. Обычно она неуклюже шла по второму пути. Однако альтернативные течения появлялись, насколько с началом 20 века стало не обязательно на всё брать санкцию естественной науки. В Германии и Франции существовало направление, сделавшее работу с "верхними этажами" своим основным предметом, речь о экзистенциально-феноменологической психиатрии.

Почему-то за веществами аминазин и галоперидол не просматриваются великие лица; эти открытия были анонимны (разумеется, авторы их известны, но они не прославились - их имена нужно искать в справочниках). Там, где человек на человека воздействует таблеткой, как-то не место экзистенциальному присутствию людей в их, так сказать, человеческой ипостаси. Хороший тон для врачей мыслить о пациентах анонимно. Врачи прописывают рекомендованные в справочниках таблетки, сами таблетки производятся в отдельных от больниц лабораториях; при таком раскладе едва ли есть место творчеству. Попытка вступить в именно человеческие отношения между пациентом и врачом всегда рассматривалась как крайне неуместная²⁹.

Снежневский

Титанической фигурой в России был Снежневский. Он не совершал великих открытий. Его монументальность сродни брежневской: она состоит в том, что он просто был. Машина при нем работала сама собой. Он автор справочника, написанного

вполне в духе Крепелина. А это были 70-е годы! Такая же история с его научной деятельностью. Считается (он постановил считать), что он автор подразделения шизофрении на прогредиентную (в т.ч. вялотекущую), шубообразную и рекуррентную³⁰. Эта теория, судя по всему, является попыткой подвести солидный научный базис под понятие вялотекущей шизофрении, которое больше нигде в мире не использовалось. О вялотекущей шизофрении следовало бы поговорить особо. В сущности, это продленная несколько дальше линия Ганнушкина, который провозглашал, что у здоровых людей бывают психопатии: Снежневский провозгласил, что у здоровых людей бывает даже психоз (который в этом случае называется вялотекущий). Относительно того, что он был автор этой теории, в последнее время возникли сомнения (источник: личные беседы с психиатрами). Но в данном случае кажется интересным отметить не это. Делить шизофрению на простую, гебефреническую, кататоническую и параноидную было естественно для нозологической эры - за отсутствием иного рода знания. В 70-е годы 20-го века нозологическая эра давно завершилась. Но в научной деятельности Снежневского и всех остальных возглавляемых им советских психиатров она заканчиваться не думала.

Вообще, сколько ни наблюдать за советской наукой, за нашей системой образования и т.п., они были исполнены оптимизма и веры в прогресс, напрямую связывающей их с духом эры Просвещения. Конечно, эпоха великих открытий середины 20 века подстегнула веру в прогресс везде, не только в советской психиатрии. Прекрасный пример этого - научная фантастика (особенно в таких видах, как, например, произведения А.Кларка или менее известного Х.Клемента [Клемент, 1972]). Но параллельно с этим в 60-е годы существовало рефлекслирующее гуманитарное движение мысли. В советской психиатрии оно было почти не заметно. Поэтому кажется, что у нас советский период, с 20-х годов (когда был провозглашен курс на всеобщую грамотность) примерно до 60-х был запоздавшим Просвещением.

²⁹ Впрочем, это характерно не только для психиатрии и даже не только для науки. Везде, где люди работают, может возникнуть такая ситуация, что неуместны человеческие отношения. Для экзистенциально-человеческих отношений характерны непредсказуемость и неизбежная, если можно так выразиться, интерференция взаимных требований и самых разнообразных интересов. Например, если бы о "человеческих отношениях между врачом и пациентом" стали бы говорить психоаналитику, он сразу ответил бы о "переносе" и "контрпереносе" - то есть ни в коем случае не рекомендовал бы вступать в такие отношения. Относительно "переноса" можно спорить, но трудно спорить с тем, что спонтанные отношения людей между собой ни добрыми, ни бескорыстными, как правило, не бывают. Сделать их официальными иногда значительно способствует взаимной пользе.

На Западе же упомянутое рефлекслирующее гуманитарное движение привело в середине 20 века к крушению эры модерна, и это событие отразилось в психиатрии очень ярко. Хотя поводов для оптимизма в 50-х годах 20 века по сравнению с нозологической эрой, казалось бы, прибавилось, это было уже не то общество. Поэтому-то, видимо, славный 3-й период психиатрии и закончился в Западной Европе так быстро: он продолжался всего около 10 лет.

4. Четвертый период: 60-е годы. Кризис

60-е годы для психиатрии (теперь речь о только о Западе) - период кризиса. Психиатрия попала в прицел леворадикальных социальных движений, которые в то время чрезвычайно обострились. Соответственно, на Западе и против психиатрии тоже был сильный протест, несмотря на то, что там она не применялась в политических целях. Вышли книги "Полет над гнездом кукушки", "Заводной апельсин"; в историческую перспективу поставил психиатрию Фуко; обвинил ее в репрессивном конвенционализме Шаш (Szasz); выступили с антипсихиатрией Купер и Лэйнг. Выше я постаралась показать, что для протеста были основания. Однако в общем этот протест был связан с общей атмосферой 60-х годов. Если бы не 60-е годы, общество терпело бы психиатрию еще и еще. В 60-е годы оно не вытерпело чего-то другого. Впрочем, несомненно, в обострении этого "того, чего оно не вытерпело" психиатрия была одним из инструментов. Она была согласна с теми целями, которые ставило перед собой общество, потому что сама не задавалась вопросом об иных целях. Представление о норме черпалось из идеологии и мифологии общества. Допустим, в советской психиатрии достаточно серьезно мифом о норме был миф о советском человеке (=об идеальном коммунисте). Таким образом, психиатрия ставила перед собой цель сделать людей общественно прозрачными, доступными нормальному социальному контролю. Я не встречала, чтобы об этом писали напрямую, но наблюдения заставляют прийти к этому заключению эмпирически (цели физиопсихиатрии приходится формулировать вторично, путем наблюдения за ее деятельностью. Этим занимались в 60-х годах те, кто были не согласны: Лэйнг с Купером, Фуко, Шаш. В противоположном лагере

³⁰ Подразделение по характеру динамики: прогрессивная равномерно течет в направлении ухудшения состояния, шубообразная (=приступообразная) течет неравномерно, но тоже в сторону

твердо стоящих на физиологических позициях серьезная рефлексия целей мне не известна). Параллельно, разумеется, существовала цель помочь больному. Помощь эта заключалась в основном в том, что ставили цель сделать его подобным другим и выполняющим культурные и общественные соглашения его среды. (Вообще говоря, поразительно, что болезнь, например, такая, как шизофрения, не очень нарушает способность больного существовать среди неодушевленных объектов, но прежде всего нарушает способность существовать среди людей. И люди тоже в основном называют шизофрениками тех, кто не умеет существовать среди них, см. выше о Блейлере). Словом, было две расхожие формулировки: "сделать больного социально адаптированным" (= контролируемым), и "достичь способности больного самостоятельно существовать"³¹. Того и другого стремились достичь параллельно и рассматривали достижение того и другого как выздоровление. Едва ли это должно удивлять. Если на философском уровне это вещи разные (что тоже вопрос), то на уровне обычной жизни, которую человек всегда ведет в социуме, это практически одно и то же. Даже либеральные западные институты, которые не лечат людей без их желания, обычно сталкиваются одновременно со всем: с жалобой индивида на общество, общества на индивида и индивида на самого себя. Социально конфликтный человек всегда имеет жалобы на себя. Психологические теории по-разному трактуют, что первично: индивидуальный конфликт или социальное неблагополучие? Физиологическая психиатрия, конечно, считает первичным индивидуальный конфликт, пытается выразить его в терминах позитивных биологических наук. Радикалы, например, Бэйтсон и Шаш, сформулировали тезис: шизофрения - процесс не эндогенный и не биохимический, а психологическая реакция индивидуума (возможно, от природы слабого, но изначально-

ухудшения, рекуррентная (=возвратная) состоит из приступов, между которыми происходит возврат в нормальное состояние, то есть не течет никуда.

но вполне разумного) на социально тяжелые условия: невыполнимые требования, недостаток терпимости, неверное воспитание и т.п.

Итак, 60-е годы - период второго торжества гуманитарной линии. Оно было не совсем такое же, как первое. Когда думаешь о начале века, кажется, что тогда гуманитарное мышление вышло из физиологического по законам самого мышления. Например, Блейлер был психиатром физиологического направления, но крепелиновский подход его не удовлетворял, поэтому он чувствовал необходимость рассуждать психологически. То же самое чувствовали Ясперс и Бинсвангер, когда обращались к философии, которая позволяла им понять то, чего они не понимали. Это было движение по направлению от наблюдения к пониманию. По-своему оно чисто научно, только это не естественная, а гуманитарная наука. Таким образом, некоторая общая научная мысль возвала к переходу от естественнонаучного к гуманитарному. С другой стороны, это требовало перехода от обобщений к рассуждениям о единичном, так сказать, от индукции к дедукции. Поэтому на место дескриптивных теорий, теорий-классификаций следовало поместить прескриптивные теории; которые не выводятся, а из которых выводят; едва ли не теории-мировоззрения. Господство таких теорий очень заметно в экзистенциально-феноменологической психиатрии. Фактически, можно сказать, чем единичнее и уникальнее становится предмет, тем более общая теория его постигает. Поэтому совершенно уникальный человек в его человечности постигается вообще не наукой на пути изучения, а философией на пути рассуждения³². Физиологическая психиатрия, не интересуясь конкретным человеком, берет его в довольно обобщенном смысле (характерно требование статистического усредне-

³¹ Цитаты из американского учебника по психиатрии ([Каплан, Сэдок, 1994]: "Стратегия лечения во время госпитализации должна быть ориентирована на практические задачи, касающиеся жизненной ситуации, самообслуживания, поддержания определенного уровня жизни, способности выполнения трудовой деятельности на работе, сохранения социальных контактов. Госпитализация должна быть нацелена на то, чтобы помочь больному справиться с условиями, в которые он попадет после выписки, включая жизнь в своей семье..." (т.1., с. 265). "Те (больные), у которых в результате поведенческой терапии поведение становится адаптивным, получают в награду призы и значки, которые можно использовать для получения желаемых льгот в больнице (например, послаблений режима потребления сигарет"; "Обязанностью врача является также воспитывать членов семьи..." (Там же, с.270). "Групповая терапия при шизофрении обычно направлена на планирование реальной жизни, борьбу с трудностями, налаживание отношений с людьми... снижение социальной изоляции, улучшение осознания реальной жизни" (с. 271).

³² Разумеется, не совсем ясно, насколько уместно в данном случае слово "постигается": возможно, корректнее говорить о конституировании.

ния³³), соответственно, она может позволить себе быть далекой от философии.

Что касается 60-х годов, то, с одной стороны, процессы по отношению к предшествующему периоду были вполне похожие: переход от наблюдения к пониманию, провозглашение первичности единичного по отношению к общему. И у шестидесятников наблюдался такой же крен в сторону философии, как и у психологистов начала века (даже Лэйнг был довольно философски продвинут, что касается Фуко, это был профессиональный философ). Отличием этого периода от предыдущего является, некоторым образом, торжество иррациональности (по крайней мере как намерения). Например, антипсихиатрии родственно студенческое движение в Париже в 1968 году, один из лозунгов которого был "вся власть воображению". Для антипсихиатрии очень важным был призыв к раскрепощению индивидуальной фантазии; это должно было способствовать пониманию психиатром странного мира шизофреника (вообще-то о благотворности некоторого раскрепощения внутренней жизни врача для понимания больного уже в начале века писал Ясперс, однако в его намерения не входило доходить в своем понимании до отказа от собственной нормальности; что касается Лэйнга, то его идеал был именно в этом, он употреблял ЛСД и т.п.). Кажется, что в 60-е годы степень отвращения к рациональности была выше, чем в начале века.

В теории Доброхотова иррациональность - черта авангарда. Другие особенности психологического подхода в психиатрии, такие как интенция понимания, в рамках этой теории характерны для периода модерна. Таким образом, в 60-е годы был одновременно возврат к психологизму, требование человечности (повторение модерна) и авангардное стремление к "нечеловеческому", которое проявилось в примате фантазии, примитивной религиозности и т.п. Получается, что психиатрия развивалась комплексным развитием. Можно объяснить это особенностями психиатрии как науки (ее сугубой биологичностью), недостаточностью моего понимания или непригодностью в области психиатрии

³³ Об этом требовании много пишут (поскольку истоки его находятся в биологических науках, которые физиопсихиатрия рассматривает как идеальный прообраз, но там его и легче соблюдать); см., напр: [Paris, 2000].

трактовки модерна и авангарда как "человеческого" и "нечеловеческого"³⁴.

Еще о 60-х годах: почему-то не складывается впечатления, что четвертый период имеет такую же непосредственную связь с третьим, как имел второй с первым. Шестидесятники были гораздо радикальнее. Они требовали перейти от физиологической психиатрии к чему-то такому, что почти совсем не имеет с ней никакой связи. Мне представляется необходимым обратить внимание на то, что период гуманитарной линии 60-х годов - это одновременно и период наиболее выраженного антисциентизма, и написать о том, что вызывает у меня самой чувство нерешенной загадки.

Смысл антисциентизма

Вспоминая первый взлет гуманитарной линии - начало века - и совпадающие с ней антисциентистские настроения (выразившиеся, например, в философии жизни, экзистенциализме и т.п.), кажется, что все это было относительно мирно. Глубокомысленные гуманитарии в академических дискуссиях предлагали альтернативы позитивистам и эмпирикам, более слабым, так сказать, теоретически и более агрессивным, но и большой силой практики не обладающим, а последние иногда даже соглашались. Например, Крепелин отчасти согласился с критикой в свой адрес. Так что в целом это было довольно терпимое сосуществование.

Но когда пришло время второго антисциентизма, физиопсихиатрия была вооружена успехами. Поскольку она была сильнее гуманитарной линии и притязала на всеобщее излечение, борьба против нее не могла быть простым академическим дебатом. Она вынуждена была сделаться почти революцией. За возврат к психологизму боролись чуть ли не на баррикадах. Не правда ли, удивительно, что научная дискуссия, всего лишь борьба идей, может быть такой ожесточенной? Купер и Лэйнг, например, фактически на какое-то время отдали ей свои жизни. Они пожертвовали работой,

³⁴ Мне кажется, когда одна и та же последовательность культурных фаз была в разных областях ментальности в разное время, но как бы, если можно так выразиться, соответствовала логике динамики общих форм, имеет смысл говорить о некоторой внутренней логике происходящего. Так было с переходом от классики (позитивизма) к модерну и от модерна к авангарду в начале века. В психиатрии он произошел позже, чем в живописи, но с той же необходимостью; динамика была в принципе одна и та же. С другой стороны, в начале 60-х годов аналогичный переход происходил уже не вследствие внутренней логики. Тогда, возможно, имеет смысл говорить о культурных влияниях? Или дело в том, что в начале века был переход от того, что существовало (модерн) к тому, чего до тех пор не было (авангард), а в 60-х годах оба уже существовали, но для того периода характерно то, что временно торжествовало нечто культурно отжившее? Этот вопрос остается для меня непроясненным.

карьерой, покоем. Ультрамаргиналы наподобие Лири шли еще дальше (Лири судили, сажали в тюрьму, он совершал побеги, скрывался в экзотических странах и т.д.) И в медицинском смысле: антипсихиатрические клиники организовывались безоглядно, без предварительных академических согласований. О полученном опыте докладывали не столько на научных симпозиумах, сколько на съездах леворадикальных сил, и писали о нем не столько научные книги, сколько художественные, а если и более или менее научные, то жанр их был лихорадочный, см. "Политику переживания": почти без ссылок, без цитирования, без индексов и т.п., уже не говоря о литературном стиле (у Лэйнга ярком). Короче говоря, перед нами типичное культурное явление эпохи антисциентизма. Но кажется, и так сказать еще недостаточно.

Что двигало шестидесятниками, помимо - философской или научной - убежденности в своей правоте? Почему многие из них пожертвовали этой борьбе так много? До этого это были обычные ученые, философы, писатели. Если бы это был, например, пролетариат, которому нечего терять, кроме цепей! А Лэйнг был врач (Лири - ученый, имевший крупные теоретические успехи в академическом истеблишменте). Он практиковал медицину, которая только-только достигла небывалых успехов. Он начинал практику в середине сороковых, когда кататония еще была неизлечима, после этого в течение 10 лет он наблюдал, как медицина постепенно побеждает ее; и вот, когда она побеждена, и на очереди: паранойя, маниакально-депрессивный психоз, депрессия и т.д. - он пишет книгу о психологии шизофренического переживания и еще через 5 лет организывает коммуну без лекарств. В течение 5 лет он борется за выживание этой коммуны, ищет нетрадиционные методы отношения к шизофреникам, затем проигрывает и ломается, а классическая ФПс тем временем побеждает едва ли не все острые болезни.

Если смотреть на дело со сциентистской точки зрения, деятельность Лэйнга лишена смысла. А, однако, смысл в ней был. Лэйнг был не безумный человек. До сих пор читаются его книги. Его опыт осмысляется. Да и вообще антисциентизм нельзя называть проигравшим, несмотря на господство технической эры. Какова его сила? Или какие силы лежат под ним, так сказать, скрыто двигают его? Если формулировать вопрос в терминах Маркса, какие он отражает социально-экономические интересы? Если смотреть с точки зрения науки, какую истину? Если выразиться терминами бихевиоризма, в чем борцы находили себе положительное подкрепление? Если рас-

суждать культурологически, что это за сила, которая поворачивает умы от того, что просто, разумно и практически выгодно, к тому, что абсурдно и обречено? Относительно Лэйнга на первый взгляд можно сказать, что его воодушевляло чувство, которое было сродни религиозному. Но вот Сартр, например, был атеист. Какая сила его так воодушевляла, что он в 68 году жертвовал спокойной жизнью (а ему-то ведь было больше 60-ти лет) во имя трудно понять чего?

Выразить словами это тяжело, но как бы то ни было, в 60-е годы это было обычное явление.

60-е годы - не только период бунта против любой власти, но и период обостренного интереса собственно к безумию. Фуко в этой связи обращает внимание, что безумие - некоторым образом внутренняя истина человека (вообще-то, по-моему, в контексте его собственного противопоставления безумия и неразумия лучше было бы сказать, что внутренняя истина человека неразумие; последнее всегда будет сопротивляться любым попыткам категоризации его в позитивистских терминах болезни, а безумие не может этому сопротивляться и категоризируется). Чтобы привести пример положительного отношения к безумию, мне хотелось бы процитировать не философский текст, а песню ансамбля Пинк Флойд. Она написана в середине 70-х годов; 10 лет, лежащие между Лэйнгом и ей, можно считать временем, когда соответствующая идея обобществилась и спустилась, так сказать, в умы масс³⁵. (Отдельно останавливаться на вопросе, какие тексты могут представлять философское мышление (Фуко), какие - мышление аристократов духа (Арто), а какие - умонастроение масс (Пинк Флойд), здесь невозможно).

³⁵ Диалектику можно сформулировать по-иному. Возможно, нет такого процесса, чтобы философия или наука порождали или находили некую истину, которая "спускалась" бы затем в умы масс. Тогда следует сказать, что существует некая "интуиция эпохи", которую на одном - высоком и эксплицитном - уровне выражает философия, на другом - и позднее - искусство, производное от умонастроения масс. Следовательно, искусство в данном случае будет следовать за наукой. Это тот же вопрос, что и соотношение науки и культуры. Если наука (=истина) первична, тогда следует сказать, что истина спускается, популяризируется. Если первична культура, следует сказать, что наука работает под ее воздействием, в плену ее интуиций, то есть, по-другому говоря, наука и культурна параллельны и равноправны, по-разному работают с одним и тем же. С точки зрения истины это то же самое, что сказать, что наука вторична. Это примерно означает, что "истины нет". Я не претендую на то, чтобы решить этот вопрос.

SHINE ON, YOU CRAZY DIAMOND

Remember when you were young, you shone
like the Sun.
Shine on, you crazy diamond!
Now there's a look in your eyes, like black holes
in the Sky
Shine on, you crazy diamond!
You were caught on the crossfire of childhood
and stardom,
Blown on the steel breeze.
Come on, you target for faraway laughter, come
on,
You stranger, you legend, you martyr, and
shine!
You reached for the secret too soon, you cried
for the Moon.
Shine on, you crazy diamond!
Threatened by shadows at night, and exposed in
the light.
Shine on, you crazy diamond!

...

Nobody knows where you are, how near or how
far.

Shine on, you crazy diamond!
Pile on many more layers and I'll be joining you
there.

Shine on, you crazy diamond!
And we'll bask in the shadow of yesterday's
triumph,

And sail on the steel breeze.
Come on, you boy child, you winner and loser

Come on, you miner for truth and delusion, and
shine!

(Перевод мой. Текст может показаться бессвязным, но это в английских песнях обычное явление.)

ЗАСИЯЙ СНОВА, СУМАСШЕДШИЙ АЛМАЗ

Помнишь, когда ты был молод, ты светил как
Солнце.

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!
А теперь в твоих глазах такой взгляд, как
черные дыры в Небе

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!
Ты попался в западню на перепутье между
детством и славой

Тебя продул насквозь стальной ветер
Давай же, о ты, мишень далеких насмешек,
давай,

ты, чудак, ты, легенда, ты, мученик, сияй!

Ты понял тайну слишком быстро, ты хотел
Невозможного

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!
Тебя пугали призраки ночью, ты был
выставлен на свет

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!

...

Никто не знает, где ты, близко или далеко

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!
Добавь сверху еще больше слоев, я тебе
помогу

Засияй снова, ты, сумасшедший алмаз!
И мы будем греться в тени вчерашнего
триумфа,

Мы поплывем с попутным стальным ветром.
Давай же, ты, мальчик, ты победитель и
побежденный,

Давай, ты, искатель истины и иллюзии, сияй!

Это не единственная песня у Пинк Флойд, написанная в таком духе. Довольно долго этот ансамбль представлял направление в рок музыке, которое называло себя психоделическим. Судя по названию, центральные фигуры движения имели непосредственное отношение к употреблению ЛСД. В 1973 году вышел их альбом "Темная сторона луны", целиком посвященный апологии безумия (по-видимому, под темной стороной луны понимается бессознательное, или неразумное, или что-то в таком духе). Кажется интересным написать о нем несколько слов. Этот альбом - очень сильная вещь; он был и еще сейчас продолжает быть популярен, причем, некоторым образом, вопреки собственным достоинствам: музыка там сложна, ее трудно напеть (встречается размер 7/8), много музыки без слов, без повторяющихся музыкальных фраз и т.п. Я пишу это для того, чтобы подчеркнуть: вероятнее всего, такое намеренно неразвлекательное искусство так долго популярно именно в силу своей талантливости. По смыслу альбома кажется, что безумие вдохновляет авторов. Однако из общего стиля выпадает последняя песня. Она называется Brain Damage ("Повреждение мозга"). Она монотонна, при-

митивно ритмична, текст оформлен рифмами типа аабб. Ее содержание сводится примерно к тому, что сумасшедшие везде. Они называются или lunatics, или совсем пренебрежительно lunies (шизики, дурики). Общая атмосфера, которую создает эта песня, навеивает усталость от всей этой - возможно, уже начинающей несколько надоедать - проблематики³⁶.

5. Пятый период: настоящее время

Пятый период наступил после кризиса 60-х годов и продолжается по настоящее время. Маятник снова качнулся; на этот раз, как кажется, собственно, не столько в сторону физиологии, сколько в сторону от радикальности, от которой общество по понятным причинам устало. Поскольку ФПс продолжала наращивать потенциал биохимических достижений (вслед за нейрореплетиками в 70-е годы были открыты антидепрессанты и транквилизаторы), к ней обращались уже как к фону, к тому, что в течение всего этого времени существовало постоянно и было готово оказаться в распоряжении.

Вообще говоря, вследствие нашего собственного нахождения в обсуждаемом периоде его трудно оценить объективно с точки зрения превалирующей интенции. Существуют и ФПс, и психологические направления, прежде всего огромное количество видов психотерапий. Ко всем ним имеется общественный интерес. Они, как это было по большей части и свойственно разным наукам, сосуществуют, в общем не замечая друг друга (деятельность Лэйнга когда-то была столь оригинальна, в том числе, потому, что это был одновременно представитель ФПс (во время работы в Глазго),

³⁶ В этой песне есть такие слова:

And if the band you're in starts playing different
tunes

И если ансамбль, в котором ты участвуешь,
начинает играть разные мелодии

I'll see you on the dark side of the moon

Встретимся на темной стороне луны

Приводя параллельный пример из русской культуры, нашего Б.Гребенщикова вообще можно считать полномочным представителем ментальности романтического безумия 60-х в русской среде (см., напр., на альбоме "Табу" его песню "Никто из нас не", на альбоме "Треугольник" - "Крюкообразность", на альбоме "Электричество" - "Прекрасный дилетант" и др.). Он, совершенно явно, и не скрывая этого, ориентируясь на Пинк Флойд, написал в начале 80-х годов песню "Летающая тарелка", в которой были такие слова:

А если внезапно мой микрофон не пашет
И пьяный басист играет немного не в такт,
Мне кажется это она, намерений лучших полна,
Над нами висит, вступая в ментальный контакт.

Эта его песня - одновременно и почти буквальный перевод Пинк Флойд, и развитие той же темы. Во-первых, как полагается развитию, оно длиннее оригинала. Во-вторых, момент иронии выражен гораздо сильнее. "Летающая тарелка" - очень ироничная вещь. Таким образом, мы можем видеть завершение романтизма, который начинался иронией, иронией по отношению к нему самому.

психоаналитик (после Тэвистока) и в то же время сторонник ЭФП). В физиологических журналах я не встречала статей, посвященных феноменологической психиатрии. В журналах феноменологического направления, правда, витает тень духа ФПс, с которой это направление все еще не оставило борьбы как идейной задачи; см., напр.: [Chessick, 1995]. Что касается психоанализа, то он всегда мыслил себя отдельным.

Одно из наблюдений, которое можно сделать почти без сомнения: имеется ярко выраженный интерес к истории психиатрии и рефлексия над ней. Имеются общества истории психиатрии, издаются журналы и т.п. В отличие от тех историй, которые писались в 60-е и 70-е годы, современные историки избегают ангажированности [Busfield, 2000, Гаррабэ, 2002]. Когда они написаны психиатрами, траектория развития обычно рассматривается с точки зрения только ФПс и представляется движением к большей тонкости, объективности; указывается, например, что для того, чтобы результаты были надежными, они должны быть обработаны количественно (статистически) [Paris, 2000].

Кроме того, кажется, что с точки зрения физиологической психиатрии самое основное в данный период то, что эта ветвь стала более открыта другим ветвям. В клиниках наряду с нейролептиками неуклонно повышается доля психотерапевтических методов, социальной работы и т.п. В аспекте, собственно, психофизиологии глобальных открытий становится все меньше, в основном происходит совершенствование открытого (это называется "вещества нового поколения"). Несколько уменьшились глобальные притязания науки на обладание истиной, а также и (эмпирические наблюдения) интерес к открытию истин. Цели даже фундаментальных наук, не говоря о медицине, стали более прагматичны. Те, кто помнит третий период, переживают это как крушение идеалов, те, кого не затронул его порыв и зов - как преддверие открытия принципиально новых путей (или никак).

Современные психиатры физиологического направления, в соответствии с культурными особенностями эпохи, как люди менее склонны к редукционизму (не без их, конечно, согласия, в больницы проникают деятели церкви). Но сама по себе физиологическая психиатрия осталась, как была, редукционистской. Биохимия мозга и работа мозговых структур по-прежнему изучаются, хотя с несколько меньшим энтузиазмом. Мне не известно, чтобы предпринимаемые периодические попытки объединиться с

другой ветвью (феноменологией, например), привели к какой-либо новой научной целостности. Другими словами, физиологический и психологический подходы несовместимы, как и прежде (вероятно, им все еще мешает объединиться mind-body problem). Напротив, психофизиология не оставляет поисков средств, биохимически управляющих поведением, но это не больничное, а лабораторное направление. Можно предвидеть, что если такие вещества не будут найдены, то разработки останутся в лабораториях, но если их найдут, их, конечно, внедрят в клинику; это, может быть, вызовет очередной виток социального протеста, подобный тому, какой был в 60-е годы. Затем выявится новая ограниченность биологических методов, родится новый психологизм (возможно, кибернетический? Нейролингвистическое программирование, кажется, накапливает солидный потенциал). И так далее.

6. Шестой период: будущее

Рассуждать о будущем можно гипотетически. Корректнее делать это тем, кто знает больше, чем я. Я предлагаю гипотезу, основанную не на анализе того, как психиатрия развивалась, а скорее на наблюдении над задачами, которые ставят перед собой современные ученые.

Складывается впечатление, что на повестке дня самый актуальный вопрос - управление поведением ("поведение" на нынешнем научном жаргоне очень широкий термин; управлять поведением значит управлять самим человеком, всей его свободной волей). В широком смысле управлять поведением позволит не только излечивать психические болезни, но и достигать большого количества общественных целей, в философском смысле по-новому вскроет природу человека и так далее. Дальнейшее развитие наук о человеке будет зависеть от того, удастся найти способы управления поведением или нет. Заходя со стороны физиологии, это будет биохимически (преимущество, конечно, будут иметь средства, не требующие вводить их в виде укола или таблетки, но это чисто биологическая проблема). Заходя со стороны психологии, это будут "бесконтактные" способы воздействовать незаметно и, желательно, сразу на большую аудиторию (шагам в этом направлении будет способствовать, возможно, в т.ч. НЛП).

У неподготовленной мысли это может вызвать ужас. На самом деле, если способы управления поведением будут найдены и войдут в повседневный обиход, они, наверное, будут не очень мешать свободе и представлению человека о себе как о разумном существе. Они, возможно, будут просто рассматриваться как одно из неизбежных ограничений, которые налагает функционирование власти вообще.

Общие соображения: редукционизм и репрессивность

Физиологическая психиатрия отличается от других ветвей психиатрии направ-

лением своего редуционизма. Практически любая теория что-то к чему-то редуцирует, без этого вряд ли возможно какое-либо объяснение, а без объяснения - гарантированное понимание и продвижение вперед. Психиатрия редуцирует к влечениям, физиопсихиатрия - к работе мозговых структур. Я нигде не рассказывала, какие именно редуционистские объяснения психических болезней через работу мозговых структур даются (это чисто биологический материал), да в большинстве случаев их и нет. Но не прекращаются попытки их дать. Что же касается репрессивности психиатрии, она состоит: в плохом обращении с больными (это было более свойственно ей до 19 века, но отчасти имеет место и сейчас); в некотором оскорблении человеческого достоинства предположением, что сложная психическая жизнь определяется, как у животных, обычным нервным взаимодействием (кроме философских аспектов этого предположения у него есть чисто психологические и социальные: лечение внутренней жизни таблетками обесценивает саму эту внутреннюю жизнь, и для ее носителя, и для окружающих, и для врачей, никак не ведет к ее расцвету, стимулирует обращение с больным как с неполноценным и т.п.); в непонимании психически больных и выключении их вклада в общую культуру социума; в оскорбительности ярлыка "психически больной" для страдающего человека; в исключении предположения, что открывающиеся в болезни горизонты могут быть продуктивны для духа. Это список, разумеется, не полон. Видно, что первое свойство характеризует психиатрию, сконцентрированную в больницах, в то время как остальные скорее характеризуют социум. Это он допускает именно такое функционирование и такое использование психиатрии.

Иллюстрация из Лэйнга

Следует текст из книги Лэйнга "Факты жизни":

Ее отец — здоровенный рабочий-строитель. Ее мать — примерно тех же размеров. Два ее брата — громылы-полицейские. Ей четырнадцать лет. Три месяца она провела в психбольнице с диагнозом шизофрения. Она была объектом множества физических и психологических исследований. У нее был индивидуальный психотерапевт, она посещала групповую психотерапию, трудотерапию, с ее матерью встречался социальный работник, с отцом и матерью несколько раз встречался один из психотерапевтов. В больнице она находится на попечении одного врача, вне больницы - на попечении другого.

Все члены семьи единодушны в том, что она была помещена в больницу по следующим причинам:

Она сидит в своей комнате и пялится в голую стену

Она морит себя голодом

Ее вес вдвое меньше того, какой должен быть

Она моет лицо и руки холодной водой

Если же она не может пялиться в стенку, она норовит удрать из дому.

Она терпеть не могла крика и шума и решила, что может избавиться от этого, уставясь на стену

Я уверен, что я пялился в стену гораздо дольше, чем эта девочка. В некоторых кругах это называется медитацией — один из способов отдохнуть, побыть в тишине и уединении, успокоить ум. Это кажется мне очень естественной вещью — как засыпание-сновидение-пробуждение, как увлеченность чем-то. Как вдох и выдох, систола и диастола, открывание и закрывание. Она не могла находиться в шуме — полагаю, я тоже не мог бы. Она не могла выходить на улицу, она не могла сосредоточиться на своей домашней работе, ей было очень трудно. Она случайно нашла вполне естественное средство, выработанное ее субкультурой.

Окажись в городе какой-нибудь опытный учитель медитации (кто-нибудь, кто *годами* пялился в стену или в никуда)... Однако, вместо того, чтобы все это рассматривать как одну из возможностей временного отдыха, утешения (отчаянного и вынужденного), это было расценено как первичный симптом шизофрении.

Почему-то ее семейство не уpekли в заведение промышленно-медицинского комплекса, чтобы уберечь их от ежедневного просиживания у телевизора. Мне говорили, что "средний канадец" проводит перед телевизором по пять часов в день. Скажите на милость, разве для них было бы хуже смотреть по пять часов в день на голую стену?

Интересно, что в последнем абзаце Лэйнг самым существенным симптомом болезни видит бегство от реальности и указывает, что у здоровых такое средство телевизора, в то время как именно больная девочка отказывается от него и, возможно, ближе встречается с реальностью, чем здоровые.

Сформулировав свойства физиологической психиатрии *редукционизм и репрессивность*, я чувствую необходимость задаться вопросом, нет ли между ними внутренней связи.

Не думаю, чтобы из второго вытекало первое. Если бы было так, тогда все ре-

в то время как могла бы спуститься вниз и вместе с остальными членами семьи смотреть телевизор

Она таскает из холодильника молоко и выпивает по две пинты в день, но отказывается есть "пищу", приготовленную ее матерью

Она кажется довольно тощей; зато остальные члены семьи весят, кажется, вдвое больше того, что они должны бы весить вместо того, чтобы, как все остальные, мыть теплой.

Это была семья, как они говорили, "горлохватов"; каждый норовил быть главным. Она не могла спрятаться на улице

Ее мать чувствует, что таким образом она может ускользнуть от нее.

прессивное было бы редукционистским, а оно не всегда таково. Пример репрессивного, но не редукционистского (а, наоборот, если можно так выразиться, "продукционистского") института: церковь.

А вот из редукционизма, как кажется, можно вывести репрессивность. Редукционизм (по крайней мере, тот редукционизм, что действует в физиопсихиатрии; в будущем, может быть, возможен и другой) сводит любое явление к природному, вещественному уровню, которому присущ детерминизм, власть естественного закона и всеобщности. Эти всеобщие природные законы существуют совсем не на том уровне, на котором существуют такие (необходимые для сдерживания репрессивности) вещи, как свобода и этика и тем более как - существующее на еще более высоком и сомнительном уровне - уважение к ценности уникального (это ведь и этике противоречит). Следовательно, мы не можем ожидать на редукционистском уровне ничего, что сдерживало бы репрессивность.

Самое ее я тоже там не вижу. Она появляется, если можно так выразиться, через задние двери. Это происходит по закону наименьшего сопротивления, просто потому, что ей ничто не препятствует. Ведь если мы всецело сосредоточились на работе мозговых структур, только их и оставили в своем сознании, то это не значит, что действующими лицами стали структуры; действующие лица по-прежнему люди, и при том это люди, организованные в социум. А для социума стремиться элиминировать отклонения естественно, это снимает множество проблем. Мыслить догмами - это то, с чего человеческое мышление начинает, пока его не отяготит рефлексия (естественно, и она не гарантирует от догм). Догмы же в социуме в эпоху модерна были, конечно, направленные на непосредственную общественную пользу. Для того, чтобы сдерживать это стремление, нужны социальные механизмы (типа идеи прав человека, идеи милосердия, хотя бы, на худой конец, идеи справедливости), отсутствующие на редукционистском уровне. Этих идей нет у людей, мыслящих редукционизмом. А если культура теперь уже стала неотъемлемо носить в себе эти идеи, то и накал редукционизма уменьшается, или, по крайней мере, его апологеты начинают претерпевать раздвоенность (см в главе "Философия науки Лэйнга").

Итог

Физиологическая психиатрия, как кажется, миновала период подъема. В 60-х годах ее постиг кризис, из которого она не вышла и до сих пор. Однако поскольку она связана с уровнем исследований природного субстрата, в точности предсказать ее перспективы нельзя.

3. Экзистенциально-феноменологическая психиатрия (ЭФП)

В период от начала 20 века до второй мировой войны прогресс в области физиологической психиатрии (ФПс) затормозился. Маятник естественнонаучное - гуманитарное качнулся в сторону второго. Стали появляться психологически ориентированные исследования. Важный импульс им дали психологические школы - Вундта и Вюрцбургская. Оригинальным мыслителем, предвосхитившим позднейшие направления мысли, был Ж. Моро де Тур, однако трудно сказать, были ли немецкие психиатры знакомы с его работами (скорее всего, нет: я ни разу не встретила у них ни одной ссылки на него). Одним из главных научных предшественников экзистенциально-феноменологического подхода можно назвать Блейлера, на базе клиники которого сформировался кружок довольно продвинутой психиатрической мысли, близкой психоанализу. Кроме знаменитого "Группы шизофрений", 1908, он автор очень известного учебника "Руководство по психиатрии". Выше упоминалось, что его подход был психологический: он описывал первичные психические процессы, разделял, например, восприятие и ощущение и так далее - словом, разрабатывал психопатологию. То, что он стремился перейти на уровень взаимодействия с миром собственно психических явлений, он, конечно, не скрывал (у него часто встречаются психоаналитические и психологические соображения), но это было просто психологическое, а не феноменологическое и не экзистенциальное рассмотрение. Он и сам, конечно, никогда не называл себя ни экзистенциалистом, ни феноменологом. Его учебник следует крепелиновской классификации болезней. По-новому Блейлер осмыслил почти только шизофрению. Однако так получилось, что из его клиники вышли некоторые знаменитые психоаналитики и знаменитый сторонник ЭФП Бинсвангер. Его описания психических болезней предвосхищают метод вчувствования, о котором затем писал Ясперс.

Вопрос о том, какую роль в переходе от органического рассмотрения психиче-

ских болезней к психологическому сыграл психоанализ, слишком сложен (важные соображения на этот счет есть у Фуко³⁷).

1. Ясперс

Хотя в философском смысле феноменология и экзистенциализм не одно и то же, с точки зрения психиатрии это один подход; ниже приводится одна из гипотез относительно их связи. То, что называется "экзистенциально-феноменологическая психиатрия", является результатом трудов минимум двух школ - Ясперса и Бинсвангера; основал и первоначально разработал этот подход К.Ясперс (разумеется, я не претендую на исчерпывающий анализ даже отдельных аспектов философии Ясперса, даже только его психопатологии; я буду писать о том, что имеет отношение к последующей позиции Лэйнга). Первое издание его классического, очень капитального труда "Общая психопатология" (далее ОП) вышло в 1913 году, но он продолжал перерабатывать его всю жизнь, добавляя, по мере того как развивалась его философия, в эту книгу все новые главы. К концу, когда книга достигла 1000 страниц, философская концепция достигла максимальной ясности. Поэтому я сначала опишу основные идеи этой концепции с конца – от того издания ОП, которое вышло в 50-х годах. Хотя в 20-30 годы оказало влияние на психиатрическую мысль не оно, Лэйнг был знаком с ним.

Будучи убежденным последователем философии Канта, Ясперс мыслью пребывает в области проблематики антиномий. Самая мучительная из них – антиномия веры. Бога нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Но надо сделать выбор. Выражая, если можно так сказать, в каком-то смысле точку зрения изначально "предопределенного к спасению", Ясперс осмысливает тот выбор в пользу веры, которого, как кажется, сам он никогда не делал. Этот выбор у Ясперса абсолютно принудительно совершен за него, еще до всякого начала философствования. (В связи с этим Камю, критикуя неубедительность идеи выбирать веру, когда нет никаких оснований это делать, метко называет Ясперса "апостолом униженной мысли" [Камю, 1990. С. 41]. На мой взгляд, Ясперс органично продолжает ряд Августин-Кальвин-(Кант)-Кьеркегор). Поэтому такой ход мысли, как "экзистенция может быть только в связи с трансценденцией" у

³⁷ "Надо ли удивляться тому, что когда Фрейд в рамках психоанализа станет осторожно восстанавливать коммуникативные связи, или, вернее, вновь начнет вслушиваться в этот распадающийся в

Ясперса звучит, в сущности, как проект доказательства веры; он, например, нигде не пишет, что помимо экзистенции "есть или трансценденция, или ничто". Он знает, что или первое или второе, но по-настоящему есть для него только первое. В то же время он часто повторяет, что это вера, доказать это нельзя. Абсолютно недоказуемая вера не имеет практически никакого содержания, тем более конкретного, является более всего структурой мысли. Постулатов у нее немного и они довольно отвлеченные; второй из них звучит: "существует безусловное требование". Таким образом, осуществляется переход от веры к этике. Исполнение безусловного требования необходимо самому человеку, ради того, чтобы экзистенция его была подлинной (упрощенно говоря, совесть чистой³⁸). В чем заключается собственно само безусловное требование, Ясперс в более осторожных вариантах своей философии прямо не сообщает, в менее осторожных – предлагает прислушиваться (интуитивно) к голосу трансценденции в своей душе. Но параллельно с этим он пишет совсем легкие тексты для широкой публики (в поздний период у него была анти-аристократическая установка на приобщение к философствованию всех людей), например, "Введение в философию" [Ясперс, 2000], где формулирует открыто: безусловное требование – любовь. Он даже поступает ради этого принципиальным кантианством, в котором категорический императив любовь, как чувство, исключал. Ясперс говорит не о долге, а о любви, видимо, потому что важнейшая для него теория подлинной коммуникации должна быть цельной и органично включать в себя понимание, с чем любовь согласуется лучше, чем моральный долг.

Итак, любовь – подлинный способ экзистенциальной коммуникации, к коммуникации же человек обязывается самой своей природой ("Вне коммуникации я ничто," – пишет Ясперс. Первооткрывателем этого факта его, конечно назвать трудно).

нескончаемом монологе язык, то единственными оформленными речами, которые он сможет услышать, станут признания в совершенном проступке?" [Фуко, 1997, с.487].

³⁸ Это требует, конечно, уточнения. Подлинность и для Ясперса, и для остальных экзистенциалистов - вопрос не только чистой совести, а более широкого экзистенциального горизонта; вся ЭФП так или иначе трактует вопрос о подлинности. Религиозность (осторожнее говоря, некое соотнесение с трансцендентным) как возможный модус подлинности остается в центре внимания экзистенциальной философии, даже если это атеистический экзистенциализм, как, например, у Сартра и Камю. Таким образом, хотя может показаться, что точка зрения Ясперса относительно "философской веры" не имеет отношения к психиатрической проблематике, на самом деле почти все остальные психиатры экзистенциально-феноменологического направления писали о проблеме веры, и иногда почти то же, что Ясперс. См., напр., [Франкл, 1990, с.334, Yalom, 1980].

Подлинная коммуникация - высшее возможное событие в жизни двух людей, наибольшее горе - ее отсутствие. Коммуникация обогащает, только посредством ее достигается истина ("на всех ступенях объединения людей попутчики по судьбе, любя, находят путь к истине, который теряется в изоляции, в упрямстве и своеволии, в замкнутом одиночестве" [Ясперс, 1991. с. 442].) Она и цель, и средство, и способ существования, и награда за него, и т.д. О коммуникации Ясперс может писать до бесконечности. Иногда это рассуждения теоретического характера, например, в применении к гносеологии ("в коммуникации заключены истоки истины" [Ясперс, 1991. с. 442]), иногда практически лирика, тогда-то он и склоняется, в смысле идеала, к отождествлению коммуникации и любви.

Таким образом, общение врач-больной обязано быть коммуникационным, просто потому что оба люди³⁹, и любовью, если врач хочет, чтобы его экзистенция была подлинной, и намерен выполнять безусловное требование. Вместе с коммуникацией и любовью появляется интерес к уникальности личности, понятие ее ценности, личное и доверительное отношение, вообще тонкое понимание душевных переживаний, существа общения, а также и существа науки. Например, Ясперс пишет о Фрейте, с которым в теоретическом смысле совершенно не согласен, что это серьезный ученый: "Попа философствующего пророка ему чужда... Его изложение отличается изяществом и иногда способно вызвать восхищение... Его тезисы часто неожиданны и рискованны... Если бы Фрейд .. позволил нам разглядеть его личность, мы могли бы лучше понять мир его психологических идей... Но его личность остается скрытой." [Ясперс, 1997, с. 923]. О том, что Фрейд не открывает в научных трудах свою личность, Ясперс сожалеет на страницах капитального научного труда! Такая реставрация человечности внесла очень полезный шок в естественную науку, которая в то время практически совершенно замкнулась в области объективного (к чему она и сама по себе весьма склонна). Собственную личность Ясперс тоже старался не скрывать, обосновывая это, например, тем, что когда наряду с его результатами будут известны истоки его мысли и причины, вследствие которых родились его задачи, станет более ясна не-

³⁹ Один автор хорошо выразил подобную мысль, имея в виду философию истории: "Уникальность событий характеризует не природу фактов, но природу исторического суждения." [Mink, 1987, p. 81]. То же, в смысле психиатрии, можно сказать и о Ясперсе: коммуникативное отношение, допустим, врач-больной, характеризует не природу больного, а природу эмпатического суждения.

избежная ограниченность и, благодаря этому, другие не повторяют его ошибки. Он подчеркивал, что все, что он пишет, имеет промежуточный характер, то есть демонстрировал прогрессистский подход к истине⁴⁰.

Итак, с точки зрения предмета исследования, всё распадается на две части: где возможно понимание и где понимание невозможно (подробно: [Ткаченко, 1992]). Следуя Дильтею, Ясперс противопоставляет понимание и объяснение. Объяснение – это, так сказать, обращение с объектами: описание присущих им свойств, то есть переводение этих свойств на язык терминов, классификация объектов по ячейкам (какой-нибудь) теории. Поэтому если человека объясняют, то это непременно превращение человека в объект, свойства которого более или менее доступны и который подвергается большему или меньшему переводу на язык законов и теорий.

Понимание – принципиальная позиция при общении двух нормальных людей, то есть по-иному названная коммуникация, она не предполагает (по Ясперсу) для себя никаких предпосылок. Понимание заключается, если можно так выразиться, в том, чтобы проследить связную цепь идей. Как каждая из этих идей соотносится со своим, выражаясь упрощенно, предметом, известно каждому на собственном опыте [Ясперс, 1997, с.382]. Как происходит связывание идей (так сказать, психическая причинность) – тоже. До тех пор, пока все думают, некоторым образом, одинаково, каждый может понять другого. Нарушается при психозах скорее психическая причинность, чем связь предметов с идеями, впрочем, возможно и второе: например, при шизофрении смерть близкого человека может вызвать радость, это нарушение связи предмета и идеи, а может быть такое, что человек "внутренне" скорбит, но при этом действует так, как будто ему хорошо – это непонятная связь в смысле психической причинности

⁴⁰ Для истории философии и для истории культуры Ясперс, как я понимаю, представляет собой одну из точек перехода одного в другое. Свой метод мышления он называл философствованием и подчеркивал, что философствование свойственно всем людям (он пишет это во "Введении в философию"). Он перекидывал мост от жизни к философии (это все движение экзистенциализма), обратно от философии к жизни (характерная для него моральная установка), от эмпирической науки к философии (это его собственный путь), обратно от философии к эмпирической науке (это экзистенциально-феноменологическая психиатрия) и так далее. Не случайно он автор "Психологии мировоззрений", объединяющей психологию и философию (два подхода к познанию человека, которые в сознании многих философов враждуют). Конечно, не исключено, что такого рода объединение всегда будет в какой-то степени редуцировать философию к природе. Мне представляется, основой установки Ясперса было стремление к цельности. Таким образом, можно сказать, что он действовал некоторым образом довольно конструктивно, в отличие от Лэйнга, который вынужден был в поисках цельности

[Ясперс, 1996. С. 91, 112].

В чем заключается данность друг другу двух "нормальных" людей (понимание), рассуждать феноменологически (по Гуссерлю) или психологически (по Дильтею) сложно и в данном случае не важно. Во всяком случае, они друг для друга каким-то элементарным образом предсказуемы и психологически объяснимы. Безумный непредсказуем и психологически необъясним, то есть, в данном случае, непонятен. Именно вследствие непонятности (непредсказуемости) появляются "каузальные" теории, которые могут быть любыми и по сути представляют собой добавление чего-то (онтологически действующего) к первичной человеческой - всегда по большому счету понятной - сущности. В таком смысле, например, действует теория бесов, или теория мозгового повреждения, или, как у Крепелина, эндогенного процесса. Важно, что это именно добавление чего-то действующего (к чему-то человеческому), а не только, например, классификация, или редукция к веществу, или каузальность в смысле чистого объяснения. Ясперс формулирует отказ от каузальных связей как отказ рассматривать человека как объект, но на самом деле нужно добавить: его феноменологический подход - это отказ от добавления к человеческой природе нечеловеческих действующих сущностей, которые по сути в "каузальных" теориях всегда предполагаются.

Поэтому, если когда идет речь о здоровых людях, понимание происходит по чистой аналогии, то когда о больных - оно не происходит никак, но, однако, ничего нельзя добавлять; это и называется, в данном случае, редукцией теоретизирования. Все это подробно изложено в ОП и в своих идеях вытекает из феноменологии. Правда, разумеется, назвать это феноменологией в смысле разработанного философского учения нельзя. Философски это самое начало феноменологии. От Гуссерля в этом только то, что нужно редуцировать теории. Однако в смысле психиатрии это революция. До Ясперса о понимании психически больных вообще не шло речи, и о редукции теорий тоже.

Итак, 1) гипотезы и теории болезней, 2) каузальное объяснение, 3) ясную классификацию, 4) человека как объект... - Ясперс заменяет на: 1) чистое описание, 2) генетическое понимание, 3) условную классификацию, 4) человека как свободу...

(как я думаю) написать книгу "Факты жизни", посвященную тому, что он в тупике. Саму проблему ставит онтологический дуализм. Решение ее, возможно, в принципе может быть только иллюзорное.

Ясперс пишет, что у понимания существуют свои ограничения [Ясперс, 1997, с.433], но не сосредотачивается на главном, в чем его упрекали: понимание субъективно, то есть происходит неосознанное добавление к собеседнику предпосылок, присущих понимающему. Например, это предпосылки, заданные культурой. Даже при общении двоих, имеющих общую культурную основу, в чем-то они пересекаются только отчасти, и процесс понимания это может до некоторой степени исказить. Лэйнг, если называть вещи в такой системе терминов, добавил другие предпосылки, в результате чего и понимание стало другим.

Чтобы понимать, нужна любовь, по крайней мере в виде доброй воли. Ведь стоит задача проследить взаимосвязь идей внутри чужого сознания ("мира"). Конечно, наиболее очевидные связи понятны и без особых усилий, хотя даже их часто можно поставить под сомнение. Но область возможного у других всегда больше, чем может представить себе один (именно поэтому "в коммуникации заключены истоки истины"), и, когда речь о психической причинности, далеко не все может быть доказано. В той области, которая не совпадает, допустим, у врача и больного, заключается потенциальное подозрение на безумие. Но (до какой-то степени) непонятные ранее связи могут предстать и понятными, если этого хотеть. С другой стороны, даже понятное можно представить непонятным, например, если слишком догматически придерживаться определенного ограниченного дискурса в ситуации, когда реальный дискурс не столь ограничен. Чтобы расширять, так сказать, горизонт понимания, Ясперс рекомендует врачам читать Достоевского, Кьеркегора, Ницше и т.п.

Итак, Ясперс проходит весь тот путь, который один человек способен пройти к другому человеку ради понимания его и единения с ним, при максимальном, самое желательное – беспредельном, наличии любви и доброй воли. Поскольку речь идет о психически больных людях, приходится понимать иногда довольно странные вещи, но многие из них под натиском воли к любви сдаются. Однако в конце все-таки появляется тупик в виде таких психотических явлений, понять которые нельзя в принципе. Перед ними нормальное сознание, по Ясперсу, отступает [см. также Eilan, 2000]. Ему остается лишь описывать то, что оно видит, стараясь по возможности меньше – в отсутствие понимания – выносить суждения (Подробно: [Руткевич, 1997]).

Таким образом, когда речь о психозе, результатом экзистенциальной установки (на коммуникацию, любовь, затем – как следствие - понимание) является чисто фено-

менологический подход (нейтральное описание явлений). Видимая разница между ними в том, что если в первом случае врач должен быть максимально эмоционально наполнен (ведь даже если речь идет о коммуникации нормальных людей, понимание невозможно без любви, на что Ясперс специально указывает⁴¹; что касается психически больных - которых в принципе можно понять, - то сама идея понять их изначально должна быть продиктована любовью, поскольку в этом случае понимание не очевидно), то во втором - когда речь о тех, кого невозможно понять - он обязан сохранять полную отрешенность от эмоций. На самом деле даже и здесь нет противоречия. Нейтральность во втором случае вынужденная, только потому, что абсолютно непонятого больного любить невозможно. Он, если можно так выразиться, обречен сделаться чужим. Более того, тот, кто имеет нормальную установку, таких людей часто может только ненавидеть. При безусловном требовании любви лучше уж нейтральность, чем ненависть. (Что Ясперс, разумеется, гораздо лучше понимал тех шизофреников, которых любил, видно по его книге "Стриндберг и Ван-Гог". Но и их, пишет он, в том, что касается их болезни, понять нельзя.) Ниже приведенное соображение будет важно для случая Лэйнга. Он преодолел то оставшееся расстояние до полного понимания, которое не прошел Ясперс, вероятно, потому, что жил в другую эпоху – принципиально противоречащую Просвещению (Ясперс, хотя мыслил совершенно не просвещенчески, теоретически был не против Просвещения), эпоху бунта. Ему было легко именно любить больных, главным образом за то, что они выпадают из общей общественной картины.

Еще один аспект - свобода. Понятие свободы во всей философии Ясперса значит очень много⁴². Исток свободы он полагает в трансценденции, следовательно, пребывание свободы - так сказать, в глубине души (не в мире). Для внешней жизни свобода - это цель, как и трансценденция, во внутренней жизни свобода - это данность. Понять другого человека означает понять, что он свободен и как именно он свободен, признать его (и тем самым получить возможность искомой подлинной коммуникации) значит признать его свободу. То, как употребляет Ясперс слово свобода, иногда имеет мало общего по смыслу со свойством или видом отношения, при котором, до-

⁴¹ Об этом Ясперс очень много пишет во "Введении в философию", напр., с.63, 72,121, 153 и пр.

пустим, отсутствуют преграды, возможен выбор и т.п. Например, в известной формуле "или человек как объект исследования, или человек как свобода" [Ясперс, 1991, с.450] по сути, если так можно выразиться, свобода субстантивируется. Она противопоставляется объекту, то есть встает на то место, где раньше был субъект. И все это модусы бытия человека! Когда по сути можно подставить слово "свобода" вместо слова "человек", то это свобода в таком же странном смысле, как Dasein у Хайдеггера (тоже практически вместо слова "человек"). Как бы то ни было, можно, слегка упрощая, сказать, что свобода у Ясперса базовое свойство бытия человека, укоренена религиозно и необходима для подлинной коммуникации (последние два тезиса позже сыграли роковую роль в психиатрической мысли).

Результатом столь решительно проведенной "гуманитарной линии" была, помимо обогащения общей феноменологии такими феноменами, как галлюцинации и псевдогаллюцинации, реорганизация психиатрической теории. Нозологический подход Крепелина, который основывался на внешнем отношении к больному, способствовал выделению болезней как единиц классификации (вероятно, они были сначала удобны, уже потом стали онтологическими, хотя полностью поручиться за это трудно), описанию клинических форм, которые мыслились цельными. Когда человек – это закрытое, тогда болезнь – это целое. Болезнь в такой картине предстает онтологическим действующим лицом, наравне с самим человеком. Выше указывалось, что теория добавляет к феномену собственное содержание. Именно так и мыслит физиопсихиатрия, для которой болезнь - эндогенный процесс. Классификации подвергаются болезнь и человек одновременно: в учебниках представлена классификация болезней, а на практике классифицируют людей.

Понимание раскрыло человека, но описание способствовало, так сказать, рассыпанию болезней на феномены. Это не совсем желательное следствие, поскольку эмпирически понятие болезни, особенно в больнице, очень удобно. Ясперс не отрицает нозологический подход. Он выделяет синдромы (их выделял и Блейлер), охотно пользуется теми названиями болезней, которые сложились в естественном языке и соответствуют синдромам, встречающимся в клинической практике (например, исте-

⁴² Напр., в "Философской вере", с. 448 и далее. В предисловии к книге о значении свободы у Ясперса пишет П.Гайденко (с. 15).

рия).

Сложение целого синдрома из отдельных феноменов, причем систематическая склонность феноменов группироваться определенным образом, требуют объяснения. Речь не о каузальных связях. Ясперс везде, где можно, пытается понимать психологически. Чтобы "понять" синдром как взаимосвязь симптомов, нужно попытаться вычленивать ту первичную (и желательную психологически естественную) особенность, из которой все остальные следуют "понятным" образом. Например, в случае истерии – это желание не подлинно быть, а казаться, причем казаться чем-то большим, чем есть на самом деле. Остальные явления при истерии, например, манерность поведения и т.п., представляют собой естественные следствия такой установки. Это очень разумное понимание истерии. Психоанализ предлагал более экзотические (Ференци). Вывод понятных вторичных следствий из одной лежащей в основе причины называется "генетическое понимание"⁴³.

Синдромы Ясперс выделяет и классифицирует по принципу веберовских "идеальных типов" ([Ясперс, 1997, с. 677; Schwartz, Wiggins, 1988]. Вопрос о классификации всегда ставит вопрос о признаках, лежащих в основе и определяющих существо дела. В общем, именно они - как содержание теорий - добавляются потом к человеку как к чистой совокупности феноменов.

Самый легкий и в смысле классификации, и в смысле объяснения случай - соматическое заболевание. Например, к прогрессивному параличу приводит сифилис мозга. Второй класс болезней - ясная, в общем, классификация, хотя неизвестна причина. Это такие болезни, как маниакально-депрессивный психоз или паранойя: любой опытный психиатр узнает их, сам часто не отдавая отчета в том, как он это делает. Третий класс - не ясны ни классификация, ни причина. Речь в основном о неврозах. Это мир расплывчатых синдромов, хотя все же невротики более отчетливо группируются вокруг некоторых "идей" синдромов, чем здоровые люди вокруг идей, допустим, характеров. "Идеи" синдромов - это те первичные особенности, из которых все

⁴³ Генетическое понимание - не специфически медицинский, а, так сказать, общемыслительный инструмент. Ясперс пользуется им всегда, когда речь идет о людях. Например, в своей автобиографии он "понимает" почти всего себя только лишь исходя из того, что он всю жизнь был болен сердечной недостаточностью (вообще-то это, наверное, некоторое упрощение реальности). Что важно с точки зрения культурологического анализа, это то, что с психически больными он работает так же, как со здоровыми; у него уже на уровне намерений отсутствует "обвинительная" установка.

остальные выводятся генетическим пониманием. Ясперс заявляет принципиальный отказ от каузальных объяснений, для случая 2 относительно, пока причина неизвестна, для случая 3 абсолютно, то есть, другими словами, в случае 3 причину (независимую от человека и его свободы, например, органическую) найти в принципе нельзя и искать запрещено.

Чем более органическая и соматическая природа заболевания, тем проще классификация. Большая энергия, которая у ранних психиатров направлялась на домыслы о физической природе психического, отчасти объясняется, может быть, тем облегчением, которое внесло бы это в классификацию, другими словами, в упорядочение общей картины, в объяснение, упрощение ситуации, в снятие напряженности, которую всегда вызывает то, что дано как неопределенное (самый наивный пример такого хода мысли - Гиппократ с его черной желчью у меланхоликов.)

Здесь нужно отвлечься на то, что не случайно, как кажется, отказ от каузальных объяснений делается на почве экзистенциализма. Этого рода философствование отнюдь не ищет покоя, или, во всяком случае, не торопится его найти. Мироощущение самого Ясперса, не в смысле идей, а в смысле господствующего эмоционального настроения, склонно быть болезненным и заостренным⁴⁴. Характерно, что в поздней автобиографии, "когда все в целом уже позади", Ясперс сожалеет о том, что в его жизни не было катастрофических "крушений с последующим возрождением", что она была однородна и последовательна [Jaspers, 1977, S.122]. Это вполне согласуется с заложенным в экзистенциализме пониманием трагического, страдания, пограничных ситуаций и т.п. как высокой ценности⁴⁵. Крушения - желательны абсолютные - выводят дотоле спавшую душу к самой высшей ценности: трансценденции. Выход к трансценденции в ситуации крушения выглядит так внутренне логично (и этот ход мысли так часто встречается и помимо экзистенциализма), что становится несколько удивительно, что к этой области некоторые выходят и без предельной ситуации, в рамках обычно текущей жизни. (Опять же, для случая себя самого Ясперс приводит в качестве объяснения то, что он был болен [Jaspers, 1977, S. 11]). Это умозаключение делает-

⁴⁴ Об этом представление дают его дневники [Jaspers, 1967]; письма [Хайдеггер, Ясперс, 2001]; см. о кризисном сознании также [Гайденко, 1997, с. 321].

⁴⁵ О ценности пограничных ситуаций и о значении этого для психиатрии см., напр: [Owen, 1994].

ся типичным актом "генетического понимания" и, видимо, все же несколько упрощает ситуацию, недооценивая автономность деятельности духа. Характерно также, что он дает высокую оценку философии Хайдеггера следующим образом: "По ней видно, из каких мучений она возникла..."⁴⁶. Итак, очевидно, речь о страдании. Переживание страдания, если я правильно понимаю, определило круг тем философии Ясперса, не отпуская его заняться тем, что не имеет отношения к "прояснению страдания" [Ясперс, 2000, с. 113]. Поэтому его так настойчиво мучила и проблема коммуникации. Ведь даже если страдание имеет чисто внутренние причины (то есть экзистенциально), оно обычно проецируется на внешнее, как правило, на людей, и всегда обостряется прерыванием коммуникации. Последняя (и, в сущности, только она) может облегчить экзистенциальное страдание. Изначальная готовность (может быть, вследствие привычки) претерпеть страдание у Ясперса обернулась пониманием: готовностью сострадания, терпеливым вдумыванием, вчувствованием, осмыслением, собиранием переживаний и т.п. Мечтательно-сказочное повествование в некоторых его работах (особенно во "Введении...") тоже, скорее всего, преследует цель разрешить переживаемое экзистенциальное страдание. Нетрудно предположить, что и психические проблемы при таком подходе подлежат уже за одно вызываемое ими страдание скрытому одобрению.

Поскольку коммуникация с психически больными сильно затруднена, а потребность узнать содержание их внутреннего мира предстала Ясперсу очень насущной, он изобретал косвенные способы: просил их писать сочинения о своей болезни, излагать переживания в форме писем, дневников, художественно и т.п. Впоследствии он использовал это для вычленения психопатологических феноменов (типа: бывает ощущение постороннего взгляда... Иногда бывает ощущение взгляда в спину...), затем реконструировал "миры" болезней. Пытался он понять больных и в ином жанре: восстанавливал переживания великих сумасшедших по их творчеству (в "Стриндберг и Ван Гог").

Словом, Ясперс сделал для понимания психически больных все, что мог. Даже уйдя из психиатрии, он продолжал расширять ОП, добавляя в нее теперь философские рассуждения о том, что такое понимание вообще, что такое философская вера,

⁴⁶ "Переписка..." (прим.12), цитируемый текст - в комментарии И.Михайлова. с.374.

какова природа научного знания, в чем смысл подлинной коммуникации и любви и т.п. (кажется, он не вставил туда ничего только об истоке и цели истории). Поэтому в последних вариантах большая часть содержания этого труда практикующим врачам была уже бесполезна и, наверное, малодоступна. Впрочем, последние ее издания читались врачами, которые получили образование в ситуации, уже реформированной, принявшей феноменологический подход.

Ценность психоза не только органически вытекает из всех изложенных соображений о коммуникации, понимании и страдании, но и сам Ясперс прямым текстом сформулировал ее, например, в книге "Стриндберг и Ван-Гог": "Как во времена до 18 века должна была существовать некая естественная духовная предрасположенность к истерии, так и нашему времени, видимо каким-то образом соответствует шизофрения... (О Ван Гоге) Тут словно открывается на время первоисточник фактического существования, словно скрытые основы нашего бытия непосредственно проявляют себя. Но для нас это – потрясение, которое мы долго выносить не можем, от которого мы с облегчением вновь ускользаем... Это толкает нас к преобразению в иное, нам соразмерное воплощение. Это невероятно волнующий мир, из него исходит некое самосомнение, некие призывы к собственной экзистенции – и они благотворны, потому что они инициируют какое-то превращение" [Ясперс, 1999, с. 235 и далее]⁴⁷.

Нетрудно назвать это вполне определенным шагом в направлении безумия. Ясперс не планировал делать других шагов. Он видел их возможность и не одобрял ее. О таких безумцах, которые, прежде чем сойти с ума, будто бы прозревают скрытую от нормальных людей высшую истину, он писал с восхищением, а о тех, кто желает сойти с ума, будучи здоровым, и в результате лишь подражает сумасшедшим - с презрением ("Ван Гог оказался в вынужденном гордом одиночестве среди толпы тех, которые хотели бы быть сумасшедшими, но чересчур для этого здоровы".) Обогащать себя психотическим опытом с помощью ЛСД он практически наверняка назвал бы неподлинным выбором. Однако не всем присуща экзистенциальная твердость, так что

⁴⁷ Интересно, что Ясперс видит проявление ценности шизофрениии в области искусства. Распространившаяся привлекательность шизофрениического состояния в 60-е годы, в этом смысле, коррелирует с распространившимся влиянием искусства. Конечно, в 60-е годы было специфическое искусство (например, рок-музыка), однако оно определяло умы так, как, возможно, никогда искусство в другие эпохи. Искусство видоизменяет реальность и противопоставляет себя рациональному. Однако углубляться в эту проблему здесь нет возможности.

оставшиеся шаги со временем были сделаны.

Феноменология и экзистенциализм

Вопрос о связи между феноменологией и экзистенциализмом, разумеется, напрашивается, поскольку почти все авторитетные экзистенциалисты 20-го века (Ясперс, Хайдеггер, Сартр) начинали как феноменологи. Одно из обсуждений этого вопроса произошло в 60-х годах в журнале *The Journal of Philosophy*. Известный исследователь истории феноменологии Шпигельберг [Spiegelberg, 1960] пишет, что, по его мнению: 1) феноменология и экзистенциализм не несовместимы (хотя и он согласен, что различия в них больше, чем сходства); 2) у них есть общее: анализ феноменологией чистого осознания и экзистенциализмом чистого существования; 3) такие экзистенциалисты, как Сартр, искажают первоначально чистую мысль Гуссерля; 4) их связь неоднозначна, некоторые феноменологи стали экзистенциалистами, а другие - нет (например, Р.Ингарден). Другой исследователь, Эрль [Earle, 1960], споря с ним, пишет, что феноменологию и экзистенциализм нельзя сравнивать; экзистенциализм берет свой исток у Кьеркегора и Ницше, а они не имели ничего общего с феноменологией. Он считает, что ближе всего к истоку экзистенциализма философия Ясперса (это, по-видимому, верно), но его философия в экзистенциалистский период не феноменологическая. Все же независимый переход такого количества умов от феноменологии к экзистенциализму вызывает вполне понятный интерес и желание найти между ними что-то общее. Далее следует одна из возможных гипотез.

Я постаралась изложить экзистенциально-феноменологический подход в том виде, как его получил Лэйнг. Ясперс изобретал его в другой последовательности. Генетически первична была феноменология (это было в десятилетия). Сначала, как и у Крепелина, целью была классификация, только, в отличие от Крепелина, следовало сделать ясной классификацию того, что происходит психологически, а не внешне. В этой области господствовала темная терминология (ее начали, впрочем, приводить в порядок в рамках психологических школ, этим занимался и Блейлер), путаница теорий и скрытая обвинительная установка, очень характерная для школы Крепелина. При человеческом, а тем более философском взгляде на вещи претит называть "простым сумасшествием" и "ранним слабоумием" болезнь, при которой бывают очень сложные - в чем-то разные, а в чем-то сходные - переживания и даже гениальные про-

зрения⁴⁸. В наше время это стало общим местом, тогда было не так. Даже если не брать этическое измерение, сама *внутренняя логика психиатрии требовала, чтобы то, что можно понять, было понято*. Это неотменимый для науки ход мысли⁴⁹! Стало быть, исходно феноменология была средством избавления от неадекватных представлений. Экзистенциализм (точнее говоря, экзистенциальная философия) появился позже, в 20-30-е годы. Кажется, что для самого Ясперса это был скорее термин, которым он обозначил результат предшествующего движения. После того, как собственная позиция стала ясной в философском смысле, он, кажется, более не двигался и не искал, а скорее по-разному применял найденное. "Экзистенциально-феноменологический подход" - тоже не его термин, он считал свой метод просто феноменологическим, хотя философию свою называл экзистенциализм и, конечно, в поздних вариантах ОП экзистенциализма не намного меньше, чем феноменологии.

Таким образом, в поздних вариантах дело предстает так, как будто феноменоло-

⁴⁸ В ОП Ясперс пишет: "В настоящее время все еще открытым остается вопрос: почему на начальных стадиях шизофрении так часто (хотя и не в большинстве случаев) принимает форму космического, религиозного или метафизического откровения? Данный факт в высшей степени удивителен: это тончайшее и глубочайшее понимание, эта словно выходящая за пределы возможного, потрясающая игра на фортепиано, эта исключительная творческая продуктивность в сочетании с блистательным мастерством (Ван Гог, Гельдерлин), это своеобразное переживание конца мира и сотворения новых миров, эти духовные откровения Переживания подобного рода не могут быть постигнуты в одних только объективно-символических терминах психоза как радикального, разрушительного для личности события, "выталкивающего" свою жертву из пределов привычного для нее мира. Даже говоря о дезинтеграции бытия и души, мы неизбежно останемся на уровне всего лишь аналогий. Единственное, что мы на сегодняшний день можем постулировать с полной уверенностью - это то, что возникает новый мир. ... Важнее всего то, что мы осознаем важность этой проблематики, тогда как реальные ответы скорее немногочисленны и неполны". [Ясперс, 1997, с.349, 351].

⁴⁹ Вообще говоря, в начале я писала, что понимание в случае ЭФП вытекает скорее из императива любить, чем из научного интереса (любовь ведь тоже интерес). Для Ясперса, возможно, здесь не было бы противоречия, потому что он был склонен ставить любовь в том числе и в основание научного метода ("То, что подлинно есть, я не могу увидеть не любя" [Ясперс, 2000, с.63]). Пафос же деятельности Лэйнга заключается в том, что наука предала любовь, во имя которой должна была бы действовать, и действует сейчас уже исходя из совсем других побуждений (см. об этом "Факты жизни" [Laing, 1977]). Лэйнг, правда, не пишет, из каких именно побуждений исходит современная наука, но если привлечь сюда Фуко, можно сказать, что у психиатрии один из главных мотивов - социальная репрессия. Однако мне кажется, что вопрошание - само по себе мотив науки. Можно заменить это философское слово общеупотребительным "любопытство". Понимает ли наука только если любит, или может понимать просто из чистого любопытства? (Характерно, что в рамках психоаналитической мысли имеется тенденция считать научное любопытство одним из модусов либидо.) Вопрос, в чем, собственно, побуждающие причины понимания, не совсем разрешен. Я думаю, что для понимания, в смысле императива понимать, вообще говоря, любовь не обязательна, потому что этот императив диктуется вопрошанием, то есть чисто научным стремлением к максимальной истине. Но данный вопрос требует отдельного разъяснения. Предельные истоки этого стремления все равно остаются вне ясности. Некоторые дополнительные умозаключения можно сделать, отталкиваясь от идеи Хайдеггера, что в основе новоевропейской рациональности лежит непрерывный поиск оснований.

гия в психиатрии вытекает из экзистенциализма (по причине тупика понимания), но на самом деле в реальности переход был противоположный. Как можно перейти от феноменологии к экзистенциализму? Возможно, это было продиктовано пафосом направления мысли на подлинное и реально существующее⁵⁰. Одна из основных идей феноменологии заключается в редукции объяснительных схем и теорий, которые *гносеологически предшествуют* описанию явлений самих по себе (речь о начале феноменологии, в том виде как Ясперс применял ее к психиатрии). Прежде чем создавать работающую теорию, пишет Ясперс, следует феномены описать точно, чему мешает наличие предпосылок, в основном неосознанных, подобных, например, теории вырождения Мореля⁵¹. Таким образом, гносеологическое действие, которое здесь совершается – это редукция предпосылок, а для этого - теоретизирования; с философской точки зрения оно лежит в самом начале феноменологии, а с практической требует большой работы. Феноменов сразу оказывается очень много, по несколько на каждого больного, поскольку группируются они после описания, и то, так сказать, если повезет. В отличие от экзистенциализма, необходимо отмысливать свою субъективность, то есть себя, но феноменология (речь, например, о позднем периоде Гуссерля) отдает себе отчет в том, что это невозможно.

Экзистенциализм в смысле последнего противоположен; он не только не стремится отмысливать себя, но и, можно сказать, мыслит только о себе. Но в то же время гносеологически пафос его похож. Отказ от теоретизирования, требование подлинности, самоопределение очень напоминают редукцию теорий к феноменам. Если некоторые теоретики экзистенциализма настаивают на том, что то, что получается в результате (чистое бытие) принципиально доступно только апофатическому объяснению [Больнов, 1999, с. 40], то Ясперс на это не делает упор, пишет об этом преимущественно теоретически. На практике он понимает подлинное бытие не только как чистое и негативное отсутствие всего, но и, например, как философскую веру, коммуникацию и т.п.; что это такое, он полагает если не позитивно, то не совсем негативно, и его описание имеет что-то общее с описанием психологических феноме-

⁵⁰ Автор горячо благодарит за эту мысль Т.Ю.Бородай.

⁵¹ Про Мореля см., напр: [Александр, Селесник, 1995, с.240].

нов⁵².

Итак, экзистенциализм и феноменология подобны друг другу в области задачи, поскольку как познанию феноменов, так и пониманию экзистенции ставит преграды - гносеологически первичное! - теоретизирование.

Следует заметить, что философская редукция (теорий) в смысле культуры вещь опасная. Это видно на примере психиатрии. Правда, феноменология дала психиатрии неплохую классификацию. Но кроме этого, большой пользы от нее не было: ни работающей теории мышления, ни уж конечно излечений⁵³. Найдено (даже в смысле теории) было больше на пути ФПс, которая руководствовалась гипотезами – чаще всего не очень правильными – зато всегда находилась в непосредственном практическом контакте с собственным предметом. Что касается экзистенциализма, то он, редуцировав метафизику, пришел к странным политическим идеалам в лице Хайдеггера и Сартра, а если в лице Ясперса не пришел, то это потому, что Ясперс добавил к идее подлинного еще (практически религиозную) этическую идею, из самого экзистенциализма не вытекающую⁵⁴, о чем уничтожающе отзывались остальные экзистенциалисты (особенно Камю, см. выше процитированное место из "Бунтующего человека"), собственная этическая идея которых была по каким-то причинам другая.

Сейчас не место писать об этом подробно, но, по-видимому, можно сказать, что все последствия того, что делает, Ясперс не предвидел. Ему свойственны тонкость и глубина в, так сказать, антропологическом регистре (я имею в виду особенно его этическое чувство), но его позиция в области социального кажется слишком утопической. Я выше упоминала сказочный слог его "Введения в философию". Если лирически задушевную идею коммуникации можно принять в качестве модуса должного, то положения принципиальной для Ясперса философской веры заострены настолько, что благотворное воздействие могут оказать только на очень далекую по своей позиции аудиторию (которая их, с другой стороны, не станет слушать). Тех же, кто склонен соглашаться, они могут подвигнуть на экстремальные выводы. Например, надо выполнять безусловное требование, но как его узнать? Ясперс решает вопрос радикаль-

⁵² Это заметно, например, в конце "Философской веры".

⁵³ Характерно отсутствие в книгах крупных феноменологов, например, Л.Бинсвангера, описаний случаев излечения. Техник лечения он даже не предлагает [Бинсвангер, 1999].

но: надо "прислушиваться к голосу трансценденции" (с.71). "Человек может жить, ведомый Богом" (с.68), "голос Бога различим лишь в особые, высокие мгновения. Мы живем, опираясь на них и к ним устремляясь" (с.72) - и так далее. Разумеется, он оговаривается, что вообще-то по большей части нет никакого голоса Бога, а есть - в лучшем случае - только совесть, а чаще нет и ее, а есть лишь страсти. А когда кажется, что встреча с Богом была, удостовериться в этом нельзя, это навсегда останется личным вопросом веры. Не счесть, сколько у Ясперса выступлений против излишней уверенности. Радикален он был только в теоретическом пределе. Но его оговорки и общий фон его стремления к честности вполне можно пропустить, как нечто необязательное. Тогда останется основная мысль: *контакт с трансцендентным уже в этом мире возможен* - нет сомнения, что в некоторых местах это сформулировано именно так. Лэйнг в 60-х годах сомневается намного меньше, чем Ясперс сомневался в 40-х.

Итак, на этом основании можно считать, что Ясперс и, шире говоря, религиозный экзистенциализм (а еще шире - весь тот вариант религиозности, который был в 20-м веке), стоят на идеологии авангарда, то есть на той же идеологии, что и антипсихиатрия⁵⁵.

2. Хайдеггер / Бинсвангер

Собственно философия Хайдеггера не имеет отношения к психиатрии, но изложить некоторые моменты представляется нужным по следующим соображениям:

1. На Хайдеггера ссылается Лэйнг. (Представляется, что Лэйнг, считая себя по-

⁵⁴ Н.Аббаньяно [Аббаньяно, 2000, с.102] тоже пишет, что Ясперс не стал фашистом "по счастливой непоследовательности".

⁵⁵ Ясперс в гипотетическом виде сформулировал идею Лэйнга: "...хотели бы быть сумасшедшим, но чересчур для этого здоровы" [Ясперс, 1999, с. 235]. Сама формула "хотели бы быть сумасшедшими" - проявление романтизма. Возможно, само кредо романтизма в координатах "хочу - не хочу" и "могу - не могу" можно приблизительно обозначить как: 1) "хочу быть не таким, как филистеры", "надо быть не таким" (большая посылка); 2) "сумасшедшие - такие, как надо", "не могу быть сумасшедшим" (меньшая посылка). Данное уравнение прекрасно решается не в области искусства (которое "по-романтически" не может делать тот, кому *не дано* быть сумасшедшим!), а в области религии: перед тем, кто не хочет быть филистером, стоит задача отвергнуть суету, спасти душу (это *дано* всем). Однако во времена романтизма было еще антиклерикальное, секулярное и даже, если можно так обобщить, атеистическое время. Поэтому романтики находились в пределах мира, где их уравнение не решается. Антипсихиатрия Лэйнга - порождение романтического сознания; присущий ей мистический уклон, мне кажется, объясняется попытками, если можно так выразиться, решить романтическое уравнение способом перехода в религиозное измерение, где оно решается. Однако в религию из мира и от науки перейти нельзя. Ее следует выбрать с самого начала. Далее рассуждать об этом нет возможности.

следователем Хайдеггера, ошибался).

2. На Лэйнга оказал влияние Бинсвангер, на Бинсвангера же - Хайдеггер. По причине авторитета Хайдеггера необходимо попытаться определить, в чем состоял его вклад.

3. Кажется, напротив, что Лэйнг мыслит в некотором контрасте с Хайдеггером, чтобы объяснить свою мысль, необходимо сказать, как я понимаю Хайдеггера.

Как и в случае с Ясперсом, все, что будет написано далее, по необходимости ограничивается только очень частным аспектом философии Хайдеггера: ее влиянием на ЭФП.

1. Хайдеггер

О том, что он оказал большое влияние на ЭФП, пишут все основные представители направления, которое, ориентируясь на Хайдеггера, стало называть себя Dasein-анализ. Это прежде всего Бинсвангер и Босс (Лэйнг их включает в ЭФП). Для реконструкции его точки зрения используются, наряду с текстами Хайдеггера ("Бытие и время" [Хайдеггер, 1997], "Положение об основании" [Хайдеггер, 2000], "Письмо о гуманизме" [Хайдеггер, 1993]), критическими работами о нем П.Гайденко (в сборнике "Прорыв к трансцендентному"), А.Руткевича ([Руткевич, 1985]), О.Больнова ([Больнов, 1999]), В.Бимеля ([Бимель, 1997]), И.Михайлова ([Михайлов, 1995]), а также ссылками на него Бинсвангера (по сборнику "Бытие в мире").

Мне представляется, Хайдеггер ставит цель рассмотреть человека в той области, где человек и мир еще столь интимно связаны, что нет расщепления на субъект и объект, сознание существует как, так сказать, первичная интенциональность, до рефлексии, "при" мире. В этой связи, по-видимому, один из пунктов задачи Хайдеггера - найти способ мыслить бытие (человека) без посредства вербальной рефлексии, искажающей бытие как оно есть, налагающей на него рамки, определенные языком и принятым стилем мышления. В каком-то смысле это интуитивное бытие, бытие почти уровня животного. Изошренные средства и исключительная интеллектуальная мощь, которые понадобились для того, чтобы выйти на такой уровень, примерно похожи на мощь исследовательских приемов, которые использует, например, физиология для того, чтобы со своей стороны проникнуть в бытие человека как животного (например, электронный микроскоп для исследования клетки). Разумеется, человек

Хайдеггера не животное! Это вопрошающее существо. Поразительно, как странно выглядит вопрошание на глубинном уровне и без следа тех искусственных ответов, которые были позже даны на него продуктами рефлексивного мышления.

Поскольку речь идет о первичном существовании, экзистенциалы, которые вводит Хайдеггер, это прежде всего "забота", "проект", "набросок" и т.п. В большинстве своем они ведут происхождение от идеи интенциональности и имеют отношение к (практически до-сознательному): планированию (будущей) деятельности, установкам на определенные интерпретации воспринимаемого, желаниям и их превращениям в намерения, первичному чувству несамоопределенности и несамоадекватности, адаптации мышления к насущным задачам и так далее. (Разумеется, речь не о том, чтобы свести интересы Хайдеггера к вопросу об адаптации человека в мире. Так поставленный вопрос адекватен для психологии, а не для философии. Однако приходится принимать, что психиатры, в том числе Бинсвангер, как кажется, взяли у него то, что потом превратили в соображения, близкие собственной эмпирической науке.) Основное измерения бытия - время [Гайденко, 1997, с. 266], именно вследствие своей конечности человек обречен быть интенционален [Бинсвангер, 1999, с. 183]. Кроме того, есть "просвет бытия". Человек пробуждается от своего бытия-при-мире и (рефлексивно?) "видит" себя и бытие, обращается своей интенциональностью к бытию, иными словами, самому себе. При мире он быть, конечно, не перестает, но это уже просветленное бытие, к которому можно применять такие категории, как подлинный-неподлинный модус и т.п.

Относительно подлинности возникают проблемы. У Ясперса было проще: он соотносил экзистенцию с трансценденцией, считал подлинным такое существование, когда любой выбор делается, что называется, *sub specie aeternitatis*, под взглядом Бога; поскольку на самом дне души экзистенция опять находит в себе трансценденцию (по всей видимости, ход мысли, продиктованный романтизмом), этот же выбор соответствует максимальной верности себе. Хайдеггер такой критерий подлинности принять не может, потому что не вводит в свой анализ потусторонние элементы. Тем не менее, идея подлинности есть; она связана с истиной. Поскольку основоположник феноменологической линии Ф.Бrentано специальное внимание обращал на то, что об "истинности" можно говорить только в применении к высказыванию, а никак не к существующему положению вещей, и поскольку Гуссерль также настойчиво стре-

мился избавиться от суждений, Хайдеггер в русле феноменологии объявляет истину вещей несокрытой, "непотопленной" [Хайдеггер, 1997, с. 33]. В более поздних вещах, например, в "Положении об основании", он пишет о ненужности "разыскивания оснований" для бытия вещей мира⁵⁶. Однако что делать человеку, бытие которого, если можно так выразиться, заклеено вопрошанием? С одной стороны, приходится определять Dasein - его бытие - как то, что имеет отношение к самому себе, именно этим отличается от любого другого бытия. Так вводится неизбежность удвоения мира в сознании, рефлексия, философствование (чем, собственно, был занят сам Хайдеггер). С другой стороны, приходится желать, чтобы размышления не было⁵⁷. Несколько снимает остроту противоречия то, что вопрошать и размышлять способом составления суждений - не одно и то же. Именно второй способ мышления привел к появлению европейской метафизики (с этой мыслью Хайдеггера, кажется, не будет спорить никто, изучавший появление в Греции одновременно философии и науки. Метафизика же впоследствии привела к Новому времени, рациональной науке, господству техники, утрате почвы и, в конце концов, появлению - на пути рациональности - сугубо неистинных мировоззренческих установок, для обоснования которых вторично привлекаются сугубо неистинные суждения. Это уже несколько менее очевидно). Следовательно, речь о том, чтобы вопрошать, не размышляя.

Упрощенно говоря, кажется, у Хайдеггера суждения быть истинными не могут в принципе. Шаг от суждений, скрывающих истину - это шаг к созерцанию [Гайденко, 1997, с. 254]. Однако поскольку значительная часть суждений нацелена на защиту от вещей как таковых, особенно если это повторение чужих суждений, и особенно - неистинных, отказ от суждений подразумевает отказ от защищенности и требует силы, в пределах героической. Этим чисто духовным героизмом начинается подлинное бытие. Как следствие, необходимо сущностное одиночество: отказ от "молвы" (следования общему мнению) и от отданности миру (суеты). Поскольку существование мыслится всегда интенциональным, "отдаваться" миру означает интересоваться миром, быть вовлеченным в него и так далее. Переход к подлинности процесс формально-

⁵⁶ "(роза) цветет, потому что цветет. Между ее цветением и основаниями цветения нет места для внимания к основаниям..." [Хайдеггер, 2000, с. 75].

⁵⁷ "Человек в самом сокровеннейшем основании своей сущности является истинным только тогда, когда своим существует ... без "почему" [Хайдеггер, 2000, с. 76].

отрицательный. Ничего другого, кроме мира, нет, и никакого другого существования, кроме интенционального, быть тоже не может. Но от мира надо освобождаться⁵⁸. Позже, кажется, кристаллизовалась некоторая положительная программа, но (из-за необычного языка) она не до конца понятна. Комментаторы формулируют ее по-разному и весьма часто ставят в сомнительное соотношение с политикой (подлинное = почвенничество = фашизм).

Если проводить анализ не в политическом аспекте, то общую идею можно сформулировать примерно так: вопрошать, но не мыслить метафизически, хотеть знать, но не задавать вопросов (и уж конечно не искать законченных ответов), понимать таким пониманием, которое находится на уровне до слов и даже до мыслей, максимально близко к созерцанию. Созерцание же равнозначно вопрошанию; вопрошание всегда сопутствует созерцанию. Это вопрошание приводится к способу рационального мышления как "поиск оснований", это, в свою очередь, ведет к нахождению неистинных оснований, неподлинности и так далее.

Имеется некоторая отдаленная параллель между Хайдеггером и Фрейдом. У них был общий интерес к первооснове, первичным процессам, протекающим до рефлексии. Процессы эти просто так не увидишь, их надо освободить от искажений. На самоосмысление, самопознание человека, а особенно на то, как он представляет себя другим, накладывает неизгладимый отпечаток культурная парадигма. Если это нечто, подлежащее моральному суждению, то инстанцией, осуществляющей искажение информации, является Супер-Эго (Фрейд). Если моральное суждение не главное, то, так сказать, просеивание информации осуществляется самим языком, а также структурой мышления, порожденными метафизикой, наукой и т.п. (Хайдеггер). Шаблонные ходы мысли так трагически отклоняют путь познания от (созерцания) истины, что лучше было бы даже полное непонимание, без каких-либо усилий понять. Вероятно, для Хайдеггера вся метафизика - это обрастание одних шаблонных и ложных ходов другими. Если это так, то это весьма напоминает более поздние схемы, посвященные идее дискурса.

Отменить языковые схемы невозможно, потому что они на протяжении всего развития мысли являлись подпорками для нее, и в онтогенезе, и в истории человечества. Прямая отмена языка с целью избавиться от ходульных стереотипов и непосредственно выйти к "немотствующему" невозможна, она вызовет крушение всего. Веро-

⁵⁸ Подробно точку зрения Хайдеггера излагает О.Большов: [Большов, 1999, с.53].

ятно, поэтому Хайдеггер создает свой язык, напрягая для этого уже существующий, разлагая его, анализируя как он работает, творя и так далее.

Мне кажется, проект Хайдеггера несколько напоминает математический анализ. О.Большов пишет: "Поскольку нельзя мыслить чистое бытие в его "что", его можно мыслить в его "как"..." [Большов, 1999, с.46]. Это напоминает взятие производной вместо того, чтобы вычислять значения функции. Вполне естественно, что "математическая размерность" изменяется. Таким образом, Хайдеггер ведет речь не о том, о чем говорили до сих пор.

На первый взгляд, в теории Хайдеггера напрямую нет этического учения. Однако на самом деле шкала ценностей заложена внутри учения о подлинном / неподлинном бытии. В понятии подлинного, особенно в том, что в него входит (не "отдаваться" миру, например, "стоять в одинокой решимости" и т.п.) заметны одновременно и влияние романтизма ("не отдаваться миру" - это типичный романтизм), и переключка с религиозным осуждением суеты. Поскольку в понятие подлинного (по языковому определению понятия) заложена ценностная оценка, можно сказать, что Хайдеггер стоит на романтически-религиозной почве, но поскольку по ходу дела обосновывается, почему подлинно именно это – можно назвать проект Хайдеггера в том числе и доказательством определенной этической программы.

Впрочем, пафос подлинного значительно больше был замечен у раннего Хайдеггера, позже он от него отказался (не исключено, что вследствие травматического результата попытки 1933 года провести нечто подлинное в реальную жизнь).

В своем постижении природы человеческого бытия-в-мире Хайдеггер, судя по всему, очень глубок. Он всю силу своей философской мысли положил на то чтобы уйти от устойчивости, фактичности, фальши, подмены подлинного убедительным, истины - видимостью и стереотипным мнением о ней (вообще говоря, пафос этого весьма научный и вполне укладывающийся в парадигму Нового времени: борьба Хайдеггера с языковыми искажениями напоминает борьбу Фр.Бэкона с идолом рынка). Отказаться ему пришлось очень от многого! Вместо этого он оказывается в мире мучительного мышления о практически немислимом. После него это стало потенциальным достоянием мысли всех. Хайдеггер безмерно обогатил философию. Но в той области, которой посвящена моя работа, это влияние сказалось не прямо. Идеи Хайдеггера (мыслить бытие в его "как"...) применили его ученики, в первую очередь Бинсвангер.

2. Бинсвангер

Бинсвангер начинал как психоаналитик, работал у Блейлера в Бургхельцли, но со временем претерпел эволюцию "от Фрейда к Хайдеггеру"⁵⁹. Бинсвангер считал, что он полемизирует с Фрейдом, обращая внимание на экзистенциальную первичность религиозного и этического "измерений" Dasein, на то, что этическая сторона Dasein может являться основанием экзистенциального конфликта, но не его порождением. На самом деле он полемизировал со всей естественнонаучной традицией. Он просто предпочел психологическое объяснение ("изнутри") естественнонаучному ("извне"); разумеется, при переходе на внутреннюю сторону приходится сталкиваться с неотъемлемой для душевной жизни областью смыслов, выбора, действия, свободы и т.п. Собственно, с этим связана вышеупомянутая эволюция от Фрейда к Хайдеггеру.

Получив от Хайдеггера импульс к анализу бытия в его "как", Бинсвангер применил его к психозам. Подход оказался теоретически плодотворным. Как физиология и система Фрейда, Dasein-анализ релевантен в случае любого человека (в том числе и поэтому важно, что у Хайдеггера в системе отсутствует внешняя этика. В этом смысле система Хайдеггера "научна"). Как и в случае с физиологией, если между тем, кто болен, и тем, кто здоров, обнаруживаются различия, то в общем случае это не значит, что найдена причина болезни, но в ее поисках различия целесообразно исследовать. В данном случае различия между больными и здоровыми обнаруживаются быстро. Возьмем "проект" мира. Само понятие "проекта" Бинсвангер заимствует у Хайдеггера (у которого Dasein существовало не иначе, как проектируя, намереваясь, делая "наброски"⁶⁰). Итак, человек не продукт, а творец своего мира: он его "проектирует". На философском языке это подразумевает идею "Я конституирует свой мир" (Нидлмен) [Нидлман, 1999, с. 24]. Для психиатрии это означает, что болезнь заключается в том, что личность "проектирует" ущербно. В случае больных Бинсвангера их ущербные проекты часто кончались очень трагически. Но даже в самых трагических случаях, как "Лола Фосс" [Бинсвангер, 1999, с. 230], очевидных для физиологической психиатрии, Бинсвангер не пишет об эндогенном процессе, предпочитая все трудности

⁵⁹ [Руткевич, "1985]. Руткевич очень подробно анализирует и идеи, и эволюцию Бинсвангера.

объяснять из ущербного проекта мира [Нидлмэн, указ.соч., с.64].

Схема психоза в терминах ЭФП по Бинсвангеру выглядит примерно так. Прежде всего, постулируется экзистенциальный страх. Причина его в том, что человек конечен, что его бытию противостоит небытие, Я "заброшено" в ситуацию и никогда не может овладеть ей до конца и т.п. Подлинное отношение к экзистенциальному страху - осознание его, принятие его и противостояние ему, "мужество быть", выражаясь словами поздних экзистенциалистов (Тиллих). Однако мужества может и не быть. Тот, кто осмеливается жить мужественно (что означает, всегда испытывать экзистенциальный страх), не станет сумасшедшим. Остальные по-разному избегают подлинности. Есть способ обманывать себя, не спрашивать себя о смерти и быть вполне нормальным. Хайдеггер называет это *das Man*, Бинсвангер на этом не сосредоточивается. При каких-то (не совсем ясных) условиях человек избегает экзистенциального страха не способом забвения, а способом помещения во внешний мир его предполагаемых источников. Бинсвангер называет это "обмирщение *Dasein*". Большое желание больных поверить в существование внешней угрозы порождается тем, что от внешней угрозы в принципе можно избавиться. Именно в этом их ошибка⁶¹.

Важно, конечно, не только проект. Бывает, болезнь заключается в искажении представления о себе (такое искажение лежит, например, в основе истерии). Словом, экзистенциальный конфликт – это неиспользование всех возможностей и в высшей степени разных проектов, заложенных в человеческом существовании. (Остается, между прочим, каузальный вопрос: почему, собственно, проект у некоторых бывает так плох? И не эндогенное ли это? Бинсвангер на этот вопрос отвечать, как кажется, не склонен).

Итак, Хайдеггер дал в руки психиатрам инструмент анализа *Dasein*, и почти сразу выяснилось, что бытие больного не такое, как у здоровых. Взяв от экзистенциали-

⁶⁰ Автор благодарит за очень полезное прояснение этого вопроса М.Позднякова. Насколько я знаю, работа Позднякова не опубликована.

⁶¹ Там же. Бросается в глаза, насколько совпадает эта схема с психоаналитической концепцией шизофрении как "регрессии к расщеплению и проекции". Они различаются только одним пунктом: психоанализ не считает страх имманентно присущим человеческой природе, поэтому ищет его причины (вытеснение или органические) и пытается работать на избавление от него.

стов пафос подлинности, Бинсвангер трактовал психозы как ее утрату⁶². Бинсвангер заимствует систему Хайдеггера не полностью; он делает попытку "творчески переработать" ее, добавив понятие "любви" как особого модуса "бытия-с-другими", "бытия-над-миром". Он анализировал ситуацию, в которой находится Dasein в плане коммуникации, выделил, в связи с этим, четыре модуса бытия-в-мире: модус бытия одинокого человека, двоих людей, многих людей, анонимный модус. Ниже это будет важно для выделения этической программы. Кроме того, Бинсвангер не отказывался от религиозной идеи, даже когда это приводило к несогласию с Фрейдом в то время, когда Фрейд был для него авторитетен [Бинсвангер, 1999, с.163]. Кажется, что если бы он обсуждал это с Хайдеггером, это привело бы его к несогласию и с ним. Представляется, что отсутствие религиозного измерения - очень важная, сущностная черта экзистенциализма Хайдеггера; как кажется, отказ от фантазии о Боге - это для Хайдеггера способ мыслить героически, подлинно⁶³.

В области терапии Бинсвангер во многом опирается на психоанализ. Этот ход требует дополнительных обоснований, поскольку далеко не все методические послышки психоанализа принимаются. Например, Бинсвангер (вслед за Сартром?) не считает активно действующим началом вытесненное либидо. У Бинсвангера вообще нет такого понятия, как вытеснение, есть только более или менее широкие проекты Dasein - при более широких диапазон воспринимаемого шире, а область невоспринимаемого меньше, но в любом случае это не вытесненное, а не вошедшее в проект. То, что он пользовался психоанализом, был вынужденный ход, потому что ЭФП не предлагает техники лечения⁶⁴. По всему смыслу экзистенциализма подлинному бытию практически нельзя научить, тем более когда - как у больных - вероятнее всего, мешают эндогенные процессы и положение усугублено отсутствием необходимых сил и мужества.

⁶² Я пишу это с намерением подчеркнуть, что от Бинсвангера трудно перейти к последующему антипсихиатрическому пафосу "подлинное бытие у шизофреников". Правда, это не значит, что подобного совсем не было у Хайдеггера. Он, как мне кажется, мог бы счесть аутистов героически противостоящими миру.

⁶³ В связи с этим М.Рыклин проводит контрастное сопоставление между Хайдеггером и Ясперсом, подводя к идее, что у Ясперса его религиозность - признак слабости [Рыклин, 2001]. Последний вывод не обязателен. Мне кажется, что обе возможности, и религиозная, и имманентистская, могут быть подлинными; я полагаю, с этим согласились бы и те, кто мыслит в русле неокантианства, но углубляться в эту проблему здесь нет возможности.

⁶⁴ А.Оуэн пишет, что практически то же самое характерно для многих представителей ЭФП, например, М.Босса. [Owen, 1994, p347].

Общая атмосфера всех рассматриваемых проблемных движений мысли в психиатрии вообще ставит под вопрос идею лечения (см. ниже о культурном проекте психиатрии).

3. Сравнение программ Ясперса и Хайдеггера/Бинсвангера (этика)

Есть внешние по отношению к философии установки, типа господства идеологии над бесстрастным рассуждением. Таковы ценности и этические задачи. Хайдеггер и Ясперс в своем отношении к этике антиподы. У Ясперса этическая программа кажется, по сравнению с кантианской основой, предзаданной, так же как предзаданным кажется выбор в пользу веры. Бросается в глаза, насколько много для Ясперса, по сравнению с Хайдеггером, значит коммуникация и как в его системе необходима для коммуникации любовь (получается, что любовь необходима для самой экзистенции, поскольку подлинный модус экзистенции - экзистенциальная коммуникация). Вообще говоря, в этическом смысле Ясперс в несколько сложном положении, потому что он принимает одновременно как идею подлинности/неподлинности (он проводит ее так же, как и Хайдеггер, через ее собственную внутреннюю логику⁶⁵), так и более общепринятую мораль сострадательной любви; вторую он не обосновывает никак, правильность ее ему просто очевидна. Идея любви несколько противоречит этике подлинности ("жить в надежде, что, отдавая себя, я буду сторицей дарован себе снова")⁶⁶, так что эти две этические системы у него местами наслаиваются друг на друга.

Хайдеггер от идеологии на первый взгляд свободнее. Впрочем, возможно, это потому, что идеология не объявляется открыто. Здесь напрашивается сравнение. Ясперс очень хорошо знает, куда хочет прийти, иногда настолько, что путь его в некоторых случаях не обоснован доказательно (как в только что описанном примере с любовью); Хайдеггер же почти целиком занят техникой пути, не формулируя отдаленные цели. Во многих случаях кажется, что его цель – только истина, и потому это, фактически, чисто "научная" философия. Такая программа, очевидно, очень странна в рамках экзистенциализма. На что опереться? Как узнать, к чему стремиться? Чтобы двигаться, нужна хотя бы какая-то цель. Чтобы достигать истины, о ней надо иметь

⁶⁵ См., напр., интерпретацию Больнова, [Больнов, 1999, с.52].

⁶⁶ "Введение в философию", с.126. Что идея любви противоречит идее подлинности, видно уже на словах: подлинность велит не отдаваться, а любовь - отдаваться, и остается только надеяться, что "я буду дарован себе снова" (это, впрочем, у Ясперса почти гарантировано, ибо зависит не от произвола предмета любви, а от одобрения трансценденции).

хотя бы предварительное представление.

Попытаюсь объяснить примером. Фраза "язык дом бытия" кажется программной, к тому же и помимо нее известно, как пристально исследовал Хайдеггер язык. Исследование языка средствами самого языка, не имея цели, положенной в какой-то трансцендентной для языка точке, напоминает долгое ощупывание стен дома изнутри и вслепую, без даже отдаленного намерения выйти. Дом, из которого никогда не выходят – это не дом, понятие дома тогда теряет всякий смысл. "Домом" такого рода является, например, кожа, которую уже нельзя исследовать изнутри. Вообще крайне сложно исследовать что-либо, не выходя за пределы этого, и, кроме того, не совсем ясно, зачем. Поэтому едва ли можно заподозрить, что Хайдеггер не выходит за пределы языка. И выходит, и желает выйти (предположительно, к созерцанию вещей)⁶⁷. Но он ясно не формулирует эту цель! Куда он идет в пределе, чего хочет в самом конце пути? Ясперс, если бы хотел того же, написал бы длинную книгу о конечной - самой трансцендентной, насколько он ее видит - точке, о том, как он мыслит самое предельное избавление от языка, зачем оно ему нужно, и кто еще из великих философов, начиная с Будды, хотел того же, что он. Хайдеггер не полагает отдаленную цель. Складывается впечатление, что процесс его так занимает, что он полностью поглощен промежуточными результатами и разработкой тактики. Впрочем, как считает Нидлмен, у Хайдеггера Я (=Dasein) конституирует мир; возможно ли в такой системе помыслить внешним образом заданную цель? Существуют ли в такой системе мыслимые точки "вне"? По всей видимости, существуют: в культуре. Именно она, а не мир, существует "вне" и "помимо". Но всем ходом экзистенциальной мысли сомнительно, чтобы нечто, что и так приходит, могло быть целью, к которой имеет смысл стремиться. Скорее это вносит искажения, и от этого следует всеми силами бежать [Мотрошилова. 1991. С.44]. Отдаленной цели во всей философии Хайдеггера так не хватает, что, бывает, другие авторы додумывают эту цель за него и даже представляют дело так, что Хайдеггер намеренно скрывал, что имеет в виду [Уэйт, 1991, с.188].

Психиатрическая мысль пошла не за Хайдеггером. От Хайдеггера отличается уже Бинсвангер, а Лэйнг потом еще значительно. Бросается в глаза, что Бинсвангер пишет о любви, как и Ясперс, и примерно в те же годы. Он точно так же видит свою разницу с Хайдеггером в своем подчеркивании необходимости любви как "задачи" Dasein. Сложно представить себе у Хайдеггера любовь как задачу. (Я не думаю, что здесь Бинсвангер следовал за Ясперсом, скорее, вероятно, думал параллельно). Бинсвангер планировал некоторую "творческую переработку" аналитики Хайдеггера, но такая творческая переработка, кажется, противоречит Хайдеггеру в самой основе.

Вообще говоря, экзистенциалисты делились на тех, кто мыслил целиком через

имманентное и тех, кто предположительно полагал трансцендентность (иначе это называется атеистический и религиозный экзистенциализм, см. статью П.Гайдено "Экзистенциализм" в философском словаре). К первым (не считая Сартра и Камю) относился Хайдеггер, ко вторым, помимо Ясперса, и Бинсвангер, и Лэйнг. Объяснительная и описательная сила хайдеггеровского анализа гораздо больше. Вообще, как любая по сути своей безрелигиозная схема, он перспективнее, богаче возможностями, если можно так выразиться, научнее. Что хотел сделать Бинсвангер, это пользоваться этой научной силой, но как цель реставрировать религиозно окрашенную идею. (К тому же самому еще в большей степени стремился потом Лэйнг, который, будучи охвачен искренним религиозным чувством, безоглядно смешивал: мистические рассуждения, почерпнутые из всех источников подряд, социальную мысль Франкфуртской школы и Сартра, социкибернетику Бэйтсона, данные эмбриологии и т.п.⁶⁸) Как любая наука на службе религии, проект рискует быть внутренне противоречивым. Имманентистский (по духу, кажется, очень близкий Ницше) проект самого Хайдеггера непротиворечив. Но для обычной жизни он - как и проект Ницше - практически непреносим и уж точно бесполезен в терапевтическом смысле.

4. Влияние на Лэйнга

Итак, несмотря на всю теоретическую важность анализа психоза как неподлинного обмирщения *Dasein*, кажется, из двух вариантов экзистенциализма, Ясперса и Хайдеггера/Бинсвангера, на Лэйнга большее влияние оказал первый. Этот экзистенциализм по природе религиозен. Ясперс в некоторых местах почти прямым текстом формулировал ценность психоза, чего не делали ни Хайдеггер, ни Бинсвангер. Мало общего имеют системы Хайдеггера и Лэйнга и в смысле этики, и в смысле техники. Лэйнг, как Ясперс и в отличие от Хайдеггера, не склонен философствовать просто так, "стоя в просвете бытия". Пример. Характерные для Ясперса рассуждения в духе генетического понимания (я был в юности болен -> вследствие страдания я стал философом) с точки зрения Хайдеггера, вероятно, выглядели бы недостойно, как "отпа-

⁶⁷ Подобные же соображения заставляют заподозрить даже то, что сам его имманентизм не до конца искренен. Грубо говоря, о том, что существует упомянутое "созерцание", он должен был каким-то образом "знать" заранее. В связи с этим часто возникает тема влияния на его философию восточного мистицизма.

⁶⁸ В особенности это заметно в "Фактах жизни". [Laing, 1977].

дение в фактичность". Кажется, он не считал бы, что психоз может быть ответом на страдание; также он не считал бы, что страдание приводит к философствованию. Лэйнг же осмысливает шизофрению через страдание, а пользуется при этом типичным генетическим пониманием: больная не выдержала репрессирования в семье -> она ушла в психоз и т.п. (По Ясперсу, это "непонятный" ход, но Лэйнгу помогли посторонние теории, например, теория М.Кляйн о "регрессии к расщеплению и проекции", а также работы Г.Бэйтсона.) Сама идея понимания могла прийти к Лэйнгу через Бинсвангера, который ввел генетическое понимание в свой вариант Dasein-аналитики, или через таких экзистенциальных аналитиков, как Ролло Мэй, которые с философским существом понимания были знакомы относительно поверхностно, но на практике каждый раз находили его сами и описывали как собственный опыт [Мэй, 1999, с. 51]. Кажется, вследствие исключительной способности Лэйнга к эмпатии, о которой пишут те, кто с ним общался [Капра, 1996], он тоже нашел бы эту идею сам. Если кратко привлечь сюда общее заключение настоящей работы, то идею понимания психоза сделала насущной сама культура.

Я представила дело так, что подход Лэйнга, по существу, дублирует подход Ясперса и отличается от него главным образом в тех случаях, когда Лэйнг идет дальше. Смущает, что Лэйнг на Ясперса почти не ссылается. Он лишь иногда упоминает ОП в связи с незначительными вещами⁶⁹. Конечно, тонких и далеко идущих выводов из такого труда, как ОП, он вполне мог не сделать, потому что философские послышки довольно трудно вычленишь там на тысяче страниц текста среди огромного количества фактического материала (который, конечно, прежде всего привлекает к себе внимание психиатра). Я вынуждена предположить, что Лэйнг сам не понимал, где истоки его мысли. Идеи Ясперса Лэйнг мог получить из знакомства с Бинсвангером. Кроме того, если в начале века их можно было назвать открытием, то к 60-м годам они уже

⁶⁹ Характерно также, что у него встречаются недобрительные отзывы об отношении Ясперса к бредовым больным, которых, по мнению Лэйнга, Ясперс не понимал. Например, Лэйнг пишет в "Политике переживания": "Ясперс все еще говорит о (бредовом) переживании как о болезненном и стремится принизить собственные построения пациента. Однако и переживание, и построения могут быть обоснованы с их собственной точки зрения" (Политика переживания, с. 313). Насчет того, что Ясперс не понимал бредовых больных, Лэйнг, конечно, прав. Что же касается "обоснования с собственной точки зрения", то терпимость в области точки зрения есть именно та черта, которая напрямую зависит от культуры.

господствовали в атмосфере⁷⁰.

Отчасти в воздухе, конечно, носились и идеи антипсихиатрии, но здесь у Лэйнга приоритет. Насколько решающий вклад внес "воздух", то есть бунтарская атмосфера 60-х, и насколько идеи были внутренне логично заложены в теории? Также можно переформулировать вопрос еще конкретнее: можно ли из экзистенциально-феноменологического подхода Ясперса вывести идеи антипсихиатрии Лэйнга?

Еще раз кратко идеи антипсихиатрии:

1. Ценность психоза с точки зрения трансцендентного;
2. Отсутствие эндогенного процесса;
3. Болезнь как переход в новое состояние.

Относительно второго пункта мнение Ясперса можно реконструировать: оно было бы отрицательное. Он считал, что психоз непонятен как раз потому, что вмешивается нечто эндогенное или природное; то и другое как процесс, имеющий причину. Первое он говорил сам⁷¹. С третьим, кажется, в принципе мог бы согласиться, не столько как психиатр, сколько как экзистенциалист. Болезнь надо только назвать пограничной ситуацией, и она прекрасно впишется в систему ценностей экзистенциализма.

⁷⁰ Один из исследователей ЭФП [Stierlin, 1963] также обсуждает вопрос, почему не Ясперс, а Хайдеггер оказывал большее влияние на ЭФП. Он приводит две причины: во-первых, Ясперс считал, что психоз принципиально непонятен, а это не удовлетворяло психиатров, желавших именно понять психотическое бытие-в-мире (хотя и они, как он показывает, заканчивают тем, что это невозможно); во-вторых, Ясперс, осмысляя собственный путь, выступает практически вообще против психиатрии как науки, в том числе против ее системы ценностей; Хайдеггер, поскольку не имел такого опыта, ничего не имел и против психиатрии; основные психиатры ЭФП - Бинсвангер и Босс - не желают отказываться от психиатрии, а только желают видоизменить ее методы. Фактически Штирлин говорит, что Хайдеггер больше подходит психиатрии, поскольку меньше о ней знает. Но вообще-то Хайдеггер почти везде оказывал большее влияние, чем Ясперс, независимо от того, что именно оба говорили. Мне кажется, что тут очень важную роль играют особенности стиля.

⁷¹ Поскольку Ясперс в период написания ОП был психиатр, и ОП - это учебник, написанный для психиатров, он решает вопрос о том, говорят психически больные ценные вещи, или нет, просто: эмпирически. Среди них есть гении. Именно этим он занят, когда пишет произведение типа "Стриндберг и Ван Гог". Но как он решает, что ценно и что нет? Это система ценностей экзистенциализма, по-видимому, близкая к романтизму: подлинное/неподлинное, решимость/отданность, полезность страдания и крушения для выхода к трансценденции... (Остается вопрос: что заставляет считать, например, что решимость подлинна, а отданность неподлинна? Что заставляет считать, что подлинное хорошо? Что заставляет вообще иметь систему ценностей? Ясперс его решает просто: ничего не заставляет. Ценность - вопрос веры. Однако в других местах он пишет в таком духе, что ценность, как и вера, дана изначально, то есть что безусловное требование не только существует, но и более или менее известно, в чем именно оно заключается. Впрочем, это сложная тема, писать о которой сейчас нет возможности.)

Из анализа психиатрии Ясперса следует, что внесение философии (вместе с чем и ума, и рефлексии, и проблематизации ценностей) в психиатрию ведет практически к краху последней. Ее продолжать можно только закрывая глаза на философскую логику. Ясперс - иллюстрация того, что психиатр-философ, даже если он верит в общую идею психиатрии - лечение, - и придерживается вполне общепринятой системы ценностей⁷² - противоречит психиатрии как культурному проекту, вероятно, потому что философия рефлексиирует культуру и всегда ставит ее под сомнение.

Впрочем, Ясперс в некотором роде историческая случайность. Случайно, например, что это был не обычный естественнонаучно ориентированный ученый. Что было бы, если бы на его месте был кто-то другой? Например, феноменологический подход разрабатывал бы некто, не склонный к экзистенциализму (то есть описывал бы переживания психически больных, что можно понять - понимал бы, но не находил бы в этом никакой ценности)? Психиатрия все равно развивалась бы в направлении идеи о пользе сходить с ума?

5. Наука и культура

Психиатрия, как и некоторые другие науки, состоит из двух параллельных проектов: научного и культурного; первый из них разворачивается на основе истины, второй – на основе ценности. Что касается психиатрии как целого, временами она между ними рвется. Например, по-разному порождается идея нормы. Культурная норма противостоит маргинальности, и это одно, а противостояние здоровья и болезни – это другое. Если культурная норма известна интуитивно, то вторая (норма здоровья) определена с большим трудом. В основном лечат тех, кто обращается за помощью. Наука всегда сопротивляется релятивизации, даже в мире постмодерна, поэтому разрабатываются критерии. Что надо, чтобы счесть больного шизофреником? (Ответу на этот вопрос посвящено значительно количество продуктов деятельности ВОЗ). Количественный это вопрос или качественный? За ответом и в наше время еще обращаются то к Ясперсу, то к М.Веберу⁷³.

⁷² Вот, например, как он мыслит противостоять соблазну слишком сильного увлечения шизофренией: "Мы узнали на опыте, что этим соблазнам ... противостоят, в качестве основополагающих черт нашего этоса основательность, рассудительность в духе истины, добросовестность, подлинность, правдивость..." [Ясперс, 1999, с. 236].

⁷³ См. об этом в работах Виггинса и Шварца, [Schwartz, Wiggins, 1989].

Итак, нельзя поручиться, что из ЭФП Ясперса с необходимостью вытекает антипсихиатрия Лэйнга. Задним числом связь между ними очевидна, но, возможно, в другом культурном контексте все развивалось бы иначе. По сравнению с Ясперсом Лэйнг - политический экстремист. Культурное явление всегда уже философской мысли (или, может быть, лучше сказать, что оно более плоско, чем философская мысль, более фактично; привлекая сюда аналогию с мат.анализом, от него взято и оно содержит в себе меньше производных). Потому и психиатрия как наука - не то же самое, что психиатрия как культурное явление. Как наука психиатрия не отрицает антипсихиатрию, и антипсихиатрия тоже отрицает психиатрию не как науку, а как культурное явление. Во всяком случае, философская мысль ЭФП содержит антипсихиатрию в качестве одной из возможностей.

II. Психоаналитические истоки теории шизофрении

Лэйнга

Теория шизофрении Лэйнга исключительно интересна. Это первая попытка прояснить постижимые переходы между всеми градациями от здорового сознания до хронического психоза. Сама лестница градаций выглядит примерно так:

1. Здоровый человек, ощущающий свое бытие как, некоторым образом, собственное достояние в своем праве
- 2⁷⁴. (Человек с ослабленным ощущением своего бытия)
3. Онтологически неуверенный человек
4. Человек, которого в определенной системе терминов назвали бы шизоидом: тот, кто бежит от тяжелого состояния онтологической неуверенности в частичное расщепление между сознанием и телом (поведением⁷⁵)
5. (онтологическая неуверенность достигает состояния онтологического бессилия; это приводит к капитуляции перед "другими". Остается выход сделать эту капитуляцию частичной)
6. Шизофреническое состояние: избегание ужаса онтологического бессилия путем расщепления истинного Я и ложного Я
7. Тяжелое шизофреническое состояние: избегание сознания полной капитуляции путем расщепления на разные подсистемы Я с выделением внутреннего образа мучителя и т.п.

Если проанализировать эту схему, видно, что две основные составляющие механизма шизофрении по Лэйнгу: 1) онтологическая неуверенность, которая вызывает страдание, 2) расщепление, благодаря которому ощущение страдания утрачивается.

Онтологическая неуверенность - открытие Лэйнга, хотя подобные мысли были у его учителя Винникотта (см.ниже). Что касается механизма расщепления, эту идею Лэйнг взял у психоаналитиков. Не принадлежит Лэйнгу также мысль, что расщеплением можно избежать страдания: она традиционна для школы Кляйн. Оригинальность самого Лэйнга состоит только в том, что он указал, что расщеплением можно

⁷⁴ Пункты в скобках мной домыслены.

избежать именно того страдания, которое вызывается онтологической неуверенностью. Чтобы сделать это понятным, ниже следует попытка восстановить развитие психоаналитической школы Кляйн.

Английская психоаналитическая традиция

Оригинальная английская психоаналитическая мысль заслуживает внимания и представляет интерес для философии сама по себе. Начало этой оригинальности положила Мелани Кляйн.

Ниже, в течение всего рассказа о психоанализе, даже когда речь о идеях, будут важны ссылки на автора. А. Руткевич, возможно, счел бы, что это характеризует психоанализ как догматическое направление, но мне кажется, это не совсем так. То же свойственно передаче философских идей, которую дополняют рассказом об авторе принято; что же касается, например, анализа художественных произведений, то это оказывается по-своему неизбежно. По этому признаку психоанализ сближается с философией, а философия - с искусством. Однако ни у философии, ни тем более у психоанализа (а по-моему, и у искусства) нельзя отнять по крайней мере некоторого соотношения с общезначимым.

Мелани Кляйн (1882 - 1960)

У нее не было медицинского образования, хотя она о нем мечтала. Встретилась с психоанализом она в 1910 в Будапеште, ей помогли Шандор Ференци и Карл Абрахам, оба соратники Фрейда. Она сумела сделаться практикующим психоаналитиком. В этом сыграло свою роль то, что Фрейд твердо придерживался мнения, что для того, чтобы практиковать психоанализ, иметь медицинское образование не обязательно.

Поскольку она была матерью троих детей, она, вооруженная теорией, приступила к изучению их развития. За своими детьми наблюдал и Фрейд. Положение матери выгоднее положения отца: она может наблюдать ребенка с ближайшего расстояния. Ференци и Абрахам разделяли ее энтузиазм. В 1919 году вышли ее первые работы, в которых она описывала развитие сына и беседы с ним. Впоследствии ее часто упрекали за отсутствие настоящего медицинского образования, но начало серьезному психоанализу детей положила она.

Не остановившись на наблюдении, она затем положила начало и психоаналитической терапии детей, тоже начав в этом с сына. В ее подходе были некоторые осо-

⁷⁵ Сам Лэйнг пишет о "теле", но имеет в виду не физическое тело. То комплексное нечто, что он имеет в виду, мне кажется, в современной науке называют именно словом "поведение".

бенности, которые не всеми коллегами разделялись единодушно: например, она объясняла трехлетнему ребенку, что такое комплекс Эдипа, то есть рассказывала ему о его влечении к ней самой. Впоследствии психоаналитическая теория пришла к тому, что родители не должны анализировать своих детей, но тогда это не было ясно. Параллельно с Кляйн психоаналитической работой с детьми занялась дочь Фрейда Анна Фрейд. Между двумя специалистками много лет шла ожесточенная научная дискуссия.

Переехав в Лондон в 1926 г., Кляйн продолжала разрабатывать свою теорию и одновременно с этим создавала школу; можно сказать, это ей удалось. Психоанализ в Англии, конечно, существовал и до Кляйн. Как и в других странах, в Англии было свое психоаналитическое общество. Во главе его стоял Эрнст Джонс. Это был серьезный ученый, не отклонявшийся от классического фрейдизма; поверхностные психоаналитики склонны сводить его авторитет к тому, что он автор классической биографии Фрейда, но на мой взгляд, он достоин признания в рамках общей истории человеческой мысли за то, что он автор понятия "рационализация" (см. ниже).

Так или иначе, до Кляйн психоанализ в Англии развивался спокойно и почти незаметно (то есть неотличимо от континентального), хотя можно сделать наблюдение, что уже тогда в нем преобладал интерес скорее к когнитивной, чем к эмоциональной стороне бессознательного. Почти сразу после приезда Кляйн в Лондон ее влияние в местном обществе сделалось доминирующим, как благодаря силе ее личности, так и из-за самобытности ее работы. У нее сразу появились последователи, оппозиционеры, развернулась борьба партий, зародились независимые мыслители и так далее. Как пишет историк психоанализа К.Дэйр [Дэйр, 1999], в этой ситуации все силы основателя общества Джонса уходили на то, чтобы сгладить остроту конфликтов и не довести до окончательно разрыва с Веной и Фрейдом.

Кляйн действительно оригинальна (отчасти этому способствовало то, что она была и не профессиональный медик, и как психоаналитик энтузиастка⁷⁶). Изучение ею детей постепенно простиралось всю дальше вглубь младенчества, и ее теория становилась все более спорной.

В некотором смысле эта теория - образец дискурса: она находится в соответствии с внутренней

логикой (предзаданной) теории, невзирая на то, каких это противоречий требует от нее со здравым смыслом. С другой стороны, хотя это и дискурс, он был не совершенно бесплоден. Дальнейшее развитие теории Кляйн Винникоттом, Байеном и Лэйнгом показало, что на этом пути могут быть сделаны открытия, имеющие отношение к реальности.

Кляйн нашла чувства благодарности и зависти примерно у трехмесячных, а признаки Эго и Супер-Эго – начиная с нескольких недель. У нее были собственные находки, например, концепция "проективной идентификации", описание символических элементов фантазий и т.п. В данном случае это не имеет отношения к делу. Важнее оказалась теория, которую не она сама открыла, но она более всех других разработала. Это теория внутренних парциальных объектов (часть теории объектных отношений).

Однако сначала несколько слов о категориях, бытующих в мире психоанализа.

Проекция

Проекция происходит естественным образом. Этот знаменитый психологический процесс был открыт еще ранним психоанализом (Фрейдом), но Фрейд свою находку не разработал. Он понимал одно и то же слово в нескольких разных значениях, например, называл проекцией склонность приписывать другим собственные побуждения. Для теории объектных отношений важнее другой смысл этого слова: человек подбирает *внешние причины внутренним переживаниям*. Эти причины, как правило, выступают в виде одушевленных объектов (иногда может происходить одушевление неодушевленного, но чаще вдумывание этих причин в людей). Особенно склонны к проекции дети, которые, например, "одушевляют" и наказывают предметы, о которые они ударились. У взрослого человека проекции легко наблюдать, например, в случае дурного настроения: ему кажется, что все вокруг плохо, то есть он приписывает тому, что вовне, свойства того, что внутри.

Философский смысл проекции - сопоставление причин следствиям. О подобном как о типическом свойстве мышления Нового времени писал Хайдеггер в "Положении об основании". Психоанализ, в отличие от Хайдеггера, постулирует существование этого во все времена. Само вычленение подобного явления согласно с ходом

⁷⁶ Впрочем, все наиболее значимые фигуры раннего психоанализа - энтузиасты, поскольку в то время не существовало обучающих психоанализу институций.

мысли Нового времени и основывается на разделении феноменального и ноуменального мира. Что происходит в ноуменальном мире, неизвестно, но имеются состояния внутреннего мира, о которых известно; мы автоматически предполагаем, что наши состояния - результат воздействий, а воздействия на наш внутренний мир являются следствиями событий, происходящих во внешнем мире (нужно уточнить, что к внешнему миру относятся в том числе и тело, и иногда некоторые явления психического мира и т.п.). Важно то, что в сущности нам известны только эти следствия, о причинах мы можем лишь предполагать. Иногда связь известна из хорошо подтвержденного повторением опыта, например: если горячо, значит, имеет место контакт с источником жара. Иногда связь более проблематична, например: если грустно, значит, произошло что-то плохое, если страшно, значит, что-то должно произойти. Именно предположительные связи - источник ошибок при проекции. Однако причиной страха могут быть чисто внутренние явления. Например, так происходит при паранойе; проецируя страх вовне, параноик предполагает, что ему страшно, потому что его преследуют⁷⁷.

Механизм проекции архаичен. Именно с него все начинают. Кляйн об этом написала впервые, и похоже, это совершенно верно: человек устроен именно так. Надо много понять, чтобы верно отдавать себе отчет, насколько внутренне и субъективно на самом деле многое, что кажется внешним. (Например, проекция защищает от неприятного понимания, что во многом плохом никто не виноват и, поэтому, его нельзя исправить борьбой с внешним врагом, но лишь изменением себя. Это требует остановки направленной вовне агрессии, которая является естественной разрядкой внутреннего конфликта. Другой пример: приписывание несуществующих достоинств людям, которые нравятся⁷⁸.) В то же время по возможности полно уничтожить проекцию настолько важно для того, чтобы адекватно познавать мир, что воодушевляет подлинно философским пафосом. Проекция очень напоминает по духу идолов Ф.Бэкона, не говоря уже о критической философии Юма и Канта.

⁷⁷ В.Руднев предлагает различать проекцию и экстраекцию [Руднев, 2001], это различие вызывает очень много вопросов и, на мой взгляд, преждевременно. Мне показалось, Руднев берет понятие проекции только в узком значении слова. Если понимать проекцию, как я сформулировала, широко, то экстраекция будет ее частным случаем.

Интроекция

Автор этого понятия - Ференци; он имел в виду нечто противоположное проекции: невротический процесс "присвоения себе" происходящего во внешнем мире. Невротик, например, может считать неудачу внешнего дела собственным горем. Для "континентального" психоанализа это понятие большого значения не имело; его иногда употребляли для того чтобы описать явления при истерии. Впоследствии, после работ Юнга 1925 года, многое из того, что входило в понятие интроекции по Ференци, вошло в понятие экстраверсии по Юнгу, поэтому об интроекции говорить почти перестали⁷⁹. У неофрейдистов для подобного явления существовало столько же терминов, сколько теорий. Однако Кляйн сохранила интроекцию в смысле Ференци и как идею, и как слово, и включила в дальнейшем в свою концепцию.

Позже на проекции основывается более сложная **рационализация** (термин введен в 1908 Э.Джонсом), которая заключается в том, что человек приписывает всем своим действиям (мыслям, словам, чувствам) разумные и, главное, известные ему самому причины, в то время как причин многого, происходящего с собой, он может не знать. Рационализацию наблюдать сложнее, потому что в рационализирующие объяснения окружающие могут верить. Рационализация убедительно демонстрирует, насколько непереносима для человека мысль, что он не знает причин своих действий (потому что, следовательно, не управляет ими? Потому что боится вскрытия истинных бессознательных по-

⁷⁸ Точнее, это является проекцией до тех пор, пока происходит бессознательно: тогда человек естественно думает, что его интерес вызван свойствами объекта, и ожидает в нем их встретить. Если человек переходит к вербальному обоснованию своего предпочтения, это рационализация.

⁷⁹ Понятие истерия в раннем психоанализе употреблялось очень часто. Следуя Ференци, который понимал его в широком смысле, его можно сформулировать так: прежде всего это расчет поведения на одобрение окружающих (в таком виде истерия сближается к бихевиористским пониманием поведения как преследования положительного подкрепления); затем - переживание эмоциональных состояний, полностью продиктованных раскладом внешнего мира; построение поведения с полным полаганием цели во внешнем мире и, соответственно, отсутствие рефлексии; а также, если можно так выразиться, произведение на самого себя впечатлений, производимых на внешний мир; короче говоря, истерический характер - это предельная зависимость от внешнего мира. Сейчас можно было бы назвать то же самое экстравертированной установкой, но это понятие Юнг ввел позже. Возможно, очень широкое употребление термина "истерия" в начале века связано с тем, что существовала потребность описывать экстраверсию, но пока не существовало этого слова, ее описывали под другими названиями. Юнг сам провел связь между истерией и экстраверсией: он пишет в книге "Психологические типы", что истерия - это обычное осложнение доведенной до предела экстравертированной установки. Впоследствии об истерии стали говорить гораздо меньше и стали использовать термин только в узком клиническом значении. Сейчас иногда можно встретить термин истерическая психопатия (акцентуация), когда речь идет о людях, склонных постоянно производить впечатление на окружающих. См. об этом также: [Micale, 1993].

буждений?)⁸⁰ Примеры рационализации бесчисленны. Например, спор о вкусах является теоретическим обоснованием точки зрения, на самом деле являющейся эмоциональной.

К понятию проекции примыкает то, что на русский язык стало переводиться термином "**катексис**" (у термина сложная история; использованное Фрейдом в этом месте немецкое слово *Besetzung* значило занятие территории). Имеется в виду, что сам процесс восприятия (особенно у младенца) состоит в том, что в объект "помещается" некоторое влечение. Влечение без объекта для Фрейда, может быть, и возможно, но объект без влечения - никак. Бывает, объекты "катектируются либидинозно" (нагружаются либидо), то есть к ним существует положительно влечение, они, собственно, сами по себе представляют отражение положительного влечения к ним. Бывает, они катектируются агрессивно (похоже, мысль о катексисе объектов лежит в одном русле с интенциональностью сознания, о которой писал Гуссерль, настроенностью и первичным пониманием, о которых писал Хайдеггер, и так далее. В одном русле с этой мыслью действует и школа деятельностного подхода в психологии). Фрейд, однако, имел в виду не сознание, а то, что испытывает влечения; чаще это бессознательное. Впрочем, сознание тоже катектирует свои объекты, см. выше о проекции. Идея катексиса коренится в "интравертированной" установке Фрейда, который считал влечение первичным, а подбор к нему объекта - вторичным явлением.

Фантазия

Фантазия в философском смысле слова - способность мысленно воспроизводить

⁸⁰ Экзистенциализм говорит об "обреченности быть свободным"; подразумевается, что первоначально человек не хочет быть свободным. Не быть свободным означает, очевидно, быть определенным. Вообще говоря, надо пояснить, что имеется в виду. Ведь кажется, что человек не хочет быть определенным, он хочет быть свободным? Можно сказать, что рационализация вытекает из желания человека быть определенным. Рационализация - это поиск (внешних) причин для собственных поступков. Это защитный механизм, она обычно появляется, когда человека спрашивают, "почему он это сделал". Как обычный мыслительный механизм рационализация показывает, что человеку желательно не быть свободным, поскольку это подразумевает ответственность за поступок (тут возникает, конечно, и вопрос: ответственность по каким критериям?) Однако важнее задать вопрос, ответственность перед кем? Или, по-иному говоря, от чего защищаются? В какой ситуации ответственность невыносима, какая ситуация обвиняет? Итак, ситуация, в которой возникает рационализация - это обвинительная ситуация. Весьма похожую мысль, как мне кажется, имеет в виду Хайдеггер, говорит, что наше современное состояние - это "доставление оснований" [Хайдеггер, 2000], то есть мы требуем, чтобы у всего - в том числе у всякого поступка - были "разумные" основания. Следовательно, даже у тех поступков, оснований которых человек не знает, должны быть - так мы обвинительно требуем - основания, и поскольку обвинение в отсутствии оснований поступка есть обвинение в неразумности. Получается, что несчастная жертва придумывает эти основания. Заметно, какую силу имеет требование быть разумным. Ясно также, каковы истоки рационализации.

предмет при отсутствии его в ощущениях. Фантазия в психоаналитическом смысле - это иллюзорное исполнение желаний. Связь между двумя значениями этих слов есть, но важнее акцентировать различие: Фрейд подчеркивает, что "просто так", без первоначального влечения, сама по себе психика ничего воспроизводить не будет.

Вообще говоря, всякое познание объекта на основе вышеизложенного подхода, столь сильно напоминающего деятельностный, возможно только как взаимодействие с ним. Младенец, в сущности, не способен по-настоящему действовать. В инфантильной психике взаимодействие с объектом и есть фантазия. Конечно, хочется возразить, что на такой ранней стадии психика не должна уметь фантазировать, но школа Кляйн решительно постулирует обратное. Фантазия намного первичнее и древнее адекватного отражения. Грубо говоря, для отражения, чтобы оно было адекватным, необходимо думать (а для этого, в первую очередь отделить себя от объекта), для фантазии - только хотеть. Желание, как часто указывается у психоаналитиков, так сказать, само собой порождает фантазию о своем исполнении.

Возвращаясь к проекции, под ней понимается приписывание внешнему объекту отношений, действий, намерений в отношении субъекта, и не на основе соображений о том, какие они должны быть (рациональных или по аналогии с собой, например), а по тому, каково переживание субъектом (воображаемых) результатов этих действий. Судя по всему, именно проекции характерны для первобытного мышления; то, что принято называть анимизмом, тоже результат проекции типа: "Раз мне плохо, значит, кто-то этого хочет." (мысль Фрейда)

Катастрофические масштабы принимает проекция при психических заболеваниях. Измененное состояние психики чаще всего имеет внутреннее происхождение (например, страх при паранойе). Однако тот, кто испытывает страх, естественным образом ищет его причины. Затем сами по себе нейтральные события воспринимаются и истолковываются⁸¹ как пугающие, появляются враги и так далее.

⁸¹ Это наиболее слабое звено теории, в целом красивой. Понятно, каково должно быть *эмоциональное состояние*, чтобы испытывать страх и искать его причины. Но каково должно быть *состояние ума*, чтобы услышать голоса там, где их нет? "Нормальный человек", переживая беспричинный страх, может иметь суицидальные намерения, конфликтную готовность, депрессивные самообвинения и т.п., но не может иметь галлюцинацию - даже, возможно, несмотря на то, что он этого хочет! (Я в настоящий момент спорю с идеей о "галлюцинаторном рае" Блейлера, о том, что бред является защитой от страха, которую разделяют многие теоретики от Блейлера до Лэйнга. Момент возникновения галлюцинации есть момент "непонятности" по Ясперсу.

Итак, Кляйн получила психотические проекции в готовом виде.

Расщепление.

Что касается расщепления, то эта идея тоже существовала: "шизофрения" значит "расщепленная душа". Блейлер, который ее так назвал, имел в виду, что у шизофреника не связываются в единое целое группы ассоциаций. Фрейд писал о расщеплении в ином контексте. Два провозглашенных им принципа, принцип удовольствия и принцип реальности, находятся между собой во взаимодействии, весьма напоминающем расщепление: один не ведает о другом. Фрейд указал даже на то, что в психозе расщепление Я является защитой, хотя по его мысли это была защита от реальности. Он считал расчлененность психики фундаментальным фактом и без особого удивления указывал на то, что в психозе происходит "отказ от реальности". Это уход во внутренний иллюзорный мир, построенный на основе принципа удовольствия (то есть, возвращаясь к идее фантазии, на основе иллюзорного исполнения желаний). Но, поскольку принцип реальности действует всегда, реальность в то же время продолжает восприниматься другим механизмом. Фрейда имел в виду, что чем меньше общего между отказавшейся от реальности и сохраняющей контакт с реальностью частями Я, тем глубже расщепление и тяжелее психоз (по крайней мере, чем более полный уход от реальности совершается, тем более неадекватно это выглядит со стороны. Подобную установку затем развивала эго-психология. Кляйн пошла дальше Фрейда, постулируя, что никакая часть Я не имеет отношения к реальности, к реальности имеет отношение только интегрированное Я [Романов, 2001, с. 22]. Именно от него и происходит отказ в случае психоза.

Шизо-параноидная и депрессивная установки

Эти концепции Кляйн основаны на идеях расщепления и проекции.

Необходимо еще раз заострить внимание на том, что если психиатры, сосредоточенные на отличиях шизофреников от здоровых людей, думали о болезненном расщеплении ума, до того бывшего целым, то Кляйн настойчиво указывала на то, что с расщепленного состояния все начинается. Младенец воспринимает расщепленно все. Например, мать: иногда появляется грудь, иногда его берут руки, иногда появляется лицо. На этой примитивной стадии естественно расщеплено и само Я: тот младенец,

который плачет – это не тот, который смеется. Даже детям старшего возраста (да и взрослым) свойственно переходить из одного состояния в другое и меняться, отрицать другого себя. Именно это называл "диссоциацией Я" и расщеплением Фрейд. Неизвестно, совершается ли вообще когда-нибудь окончательный переход от расщепленного Я к цельному; во всяком случае, не у младенцев.

Воспринимается все и проективно: младенец считает, например, кормящую грудь "хорошей", а отсутствующую – "плохой" и т.п. Он находится в естественной убежденности, что хорошие объекты любят его, они как бы "за него", а плохие – желают ему зла, как бы его преследуют. (Вот какие душевные переживания приписываются младенцам: "Грудь ненавидит меня и не дает мне то, в чем я нуждаюсь, потому что я ее ненавижу..." [Райвери, 1999]. Это кажется очень странным, но это просто сформулированные в словах проекции: "Раз грудь отсутствует, когда нужна, значит, желает мне зла; раз мне плохо, значит, она этого хочет; раз она мне желает зла, то я ее ненавижу, а о том, что я ее ненавижу, она знает..." - и так далее.) По аналогии с логикой параноиков Кляйн назвала такую позицию шизо-параноидной: "шизо" – из-за расщепленности объекта и Я, "параноидной" – из-за проекций.

Расщепляя целое, легко потреблять одну часть и не думать о том, что это затронет другую. Когда же осознание целостности происходит (прежде всего происходит осознание целого единой матери), наступает страх. Целое оказывается огромным, отдельным, иногда отсутствующим, иногда не имеющим отношения. Вместе с осознанием целого приходит и осознание своей отделенности и зависимости от него. Кляйн назвала вторую позицию депрессивной именно из-за сопровождающего ее страха. Она была убеждена, что младенец чувствует вину перед матерью за то, что пользуется ей, и что он понимает, что может потерять ее и поэтому боится причинить ей вред. Впрочем, даже если не ожидать именно этих мыслей от младенца, депрессивность второй позиции легко связать с его большим отделением от матери.

Эта мысль основополагающая для Кляйн. Она представляется очень интересной и заслуживает того, чтобы сформулировать ее еще раз. *Быть цельным тяжело*. Это предполагает одновременное совершение действий и осознание всех связанных с ними мыслей. Речь идет о цельности во всех смыслах. У взрослого человека, например, это могут быть мысли о греховности совершаемого. Однако это является естественным путем развития личности, выхода ее на уровень адекватности, в то же время ответственности и, если забегать вперед, на уровень равных отношений с миром, в которых, если говорить о совсем далеких последствиях, на месте адаптации появляется вопрошание.

Работа горя. Регрессия.

Идея, что психоз есть нечто регрессивное, довольно широко распространена и поныне, что же касается 19 века, тогда так думали почти все (исключение, может быть, составляли те, кто задумывался о его соотношении с гениальностью). О "вырождении" писал Морель, и он, судя по всему, был далеко не первый, кто чувствовал что-то подобное. Его новизна в свое время была скорее в том, что он поставил это интуитивное чувство на фундамент генетических и физиологических представлений. Это был у него филогенетический ход мысли.

В психоаналитическом контексте ход мысли онтогенетический. Регрессия понимается не как вырождение, а как возвращение к предыдущей ступени развития. Вот как это выглядит. Человеческое Я начинает с иллюзий о себе и мире и лишь постепенно осознает реальность такой, как она есть. (Причину этой первичности иллюзий легче всего увидеть в том, что и первая задача Я – спастись, защититься, а не познать истину). Каждый переход от иллюзий к реальности сопровождается **работой горя**. Вопрос о том, какие силы производят этот переход, причиной или следствием является работа горя и какие ресурсы ей сопутствуют, сложен, углубляться в него невозможно. К тому же, та работа горя, которая во младенчестве переводит Я от шизопараноидной позиции к депрессивной, в принципе не отличается от той, которая сопровождает кризис инфантильных иллюзий у взрослого человека (об этом упоминает, например, В.Подорога). Опыт такого кризиса есть почти у каждого, и, следовательно, каждый может обдумать роль работы горя, исходя из собственного опыта.

Кризис – не одномоментный процесс. После того, как работа горя будет произведена, личность возвысится до новой ступени развития, будь то в 4 месяца или у взрослого человека. Но эта следующая ступень не отменяет, а включает в себя пройденное горе. При первом появлении горе вызывало страх. Так, например, младенец боялся утратить тот объект, в котором он так нуждался (и не мог понять, что объект не принадлежит ему). Объект утрачивается с неизбежностью: младенец выходит из "диады мать-дитя". Он перерабатывает свое горе (или в каком-то смысле горе перерабатывает его), противостоит ему своими жизненными ресурсами. В дальнейшем он уже не так боится. Но горе как таковое, являющееся объективной стороной утраты объекта как таковой, остается. Если объект утрачен навсегда, то навсегда остается

("объективное") горе.⁸²

Объект вернуться не может. Но вынести горе, оставшееся на всю жизнь, можно только когда есть силы. В принципе, при нормальном развитии и сохранении здоровья есть силы не только вынести горе младенческих, но и взрослых трагедий. Но силы могут отсутствовать. Например, они отсутствуют при "первичной недостаточности" (идея Блейлера), при онтологической неуверенности (как у Лэйнга). Первичная недостаточность должна сказываться с самого начала: в детстве это послушные и зависимые дети, потому что они не в состоянии претерпеть работу горя, выводящую из зависимости и защищенности на уровень самостоятельной ответственности. Именно на это указывают многие патопсихологи, занимающиеся исследованием личности шизофреников, в том числе и Лэйнг.

Кроме того, силы могут по каким-либо причинам исчезнуть внезапно, тогда заболит человек, до того бывший здоровым. Кроме того, внезапно может начаться эндогенный процесс (о котором психологически ничего сказать нельзя).

Тогда происходит сдача завоеванных позиций, отказ от вечно присутствующего горя. Например, работа горя привела к пониманию того, что объекта нет, но больше нет возможности выносить это понимание. Больной отказывается, он возвращается на предыдущую ступень, когда еще не было этого "объекта нет". Он возвращается туда, где объект был.

⁸² Я не встречала прямых объяснений того, почему утрата объекта так страшна. Понятно, почему для младенца страшно утратить мать, но вообще объект? Домысливая, можно предположить, что из открытия "объекта нет" следует открытие "меня нет" - или потому, что субъект зависит от объекта (как это обычно бывает в мире людей), или потому, что происходит открытие возможности уничтожения вообще, или, скорее всего, потому, что самая древняя, первичная и дорогая для самости часть Я есть та его часть, которая взаимодействует с объектами. Она сама есть не что иное как они; она отражает, применяет, познает их; она содержит связанные с ними желания, живет их внутренними образами в себе, короче говоря, абсолютно зависит от объектов. Открытие "объекта нет", сделанное тоже внутри Я, это постоянная фрустрация. Грубо ее можно переформулировать так: "Если объекта нет, значит, меня нет, потому что мне не о чем думать". Иная постановка вопроса: "Если объекта нет, то мои желания никогда не исполнятся, потому что я никому не нужен". Слово "никому" здесь требует пояснения. По-видимому, объекты Я по большей части люди, по крайней мере во младенчестве. Первый объект был мать, и это был самый лучший объект, потому что, если только он был, я был ему нужен. С тех пор самым лучшим объектам я нужен. Но в реальности каждый нужен только себе. Именно поэтому "объекта нет", то есть, иными словами, есть много объектов, но нет тех, которым я был бы нужен так, как когда-то матери. По-видимому, полное отсутствие тех объектов, которым я нужен, ведет к утрате того, что называется "детское всемогущество" и его взрослым последствиям: истинности и непрерывности Я. Именно это является причиной того, что утрата объекта так страшна. К тому же, есть объекты, которые мне особенно нужны, а я им не нужен (речь о любви взрослых лю-

Но ведь на самом деле объекта никогда не было. Как получалось, что у младенца был объект, которого не было? Младенец фантазировал его. Следовательно, психотик возвращается к фантазированию объектов. (Между прочим, нельзя не видеть, какая это рационалистическая концепция психоза).

Пример. Человеку весьма трудно самостоятельно мыслить в одиночестве, диалог является естественным режимом человеческого мышления. Когда человек один, он зачастую ведет мысленные диалоги с (воображаемыми) собеседниками, чаще всего с теми, с кем ему доводилось спорить в реальности. Это типичный случай фантазирования объектов, столь широко распространенный, что многие авторы (Пиаже) склоняются к тому, чтобы считать его нормальным. Но на мой взгляд, он очевидно регрессивен. Мне не раз доводилось замечать, что к такому режиму мышления возвращаешься в моменты усталости, в периоды истощения ресурсов.

Регрессия к стадии расщепления.

Идея регрессии к стадии расщепленного Я, которая сама по себе выстраивается из этих рассуждений, как идея восходит к Фрейду. Однако Фрейд не делал на нее упора. В 30-е годы теорию значительно продвинул вперед К.Абрахам.

В те годы во всем психоанализе происходил процесс перехода от очень "интравертированной" установки Фрейда к более социальной и разумной ориентации, принадлежащей теперь всему сообществу психоаналитиков. Если Фрейд писал почти исключительно о влечениях, реальных во внутреннем мире субъекта, и считал, что объекты к ним подбираются, так сказать, по ходу дела, то теперь стали обращать внимание на взаимодействие организма со средой (в основном младенца с матерью, хотя рассматриваемые системы со временем все больше варьировались), стали строить "теорию объектных отношений". Абрахам был среди тех, кто это начинал (он рано умер), и уже у него на первый план вышла диалектика частичного/цельного объектов; Кляйн – одной из центральных фигур движения.

Работы Кляйн продолжили линию Абрахама в том, что касается первичного состояния расщепленности и всего связанного с этим круга проблем. В том, что касается проекции/интроекции, Кляйн, судя по всему, ориентировалась на другого своего учителя, Ференци.

Таковы истоки теории Кляйн. Собственный ее вклад состоял, во-первых, в очень детальной разработке теории объектных отношений, введению понятий параноидно-

дей). И я никогда не буду им нужен так, как самому лучшему объекту. Именно об этом писал В.Подорога, описывая работу горя у взрослых людей.

шизоидная и депрессивная установки, описанию работы горя при переходе от одной к другой, но прежде всего, конечно, в психоанализе младенцев; данный центральный аспект ее работы нас, в принципе, должен волновать меньше. Кляйн сделала попытку описать и психозы под углом регрессии к расщепленным проекциям. Из теории Кляйн следовало, что расщепление Я, например, в психотической регрессии, является не столько защитой от реальности, как сказал бы Фрейд, сколько защитой от горя – отказом от той работы, которая привела ранее от расщепления к цельности. Впрочем, те психоаналитики, которые имели медицинское образование, указали, что Кляйн не владеет в достаточной степени клиническим материалом.

Психоанализ в Англии после Кляйн. Д.Винникотт.

Когда во главе организации стоит оригинальный мыслитель, он порождает эпитонов. В Америке, например, как ни странно, психоаналитическая поверхностность – если можно так сказать, здоровая серость – самовоспроизводит стабильное функционирование. Отсутствие ярких ученых гарантирует, что мысли Фрейда передаются и используются более или менее в целостности и сохранности. Там, где ярких личностей больше, и психоанализу пришлось хуже: в Европе он не так моден, как в Америке. В Англии же, где школа началась практически с Мелани Кляйн, психоанализ от начала унаследовал сильный след оригинальности этой женщины. Позже, конечно, появились другие ученые. Туда уезжали из Германии во времена фашизма, там же существовала партия Анны Фрейд и так далее. В следующем поколении тоже есть немало интересных имен (М.Балинт, Х.Сегал, Дж.Райвери; любопытно, что едва ли не большая часть из них женские). Необходимо обратить внимание на Винникотта и Байена.

Д.У.Винникотт (1896-1971) по образованию детский врач. Психоанализ исходно был для него побочным видом деятельности, который тронул его, вероятно, именно тем, что Кляйн занималась детьми. Однако в послевоенное время он сосредоточился в основном на нем. Его теория развития ребенка, наряду с полным почтением по отношению к основоположнице и руководительнице, с которой Винникотт и не думает спорить, отличается здравым смыслом и отсутствием безумных фантазий. С ней важно познакомиться, прежде всего потому, что она сама по себе, кажется, дает очень

многое для антропологического понимания, несмотря на то, что Винникотт писал о детях. Во-вторых, исторический интерес к Винникотту в рамках моей работы связан с тем, что именно он был научным руководителем Лэйнга в Тэвистоке. Лэйнг и теории Кляйн получил из его рук.

Винникотт принес с собой из педиатрии и постулировал простые вещи, о которых психоаналитики были склонны забывать – прежде всего понятие врожденной, присущей всему живому *подвижности* (биологический термин: спонтанная двигательная активность), которая лежит в основе любого взаимодействия организм-среда и которая имеет более базовый характер, чем влечение. Эта первичная двигательная активность совершенно обоснованно представляется младенцу собственным его достоянием и усилием. Будучи направлена вовне, подвижность сталкивается с сопротивлением внешней среды, и если сопротивление не слишком велико, то очень хорошо, что оно есть, потому что именно на этом пути человеческое существо приобретает ощущение реальности. Это касается как реальности внешнего, которое узнается потому, что сопротивляется, так и реальности внутреннего, которое остается некоторой равномерной областью, где отсутствует сопротивление. Винникотт называет это спонтанное движение наружу агрессией, трактуя термин очень широко. "Агрессивная составляющая ведет к первому знакомству с миром, не совпадающим с Я, и раннему конституированию своего рода Я" [Й.Шторк, 1999].

Таким образом, Винникотт постулирует, что чувство реальности *не первично* (это важно в деле осмысления шизофренических явлений). Чтобы оно возникло и было адекватным, необходимо, чтобы подвижность встретила с должным, но не слишком большим, сопротивлением внешнего мира, и чтобы Я могло при этом пребывать в уверенности о своей безопасности и могуществе.

Внутренние ресурсы для психологического комфорта присутствуют также в форме "**первичного нарциссизма**". Термин восходит к Фрейду. Имеется в виду в некотором роде способность удовлетворяться собственным бытием в отсутствие чего-либо другого. Первичному нарциссизму придавали основополагающее значение многие психоаналитики (Лакан). Именно к нему отсылает вообще любое переживание удовольствия в течение всей жизни. Винникотт четко артикулирует двойственный характер явления: с одной стороны это, в сущности, способность радоваться (чему-либо), с другой, это же является самой радостью, тем материалом, из которого созда-

ется радость. Первичный нарциссизм возникает как ответ на существование Я. Если Я есть, а первичного нарциссизма нет, ничто другое тоже радости не вызовет. Таким образом, одно и то же является и потенциальным, и действительным.

Еще одна категория, бытующая в психоанализе: **детское всемогущество**. Под этим понимается то, что младенец не очень различает мечты и действительность. В мечтах ведь желаемое всегда исполняется. Специфически младенческое всемогущество подкрепляется тем, что он существует в среде, поддерживающей его бытие и старающейся исполнять его желания (речь о матери). Следовательно, он естественно думает, что желания исполняются именно потому, что возникают. Еще психоаналитики называют это магический контроль.

Истинная и ложная самость.

Вот вокруг этого-то младенческого всемогущества формируется то, что впоследствии будет самостью. Очень важно для Винникотта различение между истинной и ложной самостью. Истинная самость – это "детское всемогущество, жизненная сила, создающая для себя и собственным образом личную психическую реальность и личную телесную схему. Она по сути своей является первичной и активной. Она сохраняет чувство всемогущества и постоянное ощущение бытия" (Й.Шторк, там же). Таким образом, Винникотт видит связь между устойчивым ощущением бытия и детским всемогуществом. Для выживания Я, т.е. для того, чтобы оно было непрерывно, необходимо, чтобы оно, если так можно выразиться, всегда верило в успех своей направленной вовне подвижности. Моменты, когда младенческое Я подвергается слишком сильным сокрушающим его атакам внешней среды, ведут, во-первых, к страху уничтожения, во-вторых, к прерывистости континуума бытия и чувству бессмысленности существования⁸³. По-настоящему реальное бытие, не превращенное в иллюзорное нарциссизмом, магическим контролем, младенческим всемогуществом и т.п., губительно для младенца. Та самая подлинная самость, которая позже, может быть, сможет установить подлинные отношения, познать мир и "отбросить младенческое", для то-

го, чтобы сформироваться, нуждается в поддержке своих иллюзий. Таким образом, *неправильные представления стоят у истоков человеческого существования.*

Если не поддерживать всемогущество и даже агрессию младенца, то "он принужден к ложному существованию. Ложная покорная самость реагирует на требования окружающей среды, создавая ложную систему связей с одной целью: скрыть и защитить подлинную самость. Ложная самость должна обеспечить предпосылки, которые позволят подлинной самости выжить и избежать уничтожения" (Й.Шторк, там же).

Следует, кажется, специально заострить внимание на том, что ложная самость - это не мир явной лжи взрослого человека. Это именно самость, то есть в некотором роде центр внутреннего мира. В нем "ложно" (теоретически правильное) представление, что Я не всемогуще. Несмотря на то, что это теоретически верно, это невыносимо, и рядом с этой правильной самостью, которая потому называется ложной, что по настоящему не живет, существует истинная самость, живущая (теоретически неверной) верой в свое всемогущество, иными словами, в исполнение желаний. Она может прятаться за ложной самостью так надежно, что о ней может ничего не знать сам человек.

Всей этой конструкцией воспользовался Лэйнг, когда писал о шизофрении, хотя и нельзя сказать, что он ее напрямую позаимствовал у Винникотта: их книги вышли почти в один год.

Для Винникотта, как для ранних психоналитиков, важна динамика объектных отношений. Он конечном счете тоже сводит ее к вопросу, есть объект или нет. Как и в остальных вариантах теории, у него первые взаимодействия Я с объектами были внутренние и основывались на фантазии. Затем, по мере взросления, появляются "реальные" связи с внешними объектами. При этом Винникотт указывает, что внутренний объект через построение связи с внешним уничтожается. Вот как это выглядит. На самой первой стадии младенец полностью погружен во всемогущество. Объект (прежде всего парциальный: грудь) находится в зоне его магического контроля, со-

⁸³ Не очевидно, что "моменты, когда Я подвергается атакам внешней среды", "прерывистость континуума бытия" и "чувство бессмысленности существования" одно и то же. Эти вещи взаимосвязаны именно в той картине психического отражения мира, которую строит Винникотт. В этой его картине, если я понимаю правильно, само существование имеет смысл только когда не нарушается презумпция младенческого всемогущества. Для взрослых людей это можно переформулировать примерно так: жизнь имеет смысл только тогда, когда есть вера в себя.

вершенно не воспринимается "как есть", является исключительно пучком проекций. В нем не только главное, но и единственное - это то, что его хотят. Винникотт называет это "отношение к объекту". На следующей стадии младенец постигает, что объект имеет самостоятельное бытие; вместе с этим он вынужден принять свою зависимость от него. Прекращение тотального всемогущества – один из базовых шагов созревания. Вторую стадию Винникотт называет "обращение с объектом".

Драматичное открытие "объекта нет" Винникотт рисует не через идею работы горя. Вместо этого он вводит картину внутренней деструкции (а иногда и внешней. Порывы детского садизма он, в отличие от Кляйн, интерпретирует как внешние знаки внутреннего убийства объектов.) Поскольку до этого объекты были частью Я, это убийство их, конечно, полно боли. Подобное движение души можно наблюдать и у взрослых, теряющих объект. Оно бывает выражено, например, в случае измены возлюбленного. От существования этого человека в сознании к отказу от него путь лежит именно через внутреннее убийство. Шире говоря, для Винникотта убийством частью Я является любой кризис иллюзий, любой разрыв ложной связи. Впрочем, несмотря на внутренний крах, сама по себе реальность не меняется, и это постоянство реальности учит младенца правильному обращению с ней, "применению" ее.

Объект перехода.

Это одно из открытий Винникотта. Речь идет о том же самом переходе: от полной неспособности воспринимать реальность (проекции, интроекции, расщепление, всемогущество, магический контроль...) к, предположительно, полной способности ее воспринимать. Последнее, очевидно, вряд ли достижимо и в зрелом возрасте. Из этого видно, что переход этот длительный и постепенный.

Однако совершая такие эволюции, болезненные на всем своем протяжении, человеческому сознанию естественно изобрести нечто, упрощенно говоря, побочное, чтобы отвлечься, и нечто промежуточное, более приемлемое, чем реальность, но более истинное, чем проекции, чтобы градуировать и смягчить процесс.

В ранней детской стадии перехода, когда идет первоначальное освоение в мире объектов, феномен переходных объектов Винникотт выявляет эмпирически. В широком смысле это игра. Он называет область между двумя полюсами промежуточное или потенциальное пространство, в котором можно освободиться от давления посто-

янной необходимости совмещать друг с другом внешнюю и внутреннюю реальность. Эта область не внутренняя, она состоит из реальных объектов мира (игрушки). Но в ней нет задачи полностью принимать внешнюю реальность, со всем, например, присущим ей детерминизмом. Происходящее можно фантазировать, иными словами, распространить на него самого себя. Узнать о мире можно столько, сколько захочется. Еще объекты перехода: собственные пальцы, уголок одеяла, особо любимый предмет и т.п. "Объект перехода является для ребенка первым не принадлежащим к самости имуществом, которое создается ребенком, а не просто подбирается им. Тем самым *область иллюзии воплощается в реальности*" (Й.Шторк, там же; курсив мой). (Интересно, что вообще-то чем старше ребенок, тем меньше у него безусловная необходимость в объекте перехода, но почему-то в течение многих лет остается использование его перед сном.) Переходные миры взрослого человека: игра, творчество, философия, религия. Насчет игры и творчества с Винникоттом спорить трудно, а что касается философии и религии, то на них у него, очевидно, взгляд не философа и не религиозного человека, что и вообще для психоанализа традиционно. Так же любопытно, как близки эти мысли культурологической концепции Й.Хейзинги.

И вышеприведенный пример мысленного разговора с воображаемыми собеседниками, учитывая теорию Винникотта, следовало бы назвать регрессией к фантазированию объекта перехода.

Винникотт оказал влияние на Лэйнга не только тем, что научил его психоанализу. У него были и иные теории, несколько менее здравые, чем вышеизложенные; так, например, он отстаивал мнение, что плод еще во внутриутробном состоянии испытывает эмоции, и (если я не ошибаюсь), что память зародыша начинается сразу после зачатия. Лэйнг в своих поздних вещах очень много писал о ментальной активности двухнедельных зародышей во время их движения по фаллопиевым трубам к матке. У Лэйнга эти теории имели некоторый оттенок буддийской фантастики, но для Винникотта это была обычная научная гипотеза.

У.Байен. Теория бинокулярного видения.

У.Байен (1897 - 1979) - еще один известный ученик Кляйн. По образованию он был психиатр.

Он автор нескольких оригинальных гипотез, из которых очевидно, что подобно своей руководительнице и в отличие от Винникотта он не избегал экстравагантности. Для некоторых из них характерно почему-то особое сосредоточение внимания на желудочно-кишечной сфере.

Он не прошел мимо идеи расщепления. Как и Кляйн, он принимает первичность расщепленного состояния сознания. Затем в рассмотрение вводятся объекты, требующие двустороннего подхода. Например, взаимоотношения влюбленных, в которых, вследствие высокого эмоционального накала, присутствует и любовь, и ненависть (идею разделял и Фрейд, ее наглядно заострил К.Лоренц книгой "Агрессия"). Иные сложные случаи взаимоотношений. Отношение к теории: оценка положительного и ошибочного. Актуальная в религиозной сфере динамика веры-неверия. Диалектика двух сопряженных позиций: эго- и социо-центрической (так он называл то, что Юнг называл интра- и экстраверсией). Вообще любая необходимость определять свое отношение к чему-либо. Примеры можно множить, поскольку на многое могут существовать разные точки зрения.

Параллельно со сложностью объекта расщепляется отношение к нему: например, одна часть Я оценивает объект положительно, другая отрицательно (видим, что это почти в точности параноидно-шизоидная позиция по Кляйн). Но взрослый человек стремится к цельности и последовательности; в отличие от младенца он помнит предшествующие состояния Я и стыдится диаметрально менять точки зрения⁸⁴. Последовательный выбор одной точки зрения из двух и более возможных Байен называет монокулярным зрением (видением). Вторая точка зрения, и вместе с ней та часть Я, которая ее поддерживала, делается бессознательной, вытесняется, репрессируется. Эти рассуждения могут показаться банальными на житейском уровне. Но они имеют дополнительную смысловую нагрузку в контексте психоанализа, где вытеснение означает болезнь, а возврат вытесненного - выздоровление. Фрейд сначала полагал, что вытесняются в основном влечения, но сфера вытесняемого быстро была расширена до всего неприятного (например, вытеснение воспоминаний). Теперь, на уровне психоанализа 3-4 поколения вытеснением начинает называться еще более обширный круг неприятя, вплоть до неприятя теоретических точек зрения. Вытеснение ведет к конфликту и неврозу. Следовательно, снять вытеснение (иными словами: достичь терпимости к ранее неприемлемому) означает излечиться.

Таким образом, Байен смотрит на достижение целостности оптимистически. Одновременное принятие двух точек зрения и вместе с тем актуализацию обеих частей Я он называет "бинокулярным видением". По его мнению, достижение бинокулярного видения сопровождается "чувством истины".

⁸⁴ См. выше о рационализации: она активно включается тогда, когда человека уличают в изменении точки зрения. Как правило, большинство людей в этой ситуации приводят аргументы такого рода, что "на самом деле имелось в виду одно и то же" и, поскольку для рационализации включается интеллект, способны совершить на этом пути открытия высокого уровня сложности. Это совершается единственно с целью оправдать изменение точки зрения, то есть доказать, что настоящего изменения не было. Рационализацию останавливает акт рефлексии, который ее и открыл. К слову говоря, вводя категорию стыда, приходится сталкиваться с этикой. По мысли (фрейдовского) психоанализа, этика требует репрессии. Рационализация потому и является именно психоаналитическим механизмом, что вытесняется мысль о непостоянстве собственной точки зрения.

На этом он строил одну из психоаналитических техник. Он не концентрировал внимание на работе горя и на том, что сама Кляйн назвала обретение цельности депрессивной позицией. В то же время, очевидно, в его подходе есть свой смысл. Если для того, чтобы выйти на уровень приятия неприятного, требуются силы, то после выхода, действительно, может быть "чувство истины" (вероятно, с этим согласился бы Гегель), которое в дальнейшем будет поддерживать обретенную цельность.

Я постаралась (слегка домысливая) изложить одну из идей Байена, которые мне кажутся здравоосмысленными. Те, которые имеют отношение к желудочно-кишечной сфере, я не могу изложить столь же внятно. Не разделяли их и многие коллеги. Лэйнг, например, в книге "Голос опыта" [Laing, 1982] отзывается о проводимом Байеном психоанализе уничтожающе. Тем не менее, Байен типичен для английского пост-кляйнианства. Многие на первый взгляд безумные теории возводятся напрямую не к тому, что писала Кляйн, но к ее, если можно так выразиться, методологии, характерной чертой которой было в некотором смысле "бытие возможного". Такую ее установку можно рассмотреть на примере ее идеи о зависти у младенцев.

Младенец хочет пищи и получает ее из внешнего источника (груди). После того, как он обретет осознание ее отдельности (см. выше о депрессивной позиции), он понимает свою зависимость, возникают благодарность и зависть. Это две стороны одного и того же: отношения получающего к дающему внешнему (насколько я поняла Кляйн, она называет завистью желание обладать этим внешним одновременно с невозможностью); зависть, таким образом, означает конец младенческого всемогущества.

Испытывает на самом деле четырехмесячный младенец зависть к обладанию грудью или нет? Этот вопрос Кляйн не столько решает эмпирически, сколько, так сказать, снимает методологически. Постулируется, что все, чего нет в сознании, но что может быть (это известно из опыта взрослых), существует в бессознательном. Такой ход мысли очень слабо проверяем и фальсифицируем из-за широких возможностей толкования анализа младенцев [Романов, 2001, с. 23] (справедливости ради нужно отметить, что психоаналитики, в том числе Кляйн, иногда указывают на позитивные проверяемые следствия своих гипотез, но для Байена это не характерно). При доведении такой концепции бессознательного до логического конца получается, что бессознательное есть резервуар всего, что в принципе может быть, и эта концепция бессознательного далека от фрейдовской и существенно сближается с концепцией Юнга. Тут возникает большое поле возможных вариантов, но мне кажется, что все же приписывать бессознательному такое богатство означает сильно его переоценивать.

Схема шизофрении Р.Лэйнга.

Итак, весь психоаналитический ход мысли подводит к тому, чтобы трактовать шизофрению как защиту (собственно, так трактуют ее не только в психоанализе, о похожем писал, например, Бинсвангер, см. гл VI). Повторяя еще раз основные положения Лэйнга, все начинается с первичной недостаточности, которую он называет он-

тологической неуверенностью. По всей видимости, эта идея перекликается с идеей Винникотта о "подвижности": то, что Винникотт называет нормальной подвижностью, по Лэйngu будет онтологической уверенностью. Оба автора указывают, что нормальное чувство реальности соответствует нормальному уровню подвижности (уверенности). Лэйнг пишет: "Если достигнуто положение первичной онтологической безопасности, обычные условия жизни не составляют постоянной угрозы собственной экзистенции человека. Если же такое жизненное основание не достигнуто, обычные условия повседневной жизни представляют собой неизменную смертельную угрозу." (Разделенное Я, с. 37). Почему при недостатке уверенности возникает дереализация (утрата ощущения реальности окружающего), ясно не сразу. Лэйнг объясняет это через деперсонализацию (утрату ощущения реальности себя): неуверенный человек ощущает себя слабым по сравнению с окружающим, так что, на первый взгляд, мир должен казаться, наоборот, угрожающе реальным. Однако на самом деле, привлекая сюда психоаналитические концепции внутренних связей и т.п., по-видимому, можно сказать, что для восприятия важно существование мира внутри, представления о нем, фантазии. Эти представления о мире и фантазии носят субъективное ощущение реальности только у здорового человека, который сам ощущает себя реальным⁸⁵. Лэйнг берет у Винникотта также идею двух самостей (двух Я), истинной и ложной. При шизофрении начинает доминировать безжизненная ложная самость, которой, в отличие от истинной, не нужна сила и защищенность, чтобы жить. Она адаптируется к внешней реальности жертвованием ей почти всего: управления мыслями, волей, телом. Но ни при каких условиях не жертвуется внешнему истинная самость. В данном случае она не получает, если можно так выразиться, необходимого онтологического статуса, уровня жизни. Она не выходит ни на уровень сознания, ни тем более на уровень управления личностью в ее жизни вовне. Ей остается внутренний иллюзорный мир (принцип удовольствия), которым она, в принципе, в состоянии удовлетвориться. Это удовлетворение напоминает первичный нарциссизма и не имеет никакого отно-

⁸⁵ Это, конечно, напоминает упрощенную форму философского идеализма: Я конституирует мир, а не отражает его. Чисто философская проблематика всегда соседствует с психоаналитической, психиатрической и вообще психологической. Лэйнг пишет: "Вообще говоря, очевидно, что обсуждаемое здесь нами с клинической точки зрения является лишь небольшим примером чего-то, во что глубоко вовлечена человеческая природа и во что мы можем привнести лишь частичное понимание," (Разделенное Я, с. 35).

шения к происходящему вовне. Чтобы по мере возможности отдалить угрожающее внешнее от внутреннего, спасающегося в самом себе, общая личность расщепляется. Механизм расщепления у Лэйнга аналогичен психоаналитическому.

III. История Лэйнга

Даты жизни Рональда Дэвида Лэйнга 1927-1989. Он родился в Глазго, Шотландия, в бедной семье; его родители были рабочие. После окончания медицинского факультета университета два года он работал психиатром в армии (1951-1952), потом преподавал психиатрию в университете Глазго и работал в местной клинике. Несмотря на то, что тогда у него еще не было своей теории, уже тогда он провел эксперимент, которым позже очень гордился. Тогда Лэйнг работал младшим медицинским сотрудником в городском госпитале Глазго. Он добился у администрации разрешения на некоторое преобразование больничного режима. Преобразование называлось "Rumpus Room". Лэйнг рассказывает в "Фактах жизни":

"В те месяцы, когда я работал в женской палате для безнадежных больных, помимо выполнения всех прочих своих обязанностей, я старался проводить там как можно больше времени - и днем, и ночью. В этой палате находилось около шестидесяти пациенток и две медсестры. ... Спустя три-четыре недели я стал неотъемлемой частью жизни этой палаты. Месяца через три, когда я уже разобрался в ситуации и завоевал полное доверие пациентов, а также медсестер ... я написал рапорт... В первую очередь я указал, что, с моей точки зрения ... гораздо важнее, чем мое лечение, отношения между персоналом и пациентами, а также взаимоотношения пациентов. ... Я внес несколько конкретных предложений, среди них было одно, которое имело для меня особое значение. Работая в палате для не поддающихся лечению, я сосредоточился на тех пациентках, которые выглядели наиболее безнадежными и были совсем запущены. Я выяснил у нянечки, которые из них кажутся ей самыми безнадежными, а также взял на заметку тех, кто больше всех был обделен вниманием сестер и других пациентов и кто менее всего тянется к другим. ... Были отобраны двенадцать наиболее безнадежных больных. [Удалось добиться, что] две сестры, по крайней мере в течение года, если они захотят дотерпеть до конца, будут проводить с этими пациентками время с девяти утра до пяти вечера. Я сказал сестрам, что меня не волнует, будут ли они являться на дежурство ровно в девять и уходить ровно в пять — этим ничего не добьешься, — пусть они просто проводят с этими пациентками столько времени, сколько они сами могут им уделить. Другим условием было предоставление пациенткам отдельного помещения. Мне не удалось вытребовать помещение, которое было бы в их распоряжении круглосуточно, но я вылез из кожи и все-таки добился выделения довольно уютной комнаты. Это была не палата, коек в ней не было. И отныне двенадцать пациенток и две медсестры переходили в эту комнату и проводили там время с девяти утра до пяти вечера. В первый день этих "безнадежных" женщин из палаты в дневную комнату пришлось вести силой. На второй день в половине восьмого утра меня ожидало одно из самых волнующих переживаний за все время, проведенное в этой палате. Двенадцать пациенток сгрудились около запертых дверей и просто-таки не могли дождаться момен-

та, когда они выберутся отсюда и окажутся там вместе со мной и двумя сестрами. И пока мы шли туда, они пританцовывали, припрыгивали, делали нетерпеливые круги и т.п. Совсем не мало для "безнадежных". Примерно через год я ушел из этой больницы. Это мероприятие, правда, в видоизмененной форме, продолжалось и после моего ухода. Месяцев через восемь после его начала все двенадцать пациенток покинули стены больницы. На следующий год все двенадцать снова туда вернулись. Эксперимент заглох, но на какое-то время он что-то изменил в судьбе двенадцати больных и двух сестер, да и в судьбе других людей тоже. ... ничто не пропадает зря."

Уехав из Глазго, Лэйнг переехал в Лондон, в знаменитую Тэвистокскую клинику. В ней давно существовала сильная психологическая и психоаналитическая школа. Там читал очень известные лекции Юнг, там же базировались многие психоаналитики школы Мелани Кляйн; его научным руководителем стал психоаналитик и педиатр Д.Винникотт. До сих пор в Тэвистокке ведутся социологически-психиатрические исследования. Важно, что если до этого Лэйнг был знаком только с психиатрией физиологического направления, потому что в Глазго не было своей сильной психоаналитической или психологической школы (Лэйнг рассказывает об этом в автобиографических вещах "Факты жизни" и "Голос опыта"), то после приезда в Тэвисток он встретился с психологическим и социологическим подходом. Видимо, это было для него открытием, которым позже он очень увлекся. Там он провел первые исследования семей шизофреников (1956-1960). Это были для него годы, когда созревала его уверенность, что корни шизофрении находятся, если говорить широко, в социальных условиях, а если говорить более узко - в семье (последнее - ход мысли, продиктованный психоанализом). В последующие годы он работал в разных клиниках и занимался частной практикой, постоянно сотрудничал с Институтом исследования человеческих отношений при Тэвистокке (Tavistock Institute of Human Relations, научно-исследовательское учреждение), а также возглавлял несколько комитетов и общественных учреждений, разных в разное время.

По всей видимости, тогда он еще не познакомился с теорией двойной связи Бэйтсона (см.прил.), которая предлагает конкретный механизм того, как неправильное воспитание (и вообще неправильные взаимоотношения) вызывают шизофрению. Впоследствии, узнав теорию Бэйтсона, он стал ее адептом. В его работах того периода - прежде всего, "Self And Others" - ощущается предшествующее экспериментальному исследованию желание доказать заранее известный результат (шизофрения вызывается в семье). Однако, не зная, грубо говоря, как это происходит, он (как и его

соавторы) в поисках убедительной картины пробует примерять разные теории. Вообще говоря, скорее всего это говорит о том, что относительно главного гносеологического вопроса настоящей работы - порождается научное знание объективными свойствами предмета или господствующими в это время в культуре ходами мысли - антипсихиатрия скорее всего представляет собой пример определения мысли культурой.

Шестидесятые годы для него - период антипсихиатрии. В судьбе этого явления, с точки зрения рассказа о Лэйнге, интересно соотношение его личных качеств и действий и некоторым образом независимых от него обстоятельств. Независимые от него обстоятельства складывались неблагоприятно. До какой-то степени в его власти было с этим бороться. Пока у него были силы, он боролся, затем силы кончились, он перестал, все развалилось [Laing, 1982].

В человеческом смысле слова жизнь его была грустной и неудачной. В конце ее он много пил, потерял из-за этого работу, семью и дом. В 62 года он умер от инфаркта. Долгая депрессия, в которой он был перед смертью, и сам его алкоголизм, кажется, однозначно свидетельствуют, что в чем-то он допустил ошибку. Он не знал, в чем она, поэтому не смог исправить (впрочем, если бы он знал, в чем она, он, наверное, не столько смог бы ее исправить, сколько написал бы об этом книгу).

Творчество Лэйнга отчетливо разделяется на три периода.

1. (До антипсихиатрии). "Разделенное Я"

В течение приблизительно тридцати пяти лет жизни в его мастерстве психиатра не было ничего, что бы принципиально отличало его от коллег, за исключением понимания мира психически больных. В конце 50-х годов Лэйнг написал книгу "Разделенное Я" [Laing, 1959; 1995]⁸⁶. На первый взгляд она не имеет никакого отношения к антипсихиатрии (последней, напомним, предстояло появиться через несколько лет). Эта книга получила широкую известность. В ней шла речь о *психологических причи-*

⁸⁶ Эта книга переведена на русский язык. Перевод не безупречен: например, нет оснований называть автора Лэнгом и переводить "Divided Self" как "Расколотое Я" (правильно: "Разделенное Я". Переводчики, очевидно, хотели заострить впечатление.) Однако перевод вполне может служить для ориентирования в общей идее. Все цитаты из "Divided Self" и "Politics of Experience" в моей работе приведены по нему. Ссылки: [Лэйнг, 1995, С. ...] или ("Разделенное Я", С. ...), ("Политика переживания", С. ...)

нах шизофрении⁸⁷.

Лэйнг продолжает проблемную линию Ясперса, который ввел критерий "понимания", сделавшийся к тому времени широко употребительным: психоз (в отличие от нервного расстройства) есть то, что непонятно обычному сознанию.

Трудно установить, когда именно Лэйнг решил мысленно отказаться от деления на психозы/не-психозы⁸⁸. Его отсроченные самоинтерпретации могут предоставлять ложную картину. Например, история Rumpus Room может быть связана или с тем, что он испытывал сострадание к больным (признавая, что они больны), или с тем, что он не верил, что они больны, или с тем, что это в принципе одно и то же⁸⁹. Как бы то ни было, этот ход мысли произошел. В дальнейшем он подкреплял сам себя, потому что оказался продуктивен. По моему мнению, интенция понимания вполне укладывается в рамки научного стремления к максимальной истине.

Книга *Divided Self* посвящена описанию психологических мотивов шизофреников, описанию их чувств, их истории и так далее. Для Лэйнга очень важно, что то, что происходит в мире психически больных, не бессмысленно. Он стоит на этой позиции изначально и действует для тех, кто стоит на противоположной, выступая переводчиком.

⁸⁷ Необходимо пояснение; запутаться легко уже на уровне терминологии. Прежде всего, разрешите перечислить похожие слова, которые нельзя путать. Психология - наука о психике; психиатрия - наука о психических болезнях; психотерапия - терапия с помощью бесед, без лекарств; психоанализ - совершенно особая область, основанная Фрейдом; психоз - тяжелое расстройство. (Особенно похожи прилагательные от них: психологический, психиатрический, психотерапевтический, психоаналитический, психотический...) Далее, психиатров можно разделить на цехи. Даже в странах, подобных России, где все недифференцированно, психиатрия делится на: 1) т.наз. "малую" - терапию невротозов, реактивных расстройств, депрессий и т.п. - которая действует методами психотерапевтических бесед и т.п. и применяет относительно легкие лекарства, и 2) т.наз. "большую". Предмет "большой" психиатрии - психозы, прежде всего, шизофрения. Обычно считается, что они имеют органическое происхождение, впрочем, на этот счет не возбраняется иметь какое угодно мнение. Достаточно давно, исторически в одно время с зарождением психотерапии, было замечено, что те же методы, что оказывают помощь в случаях невротозов, в случае шизофрении могут оказывать прямой вред. Поэтому лечение шизофрении с помощью бесед не практикуется. Настойчиво не рекомендуется лечение шизофрении всеми мало-мальски рациональными методами: убеждением, созданием покоя и благоприятных условий, психотренингами, прочими, которые невозможно перечислить, методиками психотерапии, физиотерапией, гипнозом, восстановлением сил, санаториями - в общем, всем, что мог бы придумать нормальный человек.

⁸⁸ = иррациональные/рациональные = непостижимые/постижимые состояния.

⁸⁹ В смысле последнего я имею в виду идею Ясперса о том, что любовь - условие понимания, а понимание, в свою очередь - критерий нормальности (см. главу ЭФПС). Если Ясперс показал на словах, что, до некоторой степени можно сказать, что *врач считает нормальным того, кого он любит*, то Лэйнг действовал в соответствии с этим. (Так же он и писал: "Можно заменить слово понимание словом любовь" - Разделенное Я, с.27).

"Описывая один путь сумасшествия, я попробую показать, что существует *постижимый переход* от здорового шизоидного способа бытия-в-мире к психотическому способу бытия-в-мире" (Разделенное Я, с.7. Курсив мой.)⁹⁰

Можно спросить, как получилось, что он понял то, чего не понимали до него. Вероятно, во-первых, дело в способности к эмпатии. Это была его личная особенность, которую так или иначе отмечали многие, общавшиеся с ним [Капра, 1996] . Сам он писал: "Проблема заключается в том, что ... я с трудом обнаруживаю "признаки и симптомы" психоза в личностях, с которыми беседую. Обычно я считал это своим недостатком: я, видимо, не настолько умен /чтобы заметить бред и галлюцинации/... " (Разделенное Я, с.20) Также источником понимания было его психоаналитическое образование. Конечно, нельзя сказать, что психоанализ "понимает" больных (с этой идеей ожесточенно спорил Ясперс, поскольку психоаналитическое толкование бреда как "Я его люблю - я его ненавижу - он ненавидит меня" может потрясать воображение, но вряд ли вызывать понимание). Но он приучает видеть начала всех психических проблем в жизненных конфликтах, прежде всего в семейных драмах - то есть в чем-то близком, непосредственно касающемся жизни. Кроме того, это образование оказалось применено не к немецкой ментальности, которая иногда отличается готовностью к любым фантастическим построениям, а к шотландской; шотландцы же, как считается, даже от практичных англичан отличаются исключительной приверженностью здравому смыслу (школа Рида и т.п.). Кроме того, как пишет сам Лэйнг, в эту эпоху некоторое, так сказать, предпонимание носилось в воздухе: "Попытка сообщить, на что похоже живое существо /в шизофреническом состоянии/, по-видимому, характеризует творчество огромного количества писателей и художников нашего времени" (Разделенное Я, с.35) (в качестве примера он приводит Кафку и С.Беккета). Все же главной среди предпосылок представляется эмпатия. "Смотреть на пациента,

⁹⁰ В данной цитате еще не совсем ясно, что понимается под "здоровым шизоидным бытием-в-мире". Далее Лэйнг описывает это бытие и называет его онтологической неуверенностью. В само это состояние от совершенного здоровья постижимого перехода нет, но и полная онт.уверенность, и полная неуверенность редки, и у любого человека (я домысливаю за Лэйнга) возможны колебания этой уверенности, похожие на колебания настроения. Поэтому онт.уверенный человек в принципе в состоянии более или менее вообразить состояние онт.неуверенного. Лэйнг, судя по всему, принадлежал к онт.уверенным людям. Далее происходят события защиты; сценарий этих событий взят из психоанализа. Именно этот переход хочет сделать постижимым Лэйнг, так что в какой-то степени, можно сказать, его понимание - это психологически достоверное изображение того, что психоанализ скорее постулирует.

слушать его и видеть "признаки" шизофрении (как "болезни") и смотреть и слушать его просто как человека - значит видеть и слышать в корне отличающимся образом." (Разделенное Я, с. 26).

Итак, он разворачивает перед читателями скрытую картину переживаний больного и смысла его действий. Он формулирует ее обычным языком (важно, что академическая наука, как ФПс, так и психоанализ, изобилует сложной терминологией). В итоге она сделалась понятной, даже стало понятно, почему сам больной не мог ее так сформулировать. Таким образом, граница между малой и большой психиатрией, между невротами и психозами, и, выражаясь несколько шире, между психологически понятными заболеваниями в общем нормального человека и принципиально недоступными для понимания психозами оказалась под вопросом.

Научный мир откликнулся главным образом именно на это содержание "Разделенного Я", почти не заметив того, что обратной стороной одного сделанного открытия было другое сделанное открытие. А именно, показав, что мир психически больного в принципе понятен и по-своему естественен (нормален, если определять норму не посредством статистики, а, предположим, через внутреннюю логичность), Лэйнг тем же самым делает ясным, как именно и почему сходят с ума. Фактически уже в этой книге заложены все семена того, во что вылилось потом это понимание.

Объясняясь аналогиями, приведу такой пример. Допустим, некий сострадательный человек решил бы раскрыть для обычных людей внутренний мир преступника: что у того тоже есть сердце и т.п. Для нашей культуры это вполне общее место, но можно представить себе, что в других обстоятельствах это могло бы оказаться шокирующим открытием. Понять - значит простить, потому что когда понимаешь другого, становишься все равно как он. Следовательно, тот, кто хорошо понял бы преступника - со всем, что в том есть обычного, человеческого, со всеми его душевными движениями, вжил бы в его шкуру - тот не мог бы не понять и того, почему этот преступник, в конце концов, совершил свое преступление. Реальность преступления может становиться сколь угодно убедительной - возможно, даже до его повторения - в зависимости от того, насколько далеко идти по пути эмпатии. (Правда, такой ход мысли отрицает свободу воли. Экзистенциалисты, если они привержены идее понимания, как, например, Ясперс и Бинсвангер, постулируют еще идею выбора.)

В полном соответствии с этой логикой, Лэйнг прежде всего действовал с первоначальной целью переводчика; потом он понял больных, и в конце концов понял их настолько хорошо, что реальность их сумасшествия уже представлялась ему самому очевидной, какой-то вполне логически закономерно обоснованной.

Экзистенциализм - не только в варианте Ясперса/Хайдеггера, но и Сартра - дает свое психологически-моральное содержание: пронзительная обреченность на одиночество и свободу, угнетающая необходимость быть для других прозрачным и, соответственно, правильным⁹¹. Для более или менее здорового человека это не страшно, он адаптируется (возможно, ценой предательства себя; это позднейший ход мысли, на него ссылалась антипсихиатрия). Катастрофа угрожает, когда имеет место некоторая особая неуверенность в себе. Это чувство, описанию которого посвящена значительная часть "Разделенного Я", Лэйнг называет "онтологическая неуверенность"⁹²; его можно кратко передать как отсутствие сильного и очевидного чувства данности собственной экзистенции. Именно при таком состоянии мир других становится настоящим сартровским адом. "Онтологическую неуверенность" Лэйнг описывает настолько психологически убедительно, что, прочитав "Разделенное Я", хочется сказать "да это же точно про меня" почти любому, даже здоровому, человеку.

Психоз - не столько (каузальное) следствие этого состояния, сколько (относительное добровольное) убежище от его невыносимости. Это психоаналитический ход мысли: когда нет сил выносить диктат внешнего (Фрейд именует его "принцип реальности"), остается не связанное с реальностью функционирование внутреннего (которое состоит в иллюзорном удовлетворении желаний, потому что психоанализ внутреннее отождествляет с "принципом удовольствия").

В выделении онтологической неуверенности интересно также и то, что существует некая обратная к ней онтологическая уверенность (Лэйнг пишет: "Человек может обладать чувством своего присутствия в мире в качестве реальной, живой, цельной и, во временном смысле, непрерывной личности" (с. 33)). О том же самом писал Винникотт; даже, по-видимому, это его мысль. Сама мысль интересна, возможно, в рамках эксплицирования подспудных жизненных установок.

Характерно, что в "Разделенном Я" почти не идет речь об излечении, хотя на практике Лэйнг лечил больных. Из книги Лэйнга так же не просто понять, как следует лечить онтологическую неуверенность, как из книги Сартра понять, как лечить тошноту. Сам Лэйнг мог бы сделать терапевтические выводы, для этого ему стоило толь-

⁹¹ Об этом Лэйнг много пишет в книге "Self and Others".

⁹² "Разделенное Я", с. 33 и далее.

ко рассказать, как он лечит. Этого нет, и это лучше всего показывает, как мало уже в тот период значила для него цель излечения. Он еще не сомневался, что психоз болезнь. Будучи врачом практиком, он строил свою врачебную деятельность так, чтобы помочь больным адаптироваться (этому, например, служила Rumpus Room), однако, по всей видимости, сам уже не думал об этом.

Впрочем, важнее всего то, что это именно объяснение, написанное понятным языком, часто почти художественно убедительное, всегда совершенно ясное в том числе для тех, кто не собирается сходить с ума. Начиная с "Разделенного Я", стало больше невозможно говорить, что психоз принципиально недоступен здоровому сознанию. Фактически Лэйнг открыл для здорового сознания двери в шизофрению, которые были до этого закрыты стеной непонимания.⁹³

2. (Антипсихиатрия). "Политика Переживания"

Итак, понимание как возможности "войти в двери" шизофрении уже существовало. Для первого периода, однако, характерно, что шизофрения еще была видом недостаточности. Быть шизофреником представлялось нежелательным. В какой-то момент произошла переоценка ценностей (этот момент - начало шестидесятых). Ни в философском, ни в научном смысле ничего нового по существу дела не появилось. Широко распространенная в философии психиатрии формула "психическое заболевание есть неудача адаптации" путем замены знака была преобразована в формулу "психическое заболевание - это удача дезадаптации". Переоценка ценностей привела не к какой-нибудь принципиально новой философии, а к новому социальному функционированию и несколько иному духу научных книг. Вышедшая в начале 60-х "Я и другие" (Self and Others) - теоретическая работа по социологии психических болезней, в ней истина (уже вполне антипсихиатрическая по духу: другие вызывают у Я шизофрению; иными словами, еще более заостряется противопоставление "Я/внешний мир", последний рисуется черными красками, педалируется его репрессивность)

⁹³ Я, разумеется, не имею в виду, что он проложил для кого-либо путь в шизофрению как в болезнь. Прочитав "Разделенное Я", нельзя сойти с ума. Можно понять тех, кто болен (тех, кто не смог быть нормален). Однако с *пониманием* безумия обычно коррелирует (как в первом психологическом периоде, в начале века, так и во втором, шестидесятых годов) увеличение *самовыражения* безумия, см. главу о ФПС. Возможно, это связано с требуемой для самовыражения отвагой, которая, при общем настрое на непонимание, разумеется, должна быть больше. Не исключены и более тонкие культурные механизмы.

представлена в виде графиков и таблиц. Следующая *Sanity, Madness and the Family* уже намного менее научна. Что же касается программной "Политики переживания", это написано совсем не в теоретическом стиле. Смысл всей книги в том, что это лозунг.

Лэйнг посвящал очень много времени изучению психологических условий, в которых живут шизофреники в их семьях. Эти исследования, которые он проводил в Тэвистоке, начиная с начала 60-х годов вдохновлялись работами Грегори Бэйтсона. Последний - антрополог, культовая фигура (см.прил). Именно Бэйтсон со своей школой, т.наз. Пало-Альто, в начале 50-х годов положил начало исследованию семей шизофреников. Он же ввел первичную терминологическую базу: "двойная связь", "безвыигрышные ситуации", "нексусы" и так далее. Лэйнг был этим очень увлечен. Что на почве неблагоприятных условий возникает шизофрения, ему удалось убедить (возможно, за счет исключительно увлекательного художественного стиля).

Надо заметить, что уже в "Разделенном Я" идет речь о двух не совсем связанных вещах. 1) Во-первых, шизофрения возникает от онтологической неуверенности. В этом Лэйнг - ученый и врач, создающий психиатрию на основах феноменологии и экзистенциализма. Онтологическая неуверенность, о чем он пишет недвусмысленно, вид психической неполноценности индивида (если сразу становиться на точку зрения антипсихиатрии, то это будет вид сверх-полноценности; в любом случае это индивидуальная особенность). Видно, что его психиатрия в данном случае вполне эмпирична и позитивна, то есть, по сути, это "наука о природе". 2) Во-вторых, шизофрения возникает под влиянием психологически тяжелых условий; местами он характеризует их как "невыносимые". В этом Лэйнг - критик общества. Когда он пишет об условиях и о человеческой реакции на них, его психиатрию уже приходится считать наукой не о природе, а "о духе".

В данном случае кажется важным подчеркнуть, что речь идет о противоречии естественнонаучное-гуманитарное, иными словами, о переходе от разговора об "индивидуальной особенности" (шизофрения как болезнь) к разговору о "логичной реакции на условия", то есть к разговору вообще. В сущности, это переход от эмпирической науки к философии. В период поздней антипсихиатрии, антипсихиатрии как социального действия, он уже твердо стоял на позиции философии и науки о духе. Но он этот переход совершил. Путь ему подготовил, возможно, Ясперс, который совершил такой же переход.

Поскольку шестидесятые годы - это, выражаясь в терминах культурологии, период воскресения романтизма, вполне ясно, почему настроение Лэйнга было антипозитивистское. В это время происходило изменение устроения общества против рациональности, в частности, против науки. Рациональной науке противостоит мно-

гое, например, искусство, фантазия и т.п. По-видимому, Лэйнг выбрал шизофрению просто потому, что она была у него перед глазами, поскольку он был психиатр. Если бы он не был психиатром, скорее всего он избрал бы другой способ постижения иррационального и существования в нем (в пользу этого предположения говорит, например, то, что он писал литературные произведения [Laing, 1970], что его серьезно интересовала религия (об этом он много писал в "Фактах жизни"), что он расширял сознание наркотиками типа ЛСД). В любом случае противопоставил бы *какой-то* внутренний (трансцендентный) мир внешнему. В антипсихиатрии ключевой момент - протест против внешнего мира. Психиатрический материал в ней обусловлен во многом просто тем, что был у Лэйнга перед глазами⁹⁴.

Автор слова "антипсихиатрия" - Купер. Купер мыслил это движение как политическое. В отличие от соратника, Лэйнг не был политически активен. От чисто научных исследований он мог отклоняться либо в сторону философствования, и тогда появлялись такие произведения, как "Разум и насилие" [Laing, 1964], посвященные переписыванию Сартра, либо в сторону художественного творчества, и тогда появлялись совершенно удивительные, щемяще-лирические вещи, например, "Ты меня правда любишь?" [Laing, 1974]. И все же, хотя Лэйнг не стремился быть политиком, "Политика переживания" написана, местами, публицистическим языком, напоминающим Маркузе. Общественная критика занимает в ней более 2/3 и не отличается глубиной и оригинальностью (хотя отличается искренностью), потому что, главным образом, повторяет то, что было сказано в течение 60-х годов и без Лэйнга. Что касается слов о переживании, то их можно возвести к Дильтею и Бергсону. Если бы эта книга ограничилась превознесением переживания, даже в психотическом варианте, она, наверное, не представляла бы настоящего интереса. Но, на мой взгляд, в ней великолепна глава, посвященная трансценденции в психозе. (Про эту главу я более подробно напишу ниже: "Онтологический критерий нормы").

Антипсихиатрия стоит именно на этом; возможно, в этом же разгадка того, почему Лэйнг, бывший до того серьезным ученым, какое-то время мог отстаивать ее с

⁹⁴ Следует добавить к этому рассуждению то, что Фуко, по его собственному свидетельству, сделался "антипсихиатром" в результате того, что (почти случайно) познакомился с функционированием психиатрической больницы [Egibon, 1989. P. 20-21]. Об этом пишет также З.Сокулер в предисловии к книге Фуко [Фуко, 1997, с.7].

такой страстью. Он поставил целью показать, что через двери психотического состояния в переживание входит трансценденция и религиозный опыт. И для самого него это увлечение было, как представляется, религиозным⁹⁵. Насущная необходимость указать на - по меньшей мере ментальное - существование некоего невидимого была, возможно, обусловлена тогдашней культурой (авангардом, в терминах Доброхотова).

Весь этот период в жизни Лэйнга был переполнен деятельностью, которую он называл политической. Достаточно странно, не правда ли, что к политике можно отнести такую, казалось бы, внутреннюю вещь, как переживание. (А еще у Лэйнга была "Политика семьи" [Laing, 1969] и т.п.) Но жизнь человека небезразлична для других, не может их не касаться. Другие всегда будут источником переживания; переживание не может не иметь отношения к другим. Другие существуют внутри субъекта, хотя никогда этого не видят. Они отвергают переживание, сопереживают переживанию (чаще, конечно, не сопереживают), понимают и не понимают переживание, понимают и не понимают даже тот факт, что оно есть. Наконец, они репрессируют переживание. Именно этим занимается вся современная наука, в особенности психиатрия. Будучи обречен на экзистенциальное одиночество, человек обречен на одинокое переживание, которое всегда принадлежит только ему, но всегда имеет отношение к другим ("Политика переживания", с. 224). Ему надо с этим что-то делать, и иногда (в случае "онтологической неуверенности") это становится непросто. В данном случае это и есть политика⁹⁶.

В ходе антипсихиатрической деятельности переживание пытались реабилитировать, даже жить в нем. Это уже неизбежно обращалось в политику. Политикой становились даже чисто, казалось бы, медицинские вещи. Например, из текста "Разделенного Я" и "Политики переживания" легко можно сделать вывод, что в заболеваниях

⁹⁵ "Светский психотерапевт часто находится, так сказать, в роли слепца, ведущего наполовину слепого", "Мы живем в светском мире. Чтобы приспособиться к этому миру, ребенок отрекается от своего восторга" (Политика переживания, с.318), "У Амоса есть пророчество, что время будет, когда на земле наступит голод, "не голод хлеба, не голод воды, но жажда слышаний слов Господних". Такое время сейчас пришло, это - настоящее" (с. 319); в "Политике переживания" таких высказываний очень много. Ср. у Фуко: "Психиатрическая больница есть сфера религиозности без религии..." [Фуко, 1997, с. 483].

⁹⁶ В политике переживания Лэйнг пишет: "нет такого состояния, как "шизофрения", но этот ярлык является социальным фактом, а социальный факт - п о л и т и ч е с к и м с о б ы т и е м" (разрядка Лэйнга). - Политика переживания, с. 302. Это соответствует также позиции Шеффа, Шаша и Фуко. [Scheff, 1967; Szasz, 1974, 1977, 1978].

шизофренией молодых людей Лэйнг обвиняет репрессивность их родителей. (Это, конечно, не совсем так. В "Разделенном Я" Лэйнг оговаривается, что прямо и сознательно родители не причиняют вреда; вредом для онтологически неуверенной личности в принципе является само со-пребывание с другими; вина родителей скорее в том, что они не поняли, что их ребенок онт.неуверен, хотя в принципе, подумав, могли бы это понять). Именно чтобы освободить этих молодых людей от их семей и были в основном образованы антипсихиатрические коммуны, хотя там жили не только молодые люди. Из мистического мира внутри шизофреника Лэйнг хотел сделать какой-то мир, доступный интересубъективности, не прекращая мистического состояния, повернуть шизофреника к другим, раскрыть его. Тогда ценность психоза стала бы уже несомненной; психоз превратился бы в гениальность в чистом виде. Поэтому в Кингсли-Холле устраивались выставки, вечера и т.п. Закрыли Кингсли-Холл тоже отчасти по политическим причинам: беспокойной жизнью его обитателей были недовольны соседи.

В антипсихиатрию внес большой вклад общий шестидесятнический настрой на протест против рационального и одномерности. Речь, в том числе, о Маркузе, с которым у Лэйнга было много общего. Немецкий социолог участвовал в конгрессах, организуемых антипсихиатрами. Лэйнг понимал одномерность так же, как Маркузе, и предложил из этой одномерности другой выход, если так можно выразиться, интравертированный: внутрь себя. Революционеры шестидесятых искали выход из невыносимой правильности мира как могли. Этот мир им представлялся полностью расчлененным; им казалось, что его насильно превратили в (предзаданную) понятийную систему; практически, видели они, позитивизм свел его к уровню материального субстрата. Модерн мог протестовать против этого утритированием начала человечности. Авангард протестовал против этого (не против модерна, а против позитивизма) иным способом: он указывал на "нечто иное". Это "иное" может быть дано любым образом, в том числе интроспективно. Интроспективные поиски были не чужды, допустим, студентам Сорбонны, которые в 1968 году вышли на улицы Парижа с лозунгом "Вся власть воображению".

Антипсихиатрия - тоже вариант поисков внутри себя. У нее, в общем, три составляющие: протест, психоз и религия (мистика); первый объясняется культурной реальностью тех лет, второй тем, что Лэйнг был психиатр, а третья составляет содер-

жательную, так сказать, фактическую часть антипсихиатрии. То есть я вижу в антипсихиатрии явление по сути культурное, которое было религиозным и медицинским некоторым образом чисто внешне. Доброхотов в своих терминах рассматривает религиозность как проявление "авангарда" (движение к тому, что "вовне"). Получается, имело место культурное требование религиозности (об этом же, между прочим, писал и сам Лэйнг: "Общество, не зная о том, *жаждет* внутреннего..." [Лэйнг, 1995, с. 317]).

Для русской ментальности, возможно, было бы естественнее обратиться к православию, во всяком случае, к христианству. Но в Европе, где массовое Просвещение началось не в 1917 году, как у нас, а на три века раньше, догматическое христианство до сих пор иногда кажется оружием лагеря ретроградов⁹⁷. Поэтому, хотя он был очень склонен к мистицизму, воспитывал в религиозном духе детей⁹⁸, постоянно приводил как аргумент религию в "Политике переживания", даже доходил до того, что объяснял психоз, как в Средние Века, одержимостью бесами (именно так написано в "Политике переживания"⁹⁹!) - христианином Лэйнг не был. Позже он склонился к буддизму.

Религия и рационализированное вопрошание

По сути религиозность Лэйнга всегда была, если так можно выразиться, совершенно бесформенной. Если пытаться выразить формулой веру такого рода, то это будет примерно "(эмоциональная) любовь к трансцендентному". Вера как система догм не выдерживает проверки научным методом, а от доказательного мышления современный человек отказаться не может. Опять же, Лэйнг напишет об этом позже, в "Фактах жизни". Он расскажет, как избрал из возможных альтернатив науку за ее метод. На деле альтернатив, надо полагать, и не было. Рационализированное вопрошание, характерное для нашего времени, вообще вряд ли может найти альтернативу научному методу, при его доказательности, его всеобщности, его убедительности и здравосмысленности. Но религиозность как чувство, как переживание, которая лежит в основе любой веры, невозможно отменить. Она может сколько угодно не выдерживать проверки научным методом; он может сколько угодно ее не признавать. Но сама по себе

⁹⁷ Лэйнг пишет об этом в самом начале "Фактов жизни".

⁹⁸ Об этом он пишет в книге "Conversations with Children" [Laing, 1978].

⁹⁹ Напр, Политика переживания, с. 306: "Во время этого путешествия имеется множество возможностей для потери пути... много ужасов, духов, демонов, с которыми встретишься и которых то ли одолеешь, то ли нет".

она останется, поскольку она первична. Лэйнг объясняет первичность религиозного переживания просто: тем, что трансцендентный мир *есть*. Однако и кроме него многие авторы, которые даже не задаются вопросом о том, "есть что-нибудь за этим или нет", постулируют религиозный опыт, как, например, У.Джеймс [Джемс, 1992]. И кажется, что, как бы ни решать вопрос веры на уровне мысли, на уровне переживания имеет смысл постулировать, что религиозное переживание не сводимо ни к какому другому.

Мистическая бесформенная религиозность, вообще широко распространенная в наши дни непосредственно связана с двумя, существующими параллельно, явлениями: с тем, что, с одной стороны, догматическая религия (христианство) практически уничтожена господством нововременной рациональности; с тем, что, с другой стороны, религиозное переживание не сделалось слабее, чем было всегда. Но если раньше оно было воплощено, то теперь ему не во что воплотиться. Для Нового времени был характерен деизм. Этим же, вероятно, объясняется взлет интереса к экзотическим религиям и оккультизму: их догматика меньше разрушена наукой. Впоследствии и Лэйнг сделался буддистом. Если же находиться на своей - для нас европейской - территории и быть последовательным, то, вероятно, возможны такие варианты:

Первый закономерный тупик - полностью неоформленная, безнадежно невыразимая, не претендующая ни на что сосредоточенность религиозного переживания внутри субъекта (что будет его почти наверняка отделять от окружающего, трансцендировать и т.д.). Такая, если можно так выразиться, интравертированная религиозность ставит под большой вопрос основания для бытия-в-мире. Именно таков религиозный экзистенциализм Ясперса, сведенный им в идею "философской веры"¹⁰⁰. Мне кажется, совершенно не случайно практически именно Ясперс за полвека до Лэйнга сформулировал его основные психиатрические идеи.

Второй закономерный тупик - известная с 13 века теория "двойной истины". В классическом варианте она примерно означает, что в церкви верующий исповедует одно (Бог сотворил мир), а в университете тот же человек, становясь философом, формулирует противоположное (мир не имел начала). Это, так сказать, неподлинная религиозность. Нельзя не видеть, что теория двойной истины достаточно распространена в наши дни: по воскресеньям

¹⁰⁰ Отличие Ясперса от Лэйнга в том, что Ясперс свою позицию детально обдумывал, посвящал этому большие труды ("Философская вера"); это приводит у него к большой ясности и однозначности. В частности, он подробно рассматривает вопрос об отношении к мистике и (возможно, под влиянием кантовских "Грез духовидца") обозначает позицию философа по отношению к мистике как отстраненную. Философ, по Ясперсу, в пределе должен довольствоваться только собственной верой, без всяких свидетельств извне. У Лэйнга и обдуманности, и отстраненности меньше - хотя и нельзя сказать, что совсем нет - поэтому отчасти он склонен искать доказательств рационализирующим образом, то есть подыскивая аргументы под уже существующую точку зрения (систему ценностей).

верующий, присутствуя в церкви на литургии, принимает догматы (все сотворил Бог), по рабочим дням, становясь, например, ученым, полагает по-другому (человек произошел в ходе эволюции).

Третий тупик - попытки, как у Лэйнга, отыскать божественное где-нибудь в мире. Это можно назвать экстравертированной религиозностью. И с религией, и с наукой в данном случае приходится обходиться достаточно произвольно. Будучи ученым, такой человек вынужден пересматривать науку, брать от нее только факты (Лэйнг протестовал против вмешательства психиатрии в область ценностей и норм, но активно пользовался базой данных науки). Религии смешиваются между собой, из них берется только то, что подходит, и т.п. Тупик такой путь или не тупик, в принципе, заранее не известно, потому что не известно, удастся отыскать божественное в мире или нет. Однако на практике попытки такого рода чаще всего оканчиваются неудачей, потому что задача непосильна. И наука в современном варианте не готова исследовать такие области, где реальна встреча с божественным. И религия - явление по природе своей догматическое, а в случае христианства агрессивно догматическое! - сопротивляется произвольному обращению с собой, требует полной веры. По крайней мере у Лэйнга это кончилось неудачей, и жизнь его завершилась долгой депрессией, потерей семьи и работы¹⁰¹.

Антипсихиатрия - харизматический период в жизни Лэйнга. Некоторую роль в фантастической окраске того, что делал и писал Лэйнг в шестидесятые годы, сыграло то, что он вместе другими энтузиастами принял участие в работе с ЛСД. "Райская птица" [Laing, 1967], хотя сам Лэйнг это отрицал, написана, вероятно, под влиянием этого препарата. Однако полностью науку Лэйнг не оставляет, в "Политике переживания" он иногда использует вполне логичную аргументацию. Использовать научный метод, чтобы устремиться, как к цели, к Богу (мистике)!

Все это станет понятным позже, из "Фактов жизни". В период "Политики переживания" Лэйнг был еще скорее под впечатлением открытий, сделанных в период

"Разделенного Я". Он отчасти продолжал убеждать читателей, что психотики живут своей жизнью. Эта жизнь представлялась ему обретением Бога, но этого он не мог доказать теоретически, поэтому постоянно в доказательство ссылался на эмпирический материал, приводил клинические случаи (глава "Десятидневное путешествие" в "Политике переживания" - это описание опыта, среднего между шизофреническим и мистическим). Эта жизнь представлялась ему убежищем от одномерности. Последнее, к счастью, он мог доказать теоретически: больные в острой стадии психоза практически не определяются условиями окружающего мира. В "Политике переживания" шизофрения представлена как то, чего не хватает этому обществу, что ему надо принять, ввести в область общей духовности. Пока же шизофреник находится вне общества, тем хуже для общества.

Насколько идея Лэйнга, что психоз есть выход в "трансцендентное измерение", что "вне общества" и "в себе" непременно значит "с Богом", что бред есть "неземной свет, который начал пробиваться сквозь трещины в наши чересчур закрытые головы" (с.308), имеет смысл? Может быть, это так, а может быть, нет. Однозначно это утверждать нельзя, и даже приводимый эмпирический материал не выдерживает критики. Впоследствии Лэйнг практически перестал это утверждать, а антипсихиатрию как общественное явление (клиники и т.п.) светла на нет сама жизнь. Но основной вопрос антипсихиатрии - один из существенных, как я полагаю, конфликтов нашего мира - кардинальное противоречие между: 1) разумом, мыслящим логически и стремящимся как к постижению мира, так и к организации общества; 2) поисками человеком Бога, коренящимися в духовной несамодостаточности человека, его жажде принадлежать и служить не себе, а чему-то высшему, выражением чего служит религиозное чувство - этот конфликт остался. Надо думать, он будет существовать до тех пор, пока не изменится наш мир.

¹⁰¹ Вот что писал о подобных намерениях в начале века М.Вебер: "Избавление от рационализма и интеллектуализма науки есть основная предпосылка жизни в единстве с божественным - такой или тождественный ему по смыслу тезис стал основным лозунгом нашей религиозно настроенной или стремящейся обрести религиозное переживание молодежи. ... Однако здесь избирается странный путь: единственное, чего до сих пор не коснулся интеллектуализм, а именно иррациональное, пытаются довести до сознания и рассмотреть в лупу. Ведь именно к этому практически приходит современная интеллектуализированная романтика иррационального. Такой путь освобождения от интеллектуализма дает как раз противоположное тому, что надеялись на нем найти те, кто на него вступил." [Вебер, 1990, с.718.]

Когда Кингсли-Холл закончил свое существование, период ажитированной политической деятельности для Лэйнга завершился. Отстоять антипсихиатрию он не смог. Официально были запрещены в свободном употреблении вещества наподобие ЛСД, что тоже не могло не привести к ослаблению мистического накала. Необходимость зарабатывать деньги (уже тогда у него было трое детей) вынудила Лэйнга заниматься частной практикой, а реальность этой деятельности состоит в использовании тех методов, которые должны устраивать клиентов и их родственников (антипсихиатрия всегда особенно не устраивала родственников).

В 70-х годах Лэйнг уже никогда не утверждал, что его цель свести здоровых с ума. После конца антипсихиатрии он, оставив радикальные публицистические заявления, постепенно обратился к анализу науки, пристальному осмыслению и переосмыслению своей деятельности, к анализу самого себя.

3. (От антипсихиатрии). "Факты жизни"

Через короткое время после выхода "Политики переживания", в 1970 году, произошёл разрыв Лэйнга с Купером, без которого общественная деятельность для него не имела смысла. Поводом к этому послужили религиозные несогласия. Купер отрицался от религии, считал ее пережитком незрелого сознания и предпочитал такого рода пережиткам ультралевые лозунги типа "Революция делается в постели". Но для Лэйнга религия имела первостепенную важность. Вышло еще несколько его научных книг и много статей, в которых он развивал по-своему ничуть не менее фантастические, но уже другие идеи, базирующиеся на буддизме (применение для излечения от шизофрении регрессии до состояния: 1) детства; 2) младенчества; 3) внутриутробного; 4) до-зачаточного; 5) до-реинкарнационного...). Чем меньше в его теории оказывалось собственно психиатрии и чем больше было религии - тем естественнее казалось перейти к уже существующей религии, в которую следует просто верить и принимать такой, как она есть. Но нужна была религия, подходящая для радикально настроенного ума, отличающегося при этом восприимчивостью к культурным течениям, отсюда буддизм. Оставаясь и в этом ученым, Лэйнг ездил стажироваться в буддийские монастыри на Шри-Ланке. Кажущиеся сумасбродными "реинкарнационные" методы лечения шизофрении - простое следствие того, что он был, как и ранее, вполне серьезен. К

антипсихиатрии содержание этих методов уже не имеет отношения. Параллельно с этим он не прекращал заниматься своей темой: исследованием влияний условий жизни на патогенез психозов.

Кроме того, в третьем периоде Лэйнг повернулся к нормальной жизни, на которую, вместе с общей культурной тенденцией времени, стал смотреть более оптимистически. Правда, выходит очень печальная "Ты меня правда любишь?". Это отчасти драматическое, отчасти поэтическое произведение. Похоже, что эта книга - как ни странно, результат проведенного когда-то в соавторстве с Купером и А.Эстерсоном исследования семей шизофреников. Вообще-то тогда результатом призваны были быть несколько глубоко научных вещей, например, книга "Политика семьи" [Laing, 1969] или статья "Серия и нексус в семье" (Series & nexus in the family). В попытке безупречно изложить полученное в них была употреблена и соответствующая терминология, и статистические выкладки, и вся мощь наработанного школой Бэйтсона, но, вероятно, осталось не сказанным нечто, важное, по крайней мере, для Лэйнга, а именно - то, что он называет переживанием. Он *не смог* выразить всего отчаяния и всей безнадежности, которую вызвало в нем это исследование. (Можно, вслед за Лэйнгом, утверждать, что научный язык принципиально не способен этого выразить. Можно сказать, что дело в субъекте: Лэйнг не мог быть до конца ученым, он должен был быть в какой-то степени поэтом; его читатели не могут быть до конца читателями научных книг, они должны быть в какой-то степени читателями художественной литературы. Но обсуждение этого вопроса здесь невозможно). Такие вещи как "Серия и нексус в семье" служат цели бесстрастно описать, к примеру, что семьи существуют двух видов: 1) серия (где все равнодушны друг к другу), 2) нексус (где все друг друга мучают). Такие вещи как "Ты меня правда любишь?" существуют для того, чтобы мучить читателя тем, чем герои мучают друг друга. Выражаясь языком аналитической философии, то, что может быть сказано, может быть сказано ясно (=научно), а что не может быть сказано, то может быть показано. Научные книги Лэйнга говорили ясно то, что может быть сказано, художественные - показывали то, что он сказать не мог. Такое разделение, сформулированное Л.Витгенштейном в начале века, у Лэйнга держалось до 1976 года, позже он отказался от него и стал писать все подряд (см. главу "Факты жизни"). "Ты меня правда любишь?" - грустная вещь, но ее безнадежность компенсируется замечательными "Беседками с детьми" [Laing, 1978]. Лэйнг стеногра-

фически записывает беседы с собственными сыном и дочерью. Отчасти можно сказать, что у него еще остается надежда, что дети - это тот неиспорченный материал, в среде которого еще нет нексусов и остальных ужасов настоящего времени. Однако светлая атмосфера книги порождается не этим. Вообще-то по текстам самих бесед видно, что Лэйнг отнюдь не ищет нарочитого умиротворения. Вот пример одной беседы:

	Tuesday 5 Oct 1976		5 октября 1976, вторник
Adam	if you had a wish what it would be?	Адам	если бы у тебя спросили желание, ты бы что пожелал?
Me	can it be for a state or a thing or	Я	желание о чем: чтобы сделаться каким-то, или иметь что-то, или...
Adam	of anything you like	Адам	все равно, о чем хочешь
Me	I would like to be happy - if I was <i>happy</i> then a lot of things would have to be right	Я	я бы пожелал стать <i>счастливым</i> - если бы я был счастлив, сразу все остальное стало бы лучше
Adam	and what would your next wish be?	Адам	а второе желание какое бы у тебя было?
Me	that everyone else be happy	Я	чтобы все другие тоже были бы счастливы
Adam	<i>everyone?</i> in the whole world?	Адам	<i>все-все?</i> Во всем мире?
Me	yes. why not?	Я	да. а что?
Adam	even against their will?	Адам	даже против своей воли?
Jutta	do you think there's anyone who doesn't want to be happy?	Ютта	а что, разве бывает, что кто-нибудь не хочет быть счастлив?
Me	well ok. I don't want to <i>force</i> anyone to be happy. Let's say all those who want to be happy can be happy.	Я	ну ладно. Я никого <i>заставлять</i> быть счастливым не хочу. Пусть бы стали счастливы все, кто сам этого хочет (пауза)
	(pause)		
Adam	daddy?	Адам	пап!
Daddy	Yes	Папа	что?
Adam	would you rather be strong or weak?	Адам	что бы ты выбрал: быть сильным или слабым?
Daddy	I would rather be strong	Папа	я бы выбрал быть сильным
Adam	would you rather be wise or stupid?	Адам	а что бы ты выбрал: быть умным или глупым?
Daddy	I would rather be wise	Папа	я бы выбрал быть умным
Adam	would you rather be weak and wise, or stupid and strong?	Адам	а что бы ты выбрал: быть слабым и умным или сильным и глупым?
Daddy	weak and wise	Папа	слабым и умным
Adam	and would you rather be happy and weak, or proud and strong?	Адам	а что бы ты выбрал: быть счастливым и слабым или гордым и сильным?
Daddy	happy and weak	Папа	счастливым и слабым

(Перевод мой. Он не абсолютно точен: я старалась передать впечатление разговорного языка, которое присутствует в оригинале. Сохранены особенности орфографии Лэйнга.)

В восьмидесятих годах Лэйнг писал в основном художественные вещи, а также несколько книг публицистического характера, главная тема которых - философия науки. Самая яркая из них "Факты жизни" (Facts of life, 1976).

Антипсихиатрия

Вообще говоря, антипсихиатрия - явление более практического, чем теоретического порядка. Изложение происходящего в области практического неизбежно является историческим повествованием. Мне хотелось бы изложить это максимально кратко, только чтобы дать представление о том, что это было. Для реконструкции событий я пользовалась книгами Лэйнга, биографическими материалами о нем, а также литературой и журналистикой тех лет (Going Crazy, Laing & Antipsychiatry etc).

Общая картина: 60-е годы

О шестидесятих годах необходимо написать, во-первых, потому что в отношении того, чему посвящена моя работа (особый период в развитии психиатрии), это переломное время, во-вторых, потому что такое частное явление, как происшедший тогда психиатрический перелом, целиком вписывается в общий контекст эпохи и, может быть, было бы вообще невозможно в другое время.

В смысле науки, кажется, общество отреагировало на то, что она в какой-то степени исчерпала возможности (хотя впереди и был прогресс высоких технологий). Возможно, сыграло свою роль то, что не было больше неоткрытых земель на земном шаре; подъемы на Эверест могут служить физическим, но не психологическим заменителем первооткрытий. Конечно, нельзя сказать, что "не было ничего неоткрытого", тем более что это было время физики, однако трудно спорить с тем, что ординарную общественную мысль не могут увлечь перипетии взаимопревращений пи-мезонов. Ординарную мысль - в смысле прогресса науки - увлекают такие вещи, как открытия земель, космические путешествия, изобретения роботов. Какая-то часть общества, конечно, была увлечена этим; это не та часть, которая поддерживала душой реорганизацию психиатрии. Другая часть не видела новых земель науки. Она почему-то перестала видеть науку в перспективе прогресса. Наступило в общем и целом антисциентистское время. [Миронов, 1997]

В сциентистское время, когда наука увлекает, о ее жертвах не думают (даже если они есть). О них начинают думать не когда, допустим, их делается слишком много, а когда наука перестает увлекать. Почему-то именно это произошло во второй половине 20-го века.

В.Миронов склонен рассматривать вообще все возможности общественной мысли сквозь призму диалектики сциентизм-антисциентизм [Миронов, 1997]. По-видимому, это в самом деле может быть исчерпывающим (одним из исчерпывающих) оснований рассмотрения, когда речь идет о, так сказать, высших эшелонах культуры. Именно это важно с точки зрения психиатрии. Однако лично мне остаются до конца неясны глубинные причины этой диалектики. Почему XIX век был временем сциентизма, а XX - антисциентизма? В двадцатом веке наука достигла, казалось бы, больших успехов. Возможно, дело в том, что было мало настоятельных вопросов. Мало что оставалось неоткрытым (в науке всегда много неоткрытого, но это может и не восприниматься сознанием обычного человека).

Как бы то ни было, период антисциентизма наступил, несмотря на все успехи науки. Параллельно с антисциентизмом - как одно явление - было недовольство истеблишментом. Что за явление, которое объединяет в себе и протест против науки, и протест против истеблишмента, я сказать не могу¹⁰², но именно оно наступило в 60-е годы.

Сама по себе наука, конечно, не исчезает даже тогда, когда общественная мысль перестает мыслить ею (задавать ей свои вопросы, видеть ее с собой одним целым - то есть видеть ее лучшей частью себя - как это было в 19 веке). Наука не целиком порождение социума. Она представляет собой автономное представительство истины, ее можно рассматривать как, так сказать, проекцию Абсолютного духа. У нее есть внутренняя логика, которой она до какой-то степени следует. Степень эта зависит от того, насколько ей позволяет это делать общественное настроение. Например, в сциентистские времена науку могут финансировать больше, чем в антисциентистские, когда ей будут предпочитать, допустим, социальные программы. Еще одна проблема во взаимоотношении внутренней логики науки и социального заказа: сознание ученых. Уче-

¹⁰² Возможно, важная мысль об этом Фуко - знание и власть по сути представляют собой одно и то же (в рациональном обществе) - могла бы послужить отправной точкой для рассуждения на эту тему, но в данной работе углубляться в этот вопрос нет возможности.

ные люди и как таковые порождены социумом. Например, во времена советской психиатрии было много ученых, которые были коммунистами. Насколько советская психиатрия подчинялась коммунистическому давлению вынужденно и насколько искренне? Эту проблему можно сформулировать более обще: насколько наука развивается исходя из собственной внутренней логики и насколько - исходя из культурного порождения человеческого сознания? Я не претендую разрешить этот вопрос.

Психиатрия - наука; ее слушали (во времена сциентизма) или ей диктовали внешний общественный заказ (во времена антисциентизма). Кроме того, психиатрия социальный институт, ответвление истеблишмента. Истеблишмент считает безумными тех, кто не принимает его. Но когда их сделалось слишком много, общественная мысль настроилась против психиатрии. В этом, как я это вижу, истоки антипсихиатрии. Отменить психиатрию вообще сразу нельзя, например, потому что что-то надо делать с теми, кто уже, так сказать, давно сошел с ума. Перед Лэйнгом стояла задача мыслить и действовать в контексте своего времени, но, с другой стороны, действовать в контексте такого явления - психиатрии - которое само по себе представляло с точки зрения духа времени до некоторой степени анахронизм. Естественный выход в данном случае было преобразовать явление. В том, что антипсихиатрия быстро стала социальным явлением, основную роль, как кажется, сыграла общая атмосфера 60-х годов¹⁰³. Что касается психиатрических проблем, то в общественном сознании какая-то связь с безумием всегда присутствует, это исчерпывающе показал Фуко. Однако в разные эпохи это понимается по-разному.

В наше время в России, например, эксперименты по нетрадиционному излечению шизофреников с помощью творчества или преобразования больниц не привлекают большого социального внимания. А такой вид нетрадиционного лечения, как организация при больницах православных церквей, обсуждается в газетах, о нем пишут без большой связи с медициной, только в связи с церковью. На этом примере видно, что то, *что* общество думает о безумии, зависит от того, о чем оно думает вообще.

Социальная деятельность

Основное действие заключалось в реорганизации больниц. В 1965 году была учреждена коммуна Кингсли-Холл, для которой было куплено на деньги благотвори-

тельного фонда трехэтажное здание на одной из улиц на окраине Лондона. Здание не было обнесено забором (впоследствии в 1970 году коммуна была закрыта по требованию соседей). В принципе, Кингсли-Холл был не первый проект такого рода, его предшественник - Rumpus Room (недаром Лэйнг ей гордился). Еще один предшественник Кингсли-Холла - проект Дэвида Купера под названием "Вилла 21" (тоже дом на окраине Лондона). Еще один - деятельность израильского психиатра Аарона Эстерсона. Последний воспользовался существующей структурой киббуца и создал нечто вроде киббуца для шизофреников. Кингсли-Холл из всех аналогичных проектов наиболее известный, возможно, потому, что о нем тогда была речь в средствах массовой информации. Одна из выздоровевших пациенток написала о том, что с ней было, произведение (*Mary Barnes: Two Accounts of a Journey Through Madness*), которое было впоследствии превращено в театральную пьесу Джозефом Берке, одним из соратников Лэйнга по Кингсли-Холлу.

В 60-х годах Лэйнг, Эстерсон и Купер действовали вместе. Вместе они организовывали Кингсли-Холл, вместе писали книги [Cooper, Laing, 1964; Esterson, Laing, 1964], вместе появлялись в радио и теле передачах, вместе организовали конгресс "Диалектика освобождения" (Dialectics of Liberation), в котором участвовали Г.Маркузе и другие сторонники новых левых. Надо признаться, что философский базис социальных идей Купера я не очень понимаю; трудно объяснить, какой смысл он вкладывал в понятие диалектики, что же касается освобождения, то по всему контексту его произведений кажется, что основной темой освобождения для него была сексуальная революция. Такая ультралевая позиция была Лэйнгу чужда. В 1970 году он и Купер из-за идейных разногласий разорвали сотрудничество.

Не участвовал в деятельности антипсихиатров, но вдохновлял ее в теоретическом смысле Грегори Бэйтсон (о Бэйтсоне см. Приложение). Он автор известной теории "двойной связи". Согласно этой теории, шизофрению у детей вызывают родители, когда предъявляют к ним невыполнимые требования. Лэйнг горячо разделял идею о психологической природе шизофрении.

Некоторые имена тех, кто поддерживал антипсихиатрию или имел к ней отно-

¹⁰³ Лэйнг, в частности, пишет в "Политике переживания": "Общество, не зная о том, жаждет внутреннего..." (с. 317).

шение, одиозны, например, Тимоти Лири. В те годы он уже давно расширял сознание с помощью ЛСД. Однако вместе с неотделимой от него ультрамаргинальной позицией это был известный психолог и в том, что касается общественного анализа, проницательный человек¹⁰⁴. Лэйngu были близки работы кружка Лири (самые известные авторы он и Гордон Олпорт) о мистике [Лири, Метцнер, Олперт, 1998]. Основная мысль идея этих работ была такая, что мистический опыт един, разнообразны способы его получения. Та же идея владела Моро де Туром (см. главу "Физиологическая психиатрия"). Ее же разрабатывал Юнг. Юнг был преимущественно теоретик; кружок Лири экспериментировал (как на себе, так и на испытуемых); среди способов получения мистического опыта был прежде всего ЛСД, которым авторы пользовались вследствие его простоты, а также религиозный мистицизм всех религий, медитации и трансы различного происхождения, опыт загробных переживаний и так далее. Тот же самый опыт у шизофреников. Впоследствии к развитию этих же соображений подключились эсаленцы Станислав Гроф, Фритьоф Капра и другие (см. прил.).

Лири не имеет прямого отношения к антипсихиатрии, в том смысле, что он не работал с Лэйнгом и не жил в антипсихиатрических больницах. Я пишу о нем потому, что он ясно выражал то, что у Лэйнга фигурировало скорее подспудно. Если формулировать это еще яснее, это превознесение мистики любого происхождения, только за то, что это "что-то другое"; превознесение иррациональности только за то, что это не рациональность (а "что-то другое"); превознесение измененного состояния сознания - что бы его ни изменяло - только за то, что это "что-то другое". Другими словами, в общем и целом это настроение крайнего недовольства тем, что есть, и острое желание чего-то другого.

Чего именно? При попытке осмысления шестидесятнического движения из перспективы настоящего времени представляется, что то другое, что они искали - это что-то вроде фантазии ("вся власть воображению"), мечты, лирики, что-то вроде серьезного существования *воображаемого* (последнее целиком совпадает с мыслью Доброхотова о существовании авангарда). Примерно это Лэйнг писал в "Политике переживания": "чтобы Эго было слугой божественного, а не его предателем" [Лэйнг, 1995,

¹⁰⁴ О Лири см.: M.Horowitz, K.Walls, B.Smith, An Annotated Bibliography of Timothy Leary; Peter Stanford, Psychedelic Encyclopedia (эти материалы доступны в Интернете).

с.319]. Однако в отличие от Фуко и Лири, Лэйнг был практикующий врач. Ему было важно не только философское уточнение искомого, но действие по преобразованию науки. Отсюда берет начало антипсихиатрия как социальное действие. В этом же причина того, что философски антипсихиатрия разработана не очень строго; может быть, это одна из причин, почему она со временем потерпела крушение.

Итак, прежде всего, в антипсихиатрических клиниках не было лечения медикаментами. Это не значит - в отличие от того, что полагают иногда - что лечения не было вообще и что Лэйнг считал его ненужным. Он пытался открыть нетрадиционные способы лечить. Точнее говоря, это были способы помогать¹⁰⁵ (поскольку он признавал, что больные страдают, а страдание, по его мнению, не идеал высшего здоровья¹⁰⁶). Это не должно быть, говоря упрощенно, репрессивное давление на внутренний мир, в том числе психотический. Кроме того, он не считал, что возвращать следует к той норме, которая была до болезни. Его мнение сводилось к тому, что психоз представляет собой вариант выхода из (нежелательной) нормы в (желательное) состояние высшего здоровья. Психоз - не само состояние высшего здоровья, а путь к нему. Именно так можно понять его идею лечения, в том числе даже по такой радикальной книге, как "Политика переживания". Больным надо помогать совершать этот путь. Ни в коем случае не прерывать процесс, возвращая больного к исходной точке (в распоряжении врачей как раз тогда появились средства эффективно прекращать приступы острого психоза). Во-вторых, обеспечить комфортные условия. В-третьих, желательно способствовать прибытию в нужное место, но это не совсем во власти тех, кто здоров, см.ниже о карте местности. В-четвертых, по возможности приобрести к путешествию. В этом один из довольно противоречивых пунктов антипсихиатрической программы. Конечно, нельзя заболеть чужой болезнью. Однако есть средства, во-первых, развернуть больных (путешествующих) вовне, чтобы они поде-

¹⁰⁵ В книге "Факты жизни" (см. гл. 6) он рассказывает о некой Элизабет Фер, психотерапевтическая практика которой заключалась в том, что она особым образом проводила больных через опыт нового рождения; вероятно, были и другие приемы.

¹⁰⁶ Здесь, как и вообще, интересно соотношение с позицией Ясперса: для Ясперса, в каком-то смысле, страдание идеал. С одной стороны, это свидетельствует о близости Ясперса к антипсихиатрии в области критики здорового сознания, с другой стороны, мне кажется (может быть, я домысливаю), что Ясперс желает пребывать в состоянии психического здоровья, но в не в мире нормальной жизни, и не видит иного способа, кроме страдания; что касается Лэйнга, он видит способ ухода из мира нормальной жизни в отказе от психического здоровья.

лились вехами пути. Этого можно достигнуть, например, через их творчество (идея была и у Яспера). Во-вторых, пользоваться галлюциногенами и так далее (см. выше об экспериментальной мистике).

Как бы то ни было, важно, что идеалом предстает все-таки некоторый гипотетический конечный пункт, а не сам психоз. Что это за конечный пункт, Лэйнг в деталях не объясняет (хотя в "Политике переживания" приведен рассказ о больном, который, пережив психоз, обрел некое пост-мистическое понимание¹⁰⁷). Вообще говоря, идея, что выздоровевшие психические больные до некоторой степени "лучше" (в интеллектуальном и социальном смысле), чем те, кто были всегда здоровы, встречается уже у Пинеля.

Антипсихиатрия как философия

Центральные книги антипсихиатрии: Купера "Психиатрия и антипсихиатрия" [Cooper, 1967] и Лэйнга "Политика переживания" [Лэйнг, 1995]; обе вышли в 1967 г. Очень значима также вышедшая в 1972 книга Фуко "История безумия в классическую эпоху" [Фуко, 1997]¹⁰⁸. Кроме того, важна книга Шаша "Миф о психической болезни" [Szasz, 1974], вышедшая в 1974 г. Весьма важна для Лэйнга теория Бэйтсона. Кроме того, если можно так выразиться, манифестирует предвестие антипсихиатрии философия Яспера.

По этим книгам реконструированы основные идеи антипсихиатрии¹⁰⁹:

¹⁰⁷ Гл. "Десятидневное путешествие" [Лэйнг, 1995, с. 320].

¹⁰⁸ Фуко напрямую нельзя отнести к антипсихиатрии, потому что он не психиатр и, следовательно, он ничего не делал, только писал. Однако он писал и больше, и убедительнее, чем Лэйнг (отчасти Фуко ввел в свои книги видимость убедительности за счет широкого цитирования исторических источников, но подбирал он их односторонне). Лэйнг, конечно, был знаком с мыслью Фуко. Он был редактором перевода книги Фуко "История безумия" на английский язык.

¹⁰⁹ Необходимо заметить, что на примере изложения этих идей видно, что все те, кто имел отношение к антипсихиатрии, понимали идею критики традиционной психиатрии несколько по-разному. Это, в общем-то, вполне естественно, поскольку они сталкивались с ней в разных условиях. И исходя из этого наблюдения, мы можем сделать вывод, что антипсихиатрия по своему смыслу является критикой традиционной психиатрии, а не самостоятельным положительным "учением". Те, кто имели к ней отношение, предлагали каждый свое учение, и у всех оно было разное, в зависимости от того, какие каждый из них имел ценности.

А. Психическая болезнь с точки зрения "истины":

1. Психическая болезнь - вид ярлыка. "Объективно" ее не бывает (Шаш, Лэйнг).
2. В крайнем случае, это (объективно имеющая место) реакция на психологически тяжелые условия (Бэйтсон). Это не эндогенный и не физиологический процесс (Лэйнг, Шаш).
3. Вообще-то, какова бы ни была причина психической болезни, и понимать, и лечить ее следует по возможности психологически (Ясперс, Лэйнг).

В. Психическая болезнь с точки зрения "ценности":

1. Психическая болезнь представляет собой ценный для претерпевающего человека процесс перехода из неподлинного бытия к подлинному, новое рождение (Лэйнг).
2. Есть нечто, что психически больные выражают лучше, чем здоровые (Ясперс, Лэйнг, Фуко).

Это кажется несколько противоречивым. Частично причина противоречия в том, что разные деятели антипсихиатрии выражали несколько разные мысли. Но и у самого Лэйнга можно заметить те же противоречия: например, в "Разделенном Я" он пишет, что причина психических болезней одновременно и в семье, и в онтологической неуверенности; а если добавить сюда еще "Политику переживания", то почти окажется, что причина может быть вообще в сверхъестественном ("Называемое нами шизофренией было одним из способов, которым - часто через совершенно заурядных людей - свет начал пробиваться сквозь трещины в наши чересчур закрытые головы" (Политика переживания, с. 308); "Свет, озаряющий сумасшедшего - неземной свет. ...Он может быть облучен светом иных миров. Они могут его сжечь". С. 315). При желании, конечно, противоречия можно примирить. Например, так: если (удачно) сложилось, что некий индивид (от природы) страдает онтологической неуверенностью и (случайно) оказался помещенным в патогенную семью, то (возможно) он окажется доступен "неземному свету", который вообще ни при каких условиях не может

проникнуть в обычные здоровые головы и - тем более - в их сообщество¹¹⁰.

Итак, прежде всего, объявляется, что ничего хорошего в том, чтобы быть здоровым, как это сейчас понимается, нет. Распространенное сейчас представление о здоровье - результат чудовищной культурной ошибки: сосредоточения на внешнем в ущерб религиозному; внешнее противопоставляется религиозному, потому что религиозность понимается только мистически ("Очень похоже на то, что многие люди в наше время не переживали Присутствие Бога или Присутствие Его отсутствия, но лишь отсутствие Его Присутствия". С.318).

Психические заболевания - дар и особая милость, и их надо не лечить, а благодарить за них Бога ("В другие времена люди преднамеренно пускались в такие путешествия. А если они обнаруживали, что уже волей-неволей находятся в нем, то выражали благодарность, как за особую милость." С.334). Наша одномерная цивилизация подавляет любую форму трансценденции ("Погружение во внутреннее пространство и время рассматривается как антиобщественное бегство, патологическое само по себе, антиобщественное и в некотором смысле позорное" с. 305). Ключ к трансценденции единственно во внутреннем мире, но в цивилизации, как она есть здесь и теперь, совершенно отсутствуют знания об этом мире, произошло полное забвение даже очень простых истин, которые были когда-то всем известны; пример такой истины: темные силы существуют и они опасны ("Это очень древнее приключение со своими ловушками и опасностями", с. 313). И если некоторые все же в какой-то момент совершают путешествие во внутренний мир, то путаются там, не понимают, что с ними происходит, ошибочно проецируют свои переживания вовне и так далее ("Они потерялись. Они забыли, что бывали там раньше. Они хватаются за химеры. ... Они не понимают, что происходит, и, похоже, никто их не просветит"). Им надо помочь. Это дело скорее священника, но в данной ситуации роль священника совмещается с ролью врача ("Вместо больницы для душевнобольных - своего рода ремонтного завода для людей - нам нужно место, где люди, далеко путешествовавшие ... могут продвинуться

¹¹⁰ Нужно подчеркнуть, что на самом деле Лэйнг даже в "Политике переживания" формулировал мысли не однозначно. Вот ключевое место о связи психоза и религиозных переживаний: "Мне кажется, что определенные трансцендентальные переживания являются первичными источниками всех религий. У некоторых людей с психозами бывают трансцендентальные переживания. Нередко до психоза у них подобных переживаний не было, и часто их не бывает впоследствии. Я не говорю,

далее во внутреннее пространство и вернуться назад" с. 307.) Практически наверняка искомое состояние высшего здоровья на вид выглядит психозом или по крайней мере утратой адаптации ("Истинное здоровье так или иначе влечет за собой разложение нормального эго", с.319). Путешествия во внутренний мир имеют свою динамику ("Порой ... необычные переживания ... оказываются частью потенциально организованной, естественной последовательности переживаний. Такой последовательности редко предоставляется возможность осуществиться, потому что мы чересчур заняты "лечением" пациента". (с. 303). "Итогом такой неудачной диалектики является *forme fruste* естественного процесса, которому мы не даем возможности осуществиться"(с.304)). Никому не под силу оставаться во внутреннем мире долго. Цель - не заблудиться и вернуться. Путешественник возвращается повзрослевшим, много понявшим, более зрелым и сильным. Именно в этом ключ (один из ключей) к словам о том, что психические болезни - высшая стадия здоровья.

Такова вкратце в антипсихиатрии концепция психоза. Частично Лэйнг дополнил ее в последующих, уже не антипсихиатрических, книгах, как "Факты жизни":

"Возьмем, например, шизофрению. Учебные пособия описывают неспособность чувствовать, отсутствие инсайта, невосприимчивость, роботизацию, машинизацию, потерю ценностных ориентаций, зачастую признание за собой чувств собственной ущербности и незначительности. "Шизоидные" индивиды могут сохранять инсайт, но он не сопровождается эмоциями; мышление может быть четким, но в нем нет души. Когда я, будучи студентом-медиком, впервые столкнулся с подобными описаниями, мне пришло в голову, что это очень точная картина самой медицины, включая психиатрию. Бессердечность, разлад, разрыв между головой и сердцем. Фрагментарность, самая настоящая дезинтеграция Бесплодные когнитивные попытки сложить куски вместе. "Институционально закрепленная" косность когнитивной схемы, самоувековечивающаяся, самоутверждающаяся природа [мыслительного] процесса, который сам по себе никогда не может обнаружить своих изъянов. Когда я читал такие описания, они с самого начала казались мне описаниями описывающих, а не тех людей, которых они пытаются описать." [Laing, 1976]

История антипсихиатрии кончается в начале 1970 годов. Купер еще какое-то время ездил по разным странам с конференциями. Но в философский менталитет это уже не вложило ничего нового.

однако, что психотическое переживание с необходимостью содержит такой элемент более явно, нежели здоровое" (Политика переживания, с.313).

IV. Философия науки Р.Лэйнга

Философия науки постмодерна

Постмодерн предлагает философию науки, которая, возможно, с точки зрения более общих и глубоких систем, таких как кантианство и неокантианство, не может показаться серьезной, однако в культурном смысле она органична. Если формулировать кратко ее основную идею: истины нет. Само по себе это утверждение, вообще говоря, достойно; к нему привел законный философский путь: рефлексия над методом. В первый раз это произошло еще у софистов. В Новейшее время ход мысли был, упрощенно говоря, таков. Мир Нового времени - торжество репрессии. Репрессивная идеология привела ученых к некоторым выводам (Крепелина к утверждению, что шизофрения неизлечима). Итак: 1) наука продукт идеологии, 2) доказать можно все, что угодно. Наша идеология могла привести нас к другим выводам (Лэйнга к утверждению, что шизофрения лучше, чем здоровье). Однако мы совершаем усилие, чтобы вовремя остановиться. Поскольку от идеологии не свободны ни те, ни другие, лучше не делать никаких заключений. Остается сказать, что истины нет, точнее говоря, она неуловима.

Итак, утверждения объявляются продуктами идеологии, результатами соглашений, порождением культурных парадигм; релятивизируются как по оси времени, так и по оси пространства, претендуют на равноправное сосуществование взаимоисключающего и так далее. Если Гегель верил, что единство и борьба тезиса и антитезиса знаменуют (будущее) явление синтеза, в котором оба претерпят снятие, то ученые эпохи постмодерна не верят в синтез. Слишком многое, что казалось вопросом теории, оказалось на самом деле экзистенциально. Синтезироваться и сниматься в итоге синтеза могут теоретические положения. Но если люди отождествляют себя со своей точкой зрения (то есть когда они, если можно так сказать, доходят в ней до предела возможного), гегелевская логика требует снятия людей. Конечно, можно возразить, что научная точка зрения - не человек. Если она оказалась ложной, человек может изменить точку зрения, и это не означает для него экзистенциального крушения. По-видимому, в абсолютно нечеловеческих науках, таких как математика, это в самом деле так, но психиатрия, о которой речь в данном случае, не абсолютно нечеловече-

ская наука. Истина в ней не отыскивается на бумаге, а, к сожалению, во многом представляет собой вопрос веры (это по-разному показывают Ясперс и Фуко). Драма этой науки в том, что ученые могут очень много знать, но иногда не могут это по-настоящему доказать. Часто они едва ли не сами неотъемлемо носят в себе и представляют собой свою позицию. Поэтому гегелевская наука логики не работает. Нельзя обходиться с экзистенциальными выборами как с тезисом и антитезисом, то есть иметь в виду их синтез. Может быть, сам по себе синтез и возможен, но он не доступен сегодняшним людям, на наличном уровне сознания. Экзистенциальный выбор в науке делают тогда, когда интеллект дошел до предела своих возможностей (это может случиться и рано). И поэтому речь идет о неотъемлемом или-или. Постмодерн внес сюда нежелание выбирать до конца, потому что логика выбора до конца требует убийства отождествившего себя с иным выбором противника. Но недопустимо убивать на почве науки. Отсюда научная толерантность и релятивизм. Видно, что этот ход мысли подготовлен Гегелем и Кьеркегором.

Ход мысли Лэйнга был не такой. Лэйнг находился на уровне, предшествовавшем постмодерну, на ступени идеологии "новых левых". По крайней мере, он верил, что истина где-то есть, хотя относительно того, как ее узнать, ему приходилось выдвигать в ряде случаев экстравагантные гипотезы.

"Факты жизни" (1977)

Эта книга - поздняя вещь Лэйнга. В ней он пытается обобщить свою позицию, некоторым образом сформулировать итог. Когда он ее писал, ему было 50 лет. Антипсихиатрия была позади. В эти годы Лэйнг уже почти не занимался общественной деятельностью, хотя иногда выступал по телевизору; темой его выступлений по-прежнему была реорганизация психиатрии. Он погружался в буддизм, ездил в монастыри на восток, практиковал упражнения и так далее. Однако буддизм, судя по всему, не очень помогал, так сказать, общему просветлению сознания. Он все больше пил. "Факты жизни", таким образом, написаны в состоянии кризиса. В смысле языка Лэйнг всегда писал ярко, поэтому книгу читать легко, но после прочтения остается впечатление растерянности и безнадежности.

На русском языке ее нет, поэтому ниже я кратко расскажу ее содержание.

Книга начинается автобиографией (главы 0-1), которая охватывает детство и изложена в повествовательном ключе. Затем идет глава "Размышления"(2), вся состоящая из вопрошаний. В течение нескольких страниц повторяется "что есть я", "в чем смысл жизни", "где найти душу" и "то, что говорят люди обо мне, это их карта меня; то, что я говорю о себе - моя карта меня; а где сама территория?"

Затем в течение 5 глав (3-7) длится "научная" часть. Автор отдается гипотетическому теоретизированию, скорее всего в жанре "мыслей, достаточно безумных, чтобы быть истинными" (маловероятно, конечно, что истинных). Частично речь идет о реинкарнациях, частично об эмбриологии, на какой стадии душа вселяется в зародыш, как дальше идет его развитие, возможны ли воспоминания о внутриутробном существовании, если да, то каким образом, как это связано с ЦНС и так далее. Для нас подобные теории обычно связываются с именем С.Грофа, но в те годы этим занимались многие, и исследования только начинались. Научная строгость не нарушается: построения реинкарнационных схем автор увязывает с эмбриологическими данными. В этой части книги имеются схемы и рисунки. Для иллюстрации воспоминаний о предыдущих жизнях (Лэйнг думает, что они возможны) приведены случаи из клинической практики.

В восьмой главе жанр меняется. Название главы: "Самоописание". Именно это и есть ее основное содержание: наблюдения над собственными эмоциями, обычно над их связью с телом, связью с автобиографией, над своими странными поступками, странными ощущениями и т.п. Некоторые самоописания приведены, чтобы подтвердить высказанные ранее гипотезы (например, о вселении души в зародыш). Даже для тех случаев, которые призваны это подтвердить, автор охотно приводит возможные опровержения. Некоторые - ничего не подтверждают. Часто Лэйнг пишет по следующему шаблону: "Со мной произошло то-то и то-то... Это интересно, но как это объяснить, я не знаю". Некоторые случаи из жизни совершенно явно рассказаны ради цели исповеди.

До и после этой главы структура текста связная, т.е. можно проследить основную мысль или хотя бы доминирующую интенцию, но в "Самоописании" никакой попытки систематизировать опыт нет.

Вот одно характерное место из "Самоописаний":

"Все начинается с того, что я рассказываю Ютте о своем отце. Он уже очень стар, он почти ничего не помнит и, наверное, долго не проживет.

Я начинаю что-то вертеть в руках, потом чувствую, что говорю, запинаясь. Какая-то волна во всем теле... Что-то рвется...

Вдруг все мои чувства резко обостряются \

Я отворачиваюсь. Смотрю на узор на полу справа от меня. Он начинает расплываться: мои глаза наполняются слезами. Хлынув из глаз, слезы льются по лицу; в носу закладывает, из него по лицу тоже льется чистая жидкость (..)

Я не могу дышать носом.

Резкая боль в районе задней стенки глотки. Вся дыхательная система охвачена конвульсиями. Она содрогается, как лодка в бурю.

Диафрагма, межреберные мышцы, мышцы брюшной полости, мышцы языка и лица дергаются рассогласованно. Если я попытаюсь усилием воли прекратить их судороги, у меня, может быть, будет приступ астмы. Если я не буду пытаться это делать -

Мое лицо совершенно распускается, теряет свою форму (когда оно было более хрупким, чем сейчас, я бы сказал: "ломается").

Подрагивания в мышцах обеих щек
непроизвольное дрожание губ \

Рыдания, всхлипывания

Я их не сдерживаю

Так две или три минуты

Потом все это проходит. \

Такие вещи для меня самого представляют загадку

Рассогласование

Потеря речи

Измененное состояние сознания

Необычные физические ощущения

Значительные нарушения физиологических функций

Включающие в себя общие реакции всех отделов ЦНС

Гормональной системы, мускулатуры и так далее

Реакции дыхательной

И сердечно-сосудистой систем"

На этом данное самописание кончается.

Глава 9 - "Примеры из психиатрии". Содержание обычно для Лэйнга: обвинения в адрес традиционной психиатрии, традиционной семьи, традиционного общества и так далее. Лэйнгу удается рассказать несколько ярких примеров ошибочного диагно-

стирования шизофрении, употребления ее как ярлыка для тех, кто по каким-либо причинам отклоняется от принятого стандарта и т.п. В нескольких местах этот нестигаемый борец с нексусами вдруг замечательно отступает от собственной воинственности: (Речь идет о матери девочки, которая довела дочь до шизофрении неправильным воспитанием)

"а может, она может раскаяться и смягчиться? \ прощать и, может быть, быть прощенным... \ и оставь нам долги наши, как мы оставляем должникам нашим!"

Эта глава, которая вообще-то, судя по названию, должна была вся состоять из примеров из психиатрии, кончается следующей, по характеру дневниковой, записью:

"7 октября 1973, Лондон

Телевизионный комментатор, мужчина средних лет:

'... в прошлом году она победила в нескольких забегах

у нее должны были родиться близнецы

но, конечно

с близнецами не побегаешь

пришлось прервать беременность \

и вот она снова на беговой дорожке

я думаю, она должна выиграть этот забег

давайте пожелаем ей удачи

и сейчас

и в будущем!" \

я сначала подумал, что он говорит

о какой-то женщине-спортсменке,

но оказалось - о лошади

впрочем,

сегодня лошадь

завтра женщина

какая разница?"

Следующие две главы: небольшая "Научный метод и мы" (10) и "Одна лекция" (11) - публицистика антисциентистского направления. Их основное содержание - критика науки, точнее, в основном методов, которыми она действует, но отчасти и целей (Лэйнг дает, главным образом, примеры из собственного опыта). Доказательства - иллюстрации, выводы - по характеру лозунги, типа: "Научное вмешательство - самое разрушительное из всех вмешательств. Только ученый знает, что нужно делать, чтобы

вмешаться наиболее разрушительно." (Не сказано, почему, неизбежно ли это, в природе ли это науки и так далее). Под конец нарастает пафос отвержения позитивистских, технологических методов в науке, вплоть до самой технологии в обществе.

"Когда я был студентом в Глазго, я имел счастье учиться именно у тех людей, кто с полным на то основанием относил себя к /позитивистской/ традиции. Если мы полагаем, что представляем собой кусочки некоей химической материи, мы можем запросто брать ткань, кровь, те же нервы и все остальное и запросто проделывать со всем этим все, что нам заблагорассудится, наблюдая, как оно реагирует. Идея состоит в том, чтобы взять эти кусочки химического вещества и терзать, мучить их любым способом, какой вам понравится, все то время, пока, на основании того, что произошло прежде, вы будете пытаться предугадать, что будет дальше. Вы надеетесь, что будете способны предугадать то, что произойдет, если я делаю именно то, что соответствует гипотезе, сформулированной вами на основании того, что произошло, когда вы это проделали. Если вы довольны тем, что получилось, и если вам повезет, вы вполне можете получить Нобелевскую премию. Сэр Чарлз Шеррингтон поставил свое личное клеймо на рефлекторную дугу, хотя не он открыл ее, и теперь рефлекторная дуга навсегда запечатлевается в уме каждого студента-биолога. И если вы не освоитесь с такого рода вещами в биологии, а также в физиологии, анатомии, патологии, клинической неврологии, нейропсихиатрии, у вас нет шанса стать врачом: вы никогда не сдадите экзамены. Сэр Чарлз Шеррингтон когда-то сказал в "Интегративной деятельности нервной системы", что в действительности рефлекторная дуга является экспериментальной фикцией, и привел примеры множества других подобных "фикций". Это одна из статей экспорта из лаборатории в нашу повседневную жизнь: многое в теории и практике обучения, в "программировании" поведенческой терапии основано на представлении о том, что мы, вообще-то *в принципе* — если набраться мужества и отказаться от не поддающихся проверке мнений далеких от науки философов и прочих неучей — не что иное, как физико-химические черные ящики; в такой черный ящик производится ввод, а из него получают вывод. В промежутке происходит нечто вроде основной обработки этих промежуточных битов (которые рассматриваются в сумме). ..."

В конце книги жанр еще раз меняется. Теперь это скорее всего художественная проза без сюжета: огромное количество диалогов, то с незнакомыми людьми, то с женой и дочерью; выдержки из дневника; описание ощущений, которые испытывает Лэйнг в настоящий момент и так далее. Многие диалоги посвящены теме отчуждения (обычное дело для атмосферы тех лет). Часто обвиняемым лицом, воплощающим холодность, невнимательность и так далее, Лэйнг выводит самого себя. Например, вот краткий диалог с дочерью:

«Наташа папа, тебе нравится мое новое платье?»

Я (пишу)очень хорошее

Наташа откуда ты знаешь, ты же его не видел?
(Я забыл поднять голову)»

Анализ жанра (вопрос о цельности)

На первый взгляд, это одна из самых сумбурных и беспорядочных его вещей (при том, что он и всегда писал несколько несистематически). Лэйнг не пытался положить в основание книги единую идею; более того, вся книга посвящена, практически, тому, что этой идеи нет, и опровержению тех идей, которые когда-то существовали в этом смысле. Он спорит и с тем, что было принято, и с тем, что приходило в голову ему самому, и опровергает все. Часть текста доказывает вполне определенные положения (когда Лэйнг пишет, что существует внутриутробная память, ясно, что именно он хочет сказать), другая часть текста не доказывает ничего ("я старался только описывать", пишет он), третья сама точно не знает, что она хочет сказать. "Эта книга не претендует на то, чтобы быть путеводителем для тех, зашел в тупик. Я сам в тупике. Но я делал все, что в моих силах, чтобы показать природу моей растерянности." Часть текста нацелена на убеждение, часть на доказательность, а местами Лэйнг пишет с такой горечью, что оставляет всякие попытки что-либо доказать, показать и вообще достичь, в смысле прагматики текста. Иногда кажется, что даже различны цели соседних абзацев. Лэйнг описывает самого себя для иллюстрации на себе некоторых теорий, просто чтобы рассказать о себе или для покаяния. Даже в тех местах, где речь о науке, изложено много побочного материала, а концепцию науки Лэйнга понять не просто. Самое основное содержание книги - это множество вопросов, отсутствие ответов, признание тупика, попытка изложить максимум материала для того, хотя бы, чтобы возможный выход из него был совершен на следующей ступени (кажется, что искренность такого рода всегда подразумевает прогрессистское доверие к существованию истины).

Лэйнг был растерян настолько в общем смысле слова, что даже едва ли можно сказать, что он был неудовлетворен философией науки (хотя именно этой неудовлетворенности посвящены "Факты жизни"). Он был неудовлетворен вообще тем, как складывается все. Он ведь посвятил всю свою жизнь науке, а это дело в конечном счете оказалось не стоящим того, может быть, даже вредным. Он понял это давно, когда-то он создал новую науку антипсихиатрию, но жизнь похоронила ее. Дело, которому че-

ловец посвящает себя, неизбежно должно представлять перед ним в какой-то степени одушевленным, как-то с ним говорить. То, что говорило с Лэйнгом - наука - имело устрашающее лицо. Но оно говорило, в основном, правду. Лэйнг пишет, что когда он совершал жизненный выбор, он выбрал науку за ту правду, которую она говорит, но отшатывался потом от нее всю жизнь за то, что в этой правде не было ни милосердия, ни любви - не было, по большому счету, того, ради чего можно было жить. А ведь вариантов правды всегда много. То, что наука предлагает такой бессердечный вариант, даже, если подумать, удивительно. И какая наука! Медицина! Это непременно должно что-то говорить об устройстве (нынешнего или вообще) мира.

Возвращаясь к вопросу о человеческой цельности - приведшей в "Фактах жизни" к исключительной теоретической разбросанности - витгенштейновское разделение на "ясно высказываемое" и "показываемое" более не может удовлетворить Лэйнга¹¹¹. Теперь все средства, которые есть у него в распоряжении - лирическая сила письма, мощь научного метода, радикальность и бесстрашие позиции - все вместе направлено на осмысление и анализ одного и того же. Это одно и то же, с одной стороны, субъективно, достоверно дано именно лично; это эмоционально (насколько эмоциональны, например, его аргументы в главе "Научный метод и мы": "Бездушный интеллект не способен ни на что иное, кроме того, чтобы исследовать ад своих собственных адских построений посредством своих собственных адских орудий/ инструментария/ методов и описывать на языке ада свои собственные адские умозаключения/ открытия/ гипотезы"). С другой стороны, реальность, которую описывает Лэйнг, не выдуманная. Во всей книге нет ни одного слова, которое было бы сказано безответственно. Когда до степени личной боли проникает что-то объективно существующее, трудно требовать разделения на личное и объективное, на лирику и науку. Но личное без выражения и анализа делается неосмысленным, а объективное без личного участия - бесчеловечным. Именно таким разделением сегодня в совершенстве владеет научный метод. Между головой и сердцем сегодня непременно приходится делать выбор. Но Лэйнг стремится во что бы то ни стало остаться цельным. Он не хочет отказываться ни от

¹¹¹ Интересный анализ языка Лэйнга дает Янг: [Young, 1966, p.13], правда, только для "Разделенного Я". Само появление научного жаргона, пишет он, отделяет научный способ мышления от того, на котором возможно личное присутствие автора. Аналогичное обвинение можно предъявить и к философии.

того ни от другого (по-человечески при подобном конфликте можно было бы только посоветовать ему оставить науку, где проблема неразрешима, и заняться академической философией, которая в большой своей части посвящена рефлексии очень сходной проблематики).

Я хотела бы показать, что искренность и "личность" сами по себе способствуют очищению научного мышления от догм, а обезличенность и "научность" способствуют догматичности. Кажется, что искренность Лэйнга в этой книге свидетельствует - помимо того, что, собственно, это был искренний человек - также и о нем как об ученом. В книге присутствуют вполне нетрадиционные рассуждения об эмбриологии реинкарнаций. Но, мне казалось, свидетельствуют о Лэйнге как ученом не они, а художественная часть. К сожалению, доказать это я не могу. Но независимо от того, способствует полная обезличенность догматичности или нет, она коррелирует с ней, потому что является ее симптомом. Во-первых, потому, что писать безлично принято, и ученый, решающийся нарушить рамки, тем самым показывает некоторую отвагу (речь, правда, не идет о книгах, о которых не доказано, что их цель научная). Во-вторых, и это главное, догматичности мышления способствует диссоциация сознания. Человек, который может быть безупречным ученым днем и совершенно другим человеком вечером, способен, следовательно, хорошо переключаться и забывать в одном состоянии другое. Такой человек легко может (вполне искренне) поддерживать гипотезу, против которой имеются (более или менее веские) возражения. Для объективной науки очень полезен спор с самим собой, из него проистекает способность изменять свое мнение, а это трудная задача для диссоциированной личности. (Одно из открытий психоанализа: личность распадается на более мелкие под-личности, не взаимодействующие между собой, в поисках убежища от дискомфорта противоречий между под-личностями, в поисках цельности, самонепротиворечивости хотя бы на уровне одной под-личности; а если и на этом уровне продолжается неудовлетворенность и конфликт, под-личность распадается на еще более мелкие). Спор с самим собой и открытое признание собственного непонимания и растерянности, кроме свидетельства об искренности, еще свидетельство о мужестве ученого.

Концепция науки

Любовь открывает *факты...*
Р.Лэйнг, "Факты жизни"

В юности, выбирая между тремя равно привлекательными для него областями - теологией, психологией и философией - он выбрал психологию, поскольку это наука, она имеет доказательную силу, она что-то может дать, на ее пути можно продвинуться вперед. Выбрав науку, он столкнулся с тем, чем она реально является, и это - кошмар наших дней. Местами поэтому Лэйнг пишет как радикальный антисциентист. Ему хочется вообще остановить науку ("только ученый знает, как вмешаться наиболее разрушительно").

В то же время это не слом науки. Лэйнг много пишет против науки, но далеко не полностью выходит и полностью не желает выйти из ее русла. Рассмотрим его концепцию науки подробнее.

"Тело" науки, в смысле ее "базы данных", сохраняется. Он активно использует это "тело", даже когда его собственные научные построения достаточно фантастичны (эмбриология реинкарнаций).

Философия науки, прежде всего в глобальном смысле - сциентизм - полностью отвергается, заменяется религиозностью, трансцендентными спекуляциями и т.п. Этот отказ носит надрывный характер и в общем убедителен эмоционально, а не логически ("я надеюсь, что тот, кто захочет разобраться во мне, не станет разрезать меня пополам...") В более узком смысле, философия психиатрии, то есть построение в ней концептов психоза и нормальности и т.п. - остается на уровне достаточно открытых вопросов, и вопрос о причине болезней тоже. Однако, надо заметить, что, если в середине шестидесятых Лэйнг готов был больных называть здоровыми и наоборот, то теперь, в общем, он не сомневается, что больных надо лечить. Другой вопрос, как. Третий вопрос о ценности мира тех, кто считается нормальным.

Методика науки, описанная художественно и убедительно ("мы брали лягушек...") бескомпромиссно отвергается. Он категорически против бесчеловечности биологии, редуционистского увлечения изучением субстрата.

Цель науки, которая во времена антипсихиатрии, может быть, и колебалась, к рассматриваемому моменту не колеблется: она обычная; для медицины это излечение. Лэйнг цитирует Парацельса:

"Исцеление достигается врачеванием,
само же искусство врачевания
проистекает из милосердия.
Следовательно,
не трудом Веры постигается исцеление,
но трудом сострадания.
Истинная основа медицины —
Любовь"

"Любовь открывает *факты*, которые без нее остались бы нераскрытыми," - пишет он, предлагая любовь в основание научного метода.

Лэйнг везде приходит только отрицанию методов науки, но не ее целей. По настоящему не ставится под сомнение не только прикладная цель, излечение, но и вторичная отвлеченная цель, поиск научной истины. Среди свойств науки самые глобальные: доказательность, общезначимость, объективность - не умаляются в своем значении. Когда он выдвигает гипотезу о реинкарнациях, это вполне научный дискурс. В самоописаниях Лэйнг увлечен спорами с самим собой, потому что все время преследует цель доискаться до истины! Он провозглашает то же самое в главе "Попытка умозаключения". Когда он пишет: "Сколько себя помню, я всегда пытался уразуметь, как я здесь оказался, что я здесь делаю, почему я здесь, почему здесь другие люди," - он не предполагает, что на вопрос "как я здесь оказался" можно дать какой угодно ответ. Ответ принципиально может быть только истинный, только такой ответ на философское вопрошание может удовлетворить. Но истинный ответ тут найти не просто, следовательно, скорее всего, ответа никакого не будет, и, следовательно, вопрошание будет повторяться вечно - довольно мучительное состояние. (Взаимодействие такого рода мучительного вопрошания с приверженностью "научному методу" описано в эпилоге "Фактов жизни": "В тибетском монастыре я задал вопрос одному йогу: Как следует жить? Йог ответил: Пусть твое сердце уподобится Солнцу и сияет всем и каждому." - Лэйнг в безвыходном колебании между верой и сомнением: "Откуда у него это знание? Или же это просто его собственное мнение?" - и т.п.) Когда Лэйнг признается в растерянности и в том, что находится в тупике, это тяжелое признание для ученого, но оно максимально научно объективно и в конечном счете, очевидно, эффективнее служит истине, чем подстановка ложных гипотез.

Сциентистская субъективность (гипер-бритва Оккама)

Рассмотрим еще раз кажущееся нарушение научной строгости, которое возникает в местах, где Лэйнг приводит материал, на первый взгляд не связанный с основной мыслью. Он делает это сознательно. В предисловии он пишет: "Я пытался *описывать*, даже там, где выношу суждение". Это заявка на стремление к объективному подходу. Он находится в одном русле с мыслью о необходимости отсутствия пре-селекции в материале и об особой сциентистской субъективности, которая по своей природе специфически склонна к такой пре-селекции.

Незаконное использование "бритвы Оккама" ("Не следует умножать сущности без необходимости") - один из наиболее частых грехов современной науки. Вот что пишет Лэйнг: "В современной научной теории и практике мы нередко сталкиваемся с установкой, которая оправдывается этим принципом, однако я сомневаюсь в том, что она имеет к нему хоть какое-то отношение. / Это все равно, что игнорировать *существование X* по той причине, что мы не располагаем ни одной гипотезой на его счет, или по той причине, что оно не подтверждено наукой или наука не в состоянии его доказать, а порой даже потому, что наука не в силах его *опровергнуть*¹¹². / Это все равно, что считать X лишенным какой-либо ценности, лишь потому, что современная научная теория не находит в нем никакой ценности. / Некоторые ученые неспособны понять, что своими методами они обнаруживают нежелательный для них тип информации, когда пытаются очертить четкие границы того типа информации, с которым они имеют дело." (Курсив Лэйнга).

Оккам сформулировал свой принцип для применения против умозрительных концепций (допустим, если некоторое количество предметов можно сгруппировать в две группы, то незачем группировать в четыре; если можно обойтись четырьмя категориями, то не нужны десять и т.п.) Оккам не имел в виду объяснения реальности. Ему не пришло бы в голову сказать, что если какое-то явление *можно* объяснить тремя действующими сущностями, то значит их *было* три. Или, если мы какой-то гипотезой удовлетворительно объяснили явление, значит, его нельзя объяснить по-другому. У нас вообще (особенно со времени Юма) нет никакого инструмента для того, чтобы определить, что является причиной явления, а что нет. Бритва Оккама была направле-

¹¹² По-видимому, имеется в виду концепция К.Поппера о фальсифицируемости.

на против излишней игры ума, против категорий, а не против гипотез. Направлять ее против гипотез - значит ее сильно гиперболизировать.

Тем не менее, современная наука практически вся действует по принципу гипер-бритвы Оккама. Она принимает в качестве парадигмы своей деятельности, что то минимальное количество сущностей, которого достаточно для объяснения явления, и есть их полный набор. Вполне естественно, что она действует так в целях экономии средств, которые иначе она расходовала бы на оговорки. Но если это приемлемо как способ экономии, то это недопустимо, когда превращается в инструмент репрессивности. Неприемлемо утверждать, что если нечто кажется простым, то оно и есть просто, что если самой науке кажется, что она объяснила нечто, то оно и впрямь объяснено полностью и окончательно.

Одна из возможных иллюстраций: вопрос о телепатии. Те, кто не верят в телепатию, утверждают, что ее наблюдаемые феномены можно объяснить другими причинами. Возможно, это так во всех случаях. Даже тогда из этого не будет следовать, что телепатии нет. Не будем говорить, что телепатия есть нематериальный способ передачи информации. Наука не может примириться с этим, потому что она принципиально не может исследовать нематериальное, и, значит, у нее отняли ее область определения. Но даже если у нас гораздо более слабое утверждение, что телепатия есть какой-то материальный, до сих пор не известный способ передачи информации - даже против этого утверждения наука начинает протестовать. Адепты науки обычно пытаются сказать, что естественные причины всегда известны. Почему? Казалось бы, если что-то неизвестное будет когда-нибудь открыто, это будет означать, что предыдущие объяснения были недостаточны, неправильны, и все. Теоретически ведь наука никогда не объявляла себя застрахованной от ошибок. Тем не менее, на практике безобидные и слабые утверждения - "это нам еще не известно" - встречают сильное сопротивление. Отбрасываются предположения, что распространенные ныне способы объяснять могут оказаться неудовлетворительными. А если существующие объяснения телепатии охватывают, допустим, не 100%, а 99%? Тогда очень часто делаются заявления, что этого 1% "просто нет, это выдумка, иллюзия и т.п." - а такие заявления уже противозаконны даже не только с точки зрения философии, но и с точки зрения самой науки.

Таким образом, пре-селекция материала - ошибка слишком догматичных ученых. Наука с этой догматичностью борется, вводя "двойные слепые пробы" и т.п. Но гипер-бритва Оккама - ошибка самой науки. Она делает ее по своей природе. Она *не предполагает наличия того, чему наличествовать не обязательно*, даже если на самом деле оно все-таки наличествует, и очень часто заявляет, что если она не видит его, то его нет. В конце концов, нельзя же требовать от здравомыслящего обществен-

ного института, каким является наука, чтобы он снова и снова исследовал явление, однажды уже удовлетворительно объясненное, в предположении, что удастся опровергнуть свое объяснение. А может быть, первое объяснение было правильное! Постоянная нацеленность на усложнение объяснений и поиск сущностей была бы очень расточительной тратой сил. Кажется, что именно таким ходом мысли материализм дошел до утверждений "нет души", "нет бога" и так далее. Ученые часто вообще не претендуют на умозаключения типа "нет". Многие являются позитивистами на практике, но не в теории, другими словами, исследуют свойства своего предмета, насколько они им открываются (а исследовать свойства, когда они открываются - занятие чрезвычайно увлекательное). Когда они могут построить непротиворечивую теорию, исходя только из того, что находится "внутри" самого предмета, перед ними, они обходятся этим. Делать предположения о чем-то, что вовне, представляется им излишним. Пример такого ученого: И.П.Павлов. Ему удалось объяснить происходящие явления, не выходя за пределы предмета (объяснить работу нервной системы, исходя из свойств нервов). Он, таким образом, занимался физиологией; утверждения типа "бога нет" представлялись ему лежащими за пределами того, чем он занимается. Философы, предающиеся наблюдениям над работой ученых, делают умозаключения: "Если работу ЦНС можно объяснить, не вводя гипотезу о боге, значит, бога нет". Является ли такое заключение строгим? Думается, что нет. Соответствует ли оно принципу бритвы Оккама? Думается, что Оккам имел в виду не это.

О том же пишет и Лэйнг, упрекая науку в сциентистской субъективности. Сам он по возможности старается избегать ее. Он избегает ее, когда пишет про все подряд и спорит с самим собой. Вообще говоря, он солидарен в этом с феноменологически-экзистенциальной мыслью. Как уже было сказано, Лэйнг очень часто мог бы сослаться на Ясперса, а он вместо этого открывает то же самое заново.

Итак, анти-наука Лэйнга радикально порывает с наукой в ее сциентистской философии и в области ее методического инструментария, но не противоречит в области целей и пользуется ее данными. В такой позиции, очевидно, заключается некоторая противоречивость. Не стоило бы дерзать спорить с Парацельсом и Лэйнгом, но по моему, все-таки, основание медицины не любовь, то есть и у медицины другое основание, и у любви другое назначение. Любовь, как кажется, несомненно ближе к рели-

гии, чем к науке, почему и психиатрия на основе любви приводит к антипсихиатрии (методу не особенно научному и весьма мистическому). Впрочем, с другой стороны так же очевидно, что медицина без любви, только как наука - еще более страшный монстр. Если ее допустить в область формирования норм, как это произошло с психиатрией в наше время, она неизбежно примется калечить людей и духовно кастрировать общество. Так что противоречивость позиции Лэйнга соизмерима с самой сложностью вопроса о науке и любви в медицине.

Основной конфликт книги

В главе "Научный метод и мы" система доказательств чисто эмоциональная: "Бездушный интеллект неспособен ни на что иное, кроме того, чтобы исследовать ад своих собственных адских построений посредством своих собственных адских орудий /инструментария/ методов и описывать на языке ада свои собственные адские умозаключения /открытия/ гипотезы." Бессердечности противопоставляются: "Уважение, внимательность мягкость, доброта, предупредительность, сочувствие, милосердие...". Или еще: "Жить с открытым сердцем - это не значит быть "романтиком", гуманистом, стремящимся "назад-к-природе" и к тому подобным стереотипам "сердечности". Это вопрос здравого смысла, да поможет нам Бог".

Основной конфликт книги "Факты жизни" в противоречии науки и морали. Лэйнг цитирует фон Вайцекера: ""Научно-технический мир современного человека ... представляет собой итог его дерзкой предприимчивости, знания без любви." Точно. Не понимаю, как плодом знания без любви может быть знание любви; как бездушный метод, приносящий бездушные плоды, может быть способен на что-то еще, кроме как объяснения без души." Лэйнг может только констатировать. Он не в состоянии разрешить это противоречие *изнутри науки*. Фразы наподобие "Должен же быть какой-то правильный способ жить," - бездоказательная апелляция к вере; столь же бездоказательны и апелляции к сердцу. Трудно спорить, что Лэйнгу удастся эмоциональное убеждение. Но нельзя эмоционально убедить науку. Для науки вся аргументация такого рода заведомо бессильна и обречена на поражение. Интеллект в принципе не может иметь сердце; это человек может иметь то и другое. Додумывая за Лэйнга, можно сформулировать так, что он категорически против М.Вебера. Он считает, что исключение ценности из науки (морально) ужасно.

Что касается науки, то она развивается по собственным законам, и, по всей видимости, каковы бы ни были ужасные результаты, которые будут достигнуты ей, они будут непременно достигнуты. Все самые бесчеловечные открытия, какие только можно сделать, по всей видимости, обязательно будут сделаны. Практически наверняка интеллект всегда будет оставаться таким же бессердечным и бездушным, как в 1977 году. Психиатрия сама представляет одну из многих иллюстраций развития науки как духовного явления и развития науки как общественного учреждения. Кроме Лэйнга, в истории психиатрии были другие ученые, желавшие изменить ее направление (Шаш, Роджерс, Перлз...) но институт психиатрии мало изменяется за годы. Антипсихиатрия появилась и умерла, а традиционная психиатрия живет, хотя и следует отметить, справедливости ради, что в последние десятилетия характер ее стал, в общем, несколько скромнее и мягче. Наука, в том числе как учреждение, живет, если она жизнеспособна, и не живет, если нежизнеспособна. Количество ее жертв - для нее самой не аргумент, оно ни в малой степени не останавливает ее автономное движение вперед, как духовного явления, и ее функционирования, как учреждения. Не похоже также, чтобы науку можно было остановить борьбой героических одиночек, общественным мнением и даже совокупной волей человечества (пример: разработки допинговых средств запрещены и осуждаются на официальном уровне, но неофициально ведутся во всех странах. И они, скорее всего, будут вестись до тех пор, пока не перестанут находиться новые допинги. Также с разработками оружия массового поражения и т.п.). Конечно, на том, насколько наука процветает, сказывается общественное отношение к ней, культурная среда и так далее. Но ее автономность по отношению к среде велика. Запретить ее крайне сложно, особенно если она видит впереди себя перспективы своего движения вперед. Ученый, стоящий на пороге открытия, не принадлежит себе, им почти всецело владеет нечто гораздо большее, чем он, нечто, что относится к нему как целое к части. Поэтому каково бы ни было его человеческое отношение к тому открытию, которое он делает (это может быть открытие, которое убьет его и его детей), скорее всего, он сделает его, несмотря ни на что. Чаще всего он ведет себя так, как диктует ему наука. Источник: личные наблюдения над учеными. И поэтому наука может заглухнуть, если исчерпает себя. Так что против нее, судя по всему, самое эффективное средство - побыстрее довести ее до конца, пока она, прошу прощения, не успела всех угробить, но я должна заметить, что в той мере, в какой я знакома с наукой, конца ей пока не видно. И не видно конца даже такой частной вещи, как традиционная психиатрия.

Итак, если стоит вопрос примирения, сочетания науки и "сердца", то он требует метафизического разрешения. Если же это вещи принципиально несочетаемые, то выбор между ними сводится к субъективному - не метафизическому, а экзистенциальному - акту индивида. Можно или нельзя совместить науку и "сердце"? Из текста кажется то второе, то первое. В этом одно из противоречий подхода Лэйнга к проблеме, которую он пытается разрешить. Он с самого начала не проясняет принципиально: могут истина и ценность сочетаться в науке, или ценность - нечто внешнее по от-

ношению к науке? Выражаясь более близко к неокантианской традиции, может ли наука биологического типа, такая как физиологическая психиатрия, сама создать представление о норме? Риккерт без сомнений указывал, что не может [Риккерт, 1998, с.293] Какова связь этого с моралью? С одной стороны, Лэйнг отдает себе отчет в том, что выбор между тем, что кажется и что не кажется моральным - акт индивида. В русле этого лежат его призывы остановить демоническую технологию и запретить средства, управляющие сознанием. С другой стороны, он не оставляет попыток достичь объединения науки и "сердца". Он идет к этому или путем создания некоей новой науки (десять лет назад он создал антипсихиатрию, теперь создает своеобразный вариант психосоматики и т.п.), или путем нахождения теоретического, метафизического соединения моральной и научной истин, путем определения той и другой, путем приведения их к общим целям и т.п. С одной стороны, он указывает на первичность морального критерия, с другой стороны, отказ от науки на этом основании для него капитуляция. Какой-то из двух капитуляций не избежать, но до конца Лэйнг с этим не примиряется. Когда он пишет: "Может ли ошибочное с точки зрения нравственности быть правильным с точки зрения науки? Два мира сокрушают друг друга" - это вопрос, на который он не отвечает спокойно и просто "да", но всеми силами желает (и не может) ответить "нет". Фраза "Правильная жизнь должна существовать!" - отражение его веры в существование морали и ценности, столь же объективно существующих, как научная истина.

В эпилоге "Фактов жизни" Лэйнг формулирует первичную альтернативу как альтернативу религиозного характера: "Кажется, невозможно опровергнуть, что некто сказал, что другой некто сказал, что он есть путь, истина и жизнь. И что в этой емкой фразе он обещает что там, где двое или трое соберутся вместе во имя Пути, Истины и Жизни, Я буду среди них. ... Это кажется мне одним из самых глубоких утверждений." Что глубокого находит Лэйнг (не христианин) в этих словах Христа? Некоторым образом идеал философии науки. Если верить, и считать истиной, что "там, где встречаются двое во имя Мое, там Я с ними", то, следовательно, наука безнравственной быть не может. Ведь она является видом встречи, так как объективна, открыта всем и создается в духовном пространстве общества. Она является встречей "во имя Мое", поскольку цель ее истина и Бог - истина (в смысле: Бог все создал, все знает...).

И, поскольку Бог присутствует в ней, она не может отклоняться от божественной правильности. Божественно правильная наука не будет аморальна. Для тех, кто не верит, что "где двое встречаются, там Я", никакой связи между научной правильностью и моралью быть не может. Отсутствие связи между этими вещами в настоящее время - свидетельство того, что у науки нет религиозного понимания своей деятельности, свидетельство того, что наука более не действует и ученые более не встречаются "во имя Мое".

Итак, первичный выбор - дело веры. В эпилоге Фактов жизни Лэйнг ссылается на фразу Юнга: "Мы должны оставить всякую надежду найти какую-либо связь между душой и мозгом..." И кажется, что он согласен с Юнгом. В то же время из этого будет следовать, очевидно, что во имя божественного измерения от науки следует вообще отказаться, но этого вывода он не делает.

Следует заключить, интенция деятельности Лэйнга: достичь синтеза науки и трансцендентного - осталась недостигнутой. Это не особенно удивительно для обычного сознания, но для Лэйнга это было крушением его жизненного проекта. В эпилоге "Фактов жизни" он пишет об этом совершенно открыто. Все, что ему удастся - более или менее написать о собственной растерянности. Природа его растерянности в состоянии современной науки. Лишенная трансцендентного, религиозного, божественного измерения, наука достигает бесчеловечных и противоречащих морали результатов. Трансцендентное измерение науке (по меньшей мере в настоящее время) не присуще, в него можно верить или не верить, но даже если верить в него, наука мало меняется. Мораль - дело "сердца", что-то принципиально иное, нежели наука. В настоящее время между сердцем и наукой связи нет, он призывает к ней как публицист, пытается действовать таким образом как ученый, но как философ метафизически не устанавливает ее.

Современная философия психиатрии

М.Вебер, можно полагать, подверг бы Лэйнга уничтожающей критике за само появление такого намерения. Вообще говоря, конечно, кажется, что под лозунгом совершенно отдельного существования истины и ценности (по-другому можно сказать: должного и сущего, причины и цели и т.п.) развивается любая наука и любая теоретическая мысль. Насколько это возможно, в каждом случае решается, наверное, отдель-

но, но как лозунг это необходимо науке для того, чтобы быть наукой. Любая мысль стремится к истине. Даже исходя из простого анализа этого предложения можно сказать, что истина - что-то внешнее по отношению к мысли; мысль действует при этом логически, то есть сообразно со своими внутренними законами; и, собственно говоря, она "стремится", то есть совершает некоторым образом страстное действие, основанное на интересе и потому, можно сказать, мотивированное ценностями. Эти ценности - некоторым образом внешние для мысли, но внутренние по отношению к мыслящему человеку; человек, таким образом, предполагается существом расщепленным. Риккерт указывал на неотъемлемость функционирования ценности в историческом исследовании [Риккерт, 1998]. С другой стороны, в математике ценность вряд ли может оказывать воздействие (вопрос, конечно, открытый). Однако психиатрия - наука не совсем такая же бесстрастная, как математика. Поэтому от ее функционирования нельзя отнять ценности. Весь вопрос в том, каким образом и какие ценности могут (и должны) функционировать в психиатрии. По крайней мере, насколько представляется, можно сказать, что порождать эти ценности (и, соответственно, собственные цели) она должна не сама. Рассуждая, нужно поставить цель. Для примера можно взять адаптацию, о которой очень часто говорят как о цели психиатрической деятельности (более того, чуть ли не даже как о цели человеческого существования). Достаточно ясно, в особенности с культурологической точки зрения, что видеть целью адаптацию можно только в такой ментальной обстановке, когда имеется удовлетворенность существующим положением дел. Если чисто отвлеченно-философское требование "духовной ситуации времени" таково, что надо что-то менять, никак не может удовлетворить такой критерий нормы человеческого существования, как "адаптация". Конечно, вопрос о том, как может быть такое, что "надо что-то менять", что это может означать с философской точки зрения (например, кому и зачем надо), настолько сложен, что в данном случае углубляться в него невозможно. Однако похоже, что этот вопрос может оказаться уместен в рамках, например, неокантианства. Его вполне можно переформулировать в терминах ценности и смысла. Что касается философии психиатрии, то в связи с ней, с ее развитием и настоящим положением, изучить вопрос о функционировании ценностей и их систем представляется столь адекватным и необходимым, что - если выразиться, может быть, несколько вольно - кажется, самый насущный лозунг в ней: "назад к неокантианству!"

Антипсихиатрическая идея о ценности психоза

Метафора идеального наблюдательного пункта

Цитата из "Политики переживания":

«С идеального наблюдательного пункта на земле можно следить за боевым порядком самолетов. Один самолет может оказаться вне этого порядка. Но и весь порядок может двигаться не по курсу. Самолет, находящийся "вне порядка", может быть ненормальным - больным и "сумасшедшим" с точки зрения порядка. Но и сам порядок с точки зрения идеального наблюдателя может быть больным или сумасшедшим. Самолет, находящийся вне порядка, также может двигаться не по курсу - больше или меньше, чем сам порядок.

Критерий "вне порядка" - клинически позитивистский критерий.

Критерий "не по курсу" - онтологический. Необходимо высказать два суждения по поводу этих параметров. В частности, фундаментально важно не сбивать личность, которая может быть "вне порядка", говоря ей, что она движется "не по курсу", тогда как это не так. Фундаментально важно также не делать позитивистской ошибки, предполагая, что поскольку группа находится "в порядке", то это означает, что она обязательно движется "по курсу". ...

Если сам порядок двигается не по курсу, то человек, действительно движущийся "по курсу", должен оставить порядок.»
(Разрядка Лэйнга. Курсив мой).

По поводу онтологического критерия Лэйнга необходимо сразу же высказать еще одно суждение: нам воочию дано видеть только "в порядке" или "не в порядке", и то не особенно точно, а что значит двигаться "по курсу", можно только умозаключать, потому что в общем случае никакого знания о курсе нет.

Однако в (физиологическую) психиатрию вместе с такой постановкой вопроса входит не очень удобный для нее - абсолютистский? Объективистский? Трансценденталистский? Я бы назвала его "обоснованный религиозно" - взгляд на вещи. Нормой провозглашается направление движения, известное идеальному наблюдателю. Норма - это, следовательно, идеал. Далее я буду называть идеальный пункт не наблюдатель-

ным, а командным. Это в принципе безразлично, только позволяет заострить мысль.

С точки зрения культурной характеристики эпохи немаловажно отметить, что такое резкое акцентирование внеположного и абсолютно трансцендентного идеала в терминах Доброхотова представляет яркую черту авангарда. С точки зрения внутренней логики Лэйнга важен другой вопрос. Каким образом узнать, куда лететь?

Лэйнг делает из своей метафоры вывод: самолет, чтобы лететь по курсу, должен оставить порядок. При этом подразумевается, что сумасшедшие имеют знание о должном направлении движения, которое утратили здоровые (последние "летят куда все", в привычных нам терминах это называется как-нибудь вроде "социокультурная адаптация"). На самом деле вывода о должном направлении движения практически сделать нельзя ни в рамках порядка, ни утратив с ним связь, причем во втором случае - особенно! Здесь Лэйнг (речь об изложенном в книге "Политика переживания") несколько расходится со здравым смыслом.

Как мыслит Лэйнг соотношение между порядком, отбившимся самолетом и идеальным командным пунктом? Восстанавливая его мнение и общее мнение всей революционной атмосферы 60-х годов: 1) весь порядок следует не по курсу (это известно практически наверняка); 2) отделившаяся личность следует или по курсу, или не курсу (в общем случае это не известно); 3) однако если *откуда-то* все же известно относительно более правильное направление, то самолет, желающий следовать ему, непременно оставляет порядок; 4) движущийся не в порядке самолет мы называем психически больным (согласно здравому смыслу, все-таки не всегда); известно также - уже скорее из других источников - что отделившиеся от порядка самолеты часто падают и разбиваются и также в любом случае страдают от одиночества и потери коммуникации.

Если продолжать аналогию Лэйнга, что делает самолет, сбившийся с курса, отбившийся от порядка? Или он старается восстановить связь с порядком через коммуникацию, пройдя этап догонки, в течение которого ему придется лететь быстрее чем обычно и запрашивая у порядка сигналы для ориентации. Это, если можно так выразиться, социоположительный вариант возвращения сумасшедшего к норме. Если самолет был недоволен порядком - кажется, именно это имел в виду шестидесятник Лэйнг - или утратил с ним связь, он может наладить ориентацию на местности. (Неизвестно, насколько много людей сходит с ума от недовольства жизненным миром;

по версии Лэйнга и его единомышленника Грегори Бейтсона, много). Остается открытым вопрос, насколько это возможно, впрочем, совершенно очевидно, что по крайней мере необходима карта местности. Относительно "утраты коммуникации" Блейлер писал, что именно это прежде всего характерно для шизофрении, правда, по мысли Блейлера, это была не причина шизофрении, а симптом. Бейтсон в пороках коммуникации видит уже причину. Так стали трактовать психозы начиная с середины 20-го века, параллельно с общим признанием роли социума для конституирования индивидуального сознания.

Метафора психоза как путешествия

То, о чем шла речь до сих пор, предполагает метафору психоза как путешествия. Лэйнг эту метафору привел и много раз использовал. Мир, в путешествие по которому отправляется больной, не пуст, он имеет заранее данное содержание (кажется даже, что он населен сущностями). Для ориентировки в нем нужны карты, нужна культурная передача знания, нужны проводники. Кроме того, нужна забота о теле того, чей ум путешествует; в последнем Лэйнг видел одну из задач антипсихиатрических клиник. Без всего этого путешествие опасно. Мечта Лэйнга - стимулировать путешествия (по принципу ухода от "одномерного сознания") и обеспечить возвращение. Что это за мир? и что там надо делать? Ответ на этот вопрос очень напоминает вопрос из предыдущей аналогии: куда лететь? как получить сигнал от идеального командного пункта и как ориентироваться на местности?

Очевидно, что поставленные вопросы трудно разрешить без откровенного знания, хотя отчасти ситуацию можно облегчить доступными практическому разуму соображениями о должном. В дальнейшем движении наступают затруднения. Может показаться, что, по мысли Лэйнга, психоз сам же предоставляет необходимое для путешествия откровенное знание. Однако так может показаться именно потому, что "произошло забвение очень простых истин, которые когда-то были всем известны" (так пишет Лэйнг). Эти известные давно путешествия и этот мистический опыт, в христианской, например, литературе, всегда упоминаются с большим недоверием. Без подготовки пускаться в мистические путешествия нельзя, а подготовка к ним такова, что отбивает всякую охоту (христианский вариант: монастырь). И только когда в них

пускаются те, кто прошел подготовку - и кто уже не имеет своей охоты - они в безопасности и вернутся. Предположительно, от них известно об ангелах, демонах и других сущностях обсуждаемого мира. Некоторым образом религия могла бы дать искомую карту местности, но если бы Лэйнг оперся на религию - что во всей его схеме напрашивается! - он тут же получил бы резкую отповедь своей неумеренной активности в путешествиях. По-видимому, понимая это, он настраивается против той религии, которая его воспитала (в книге "Факты жизни" он очень неприязненно пишет о пресвитерианском обществе своего детства) и поворачивается к восточным учениям. Все, что буддизм мог дать западному уму, Лэйнг добросовестно взял, даже ездил стажироваться на Шри-Ланку. Но это необходимой ценности не имело, во-первых, потому что западный человек в принципе, на мой взгляд, не способен понять восточное учение как следует, во-вторых, Лэйнг до конца жизни не оставлял попыток синтеза. Весь его третий период - синтетический. Он синтезировал психиатрию, психоанализ, эмбриологию, буддизм, гностицизм, временами вспоминал и христианство (см. об этом в "Фактах жизни"). Это хорошо читается, но с научной точки зрения представляет собой нечто вроде фэнтези. Если бы Лэйнг не занимался синтезом чужой ему религии и ненавидимой им науки, а избрал бы что-то одно, например, буддизм, то он и книг не писал бы, а предался бы медитации. Тогда и мир не узнал бы от него то, что узнал: нечто, скорее всего, дилетантское и ложное, но привлекательное эмоционально. Половинчатый путь, по которому пошел Лэйнг, для него самого кончился печально. Это, конечно, совсем не онтологический аргумент, но приходит на ум сравнение с религиозными святыми, в основном просветленно оканчивавшими жизнь.

Сравнение двух метафор

Две метафоры Лэйнга - психоза как отклонения от порядка и психоза как путешествия - различаются отношением к состоянию тела. В случае путешествия тело пребывает в больнице, путешествует только сознание. В данном случае Лэйнг профессионально призывает к изменению режима терапии. В более поздних книгах "Факты жизни" и "Голос опыта" он пишет о недопустимости прерывания путешествий, о том, что они благотворны. В этой метафоре, если можно так выразиться, неопределенное количество переменных, что предоставляет почти неограниченные возможности для интерпретации. Интерпретация в основном зависит от того, какой веры

придерживаться: чем глубже Лэйнг погружался в буддизм и чем ближе сходил к Грофом, тем чаще в его практике встречались случаи, когда путешествие становилось аналогом рождения, перерождения, избавления кармической обреченности и т.п.

Во второй метафоре переменные всего три: отношение к порядку, отношение к местности, отношение к идеальному командному пункту, и только последняя, так сказать, трансцендентна. Если то, что происходит в мистическом мире, завязано на вопрос о "правильной карте", то то, что происходит в жизни, сводится к вопросу о взаимоотношении двух миров. Речь идет о жизненном движении среди вещей не внутреннего, а этого мира, и критерий "движение по курсу" подразумевает определенный - предпочтительный - способ жизни. Этой метафоре будет удовлетворять, например, Ломоносов, который отправляется учиться; покаявшийся разбойник, который оставляет банду; вообще любой, кто изменяет жизнь. Очевидно, что добиться искомой ориентации на местности можно не впадая в психоз. Впрочем, по-видимому, это нельзя сделать, не обладая, как картой, какой-то руководящей идеей.

Основной вопрос "Есть что-нибудь за этим или нет?" (о характеристике истины)

Феноменология и мистика

Позитивистская психиатрия классического периода описывала явления как они видятся тем, кто, так сказать, обеими ногами находится в этом мире. Феноменология, конечно, объявила о понимании и вживании; это уже не телесный мир, но нечто, что при желании с ним еще можно совместить. Лэйнг идет в направлении совсем невидимого и возвращает в психиатрию религиозно-мистическое толкование болезней. Возвращает он его из Средневековья, но не только. В культуре мистика была жива всегда, даже в атеистические века, такие как 19-й. Кроме того, в 20-м веке экспансию в Европу осуществил буддизм. Кроме того, на Лэйнга, как и на многие другие восприимчивые умы, произвел впечатление гностицизм Наг-Хаммади (он цитирует "Евангелие от Фомы").

Вообще говоря, мистика строит картину "параллельного мира", существующего невидимо, грубо говоря, рядом, недоступного обычному восприятию. Как я писала

выше, это мир не пустой. В нем существуют пути, предположительно, к блаженству/страданию, к некоторому знанию, к бессмертию (список составлен спонтанно). Само собой, в процессе достижения целей достигающему обеспечиваются, так сказать, путевые впечатления. Различные мистические учения и обычные религии, как правило, предлагают варианты понимания этого мира, попадания или избегания его, обучают целеполаганию и т.п. По некоторым вариантам, мир населен сущностями, другие учения акцентируют, наоборот, их отсутствие.

Лэйнг, прежде всего, постулирует наличие этого другого мира (что будет важно впоследствии, см. ниже об основном вопросе философии науки). Он проводит аналогию между психотическими явлениями и мистическими переживаниями (хотя, выражаясь математически, тождество в обе стороны необходимо доказать). Видно, какой это демонстративный отход от феноменологической позиции 1-го периода.

Об эмпатии

Феноменология, с одной стороны, отрешается от теорий и регистрирует чистые явления сознания, с другой стороны, не возбраняет понимание, или эмпатию. Ясперс это признавал с определенностью. Если же вчувствование и понимание происходят, то как обойтись без каких бы то ни было внешних теорий, хотя бы рудиментарных, например, отголосков культурных представлений? Редуцируя теоретизирование (я имею в виду применение внешних теорий) редуцируешь и эмпатию. Грубо говоря, если не владеть, по меньшей мере справочным образом, общераспространенными ходами мысли, то ни с каким собеседником будет не о чем говорить (не случайно Гуссерль, как говорят, обладал весьма недиалогическим сознанием). Самое эффективное со-присутствие с другим - это найти с ним как можно больше общего, другими словами, вдумать в него как можно больше своего; то же утверждает герменевтика, то же психоанализ теорией катексиса. Кроме того, для эмпатии необходима рефлексия, а что есть рефлексия, как не применение к себе - своим невербальным душевным движениям и неосмысленным перцепциям - понятий, то есть социально порожденных фигур речи, структур мысли¹¹³?

Что касается феноменологии, во втором периоде Лэйнг ее оставляет. Он отходит от эпохэ и редукции и приводит в свои построения объяснительную систему, осно-

¹¹³ Конечно, утверждение "для эмпатии нужна рефлексия" необходимо доказать. Я не могу придумать, как это сделать, и попробую зайти косвенно: без рефлексии трудно как следует обладать собой, а эмпатия - сильное взаимное воздействие, и без обладания собой ей нечего противопоставить. Поэтому если эмпатия в отсутствие рефлексии и возможна, то опасна, непереносима и, во всяком случае, не эффективна как терапевтическое средство. У самого Лэйнга рефлексия была очень сильно развита, ей посвящена не менее чем треть "Фактов жизни".

ванную на мистике. Шаг от дескрипции до интерпретации, причем такой радикальной, соответствует радикальному повороту в мировоззрении. На мой взгляд, здесь заключена ключевая проблема вообще всей философии науки (и не только науки): **есть что-нибудь за всем этим или нет?**

Наука. Антиномия "верующих" и "неверующих"

Хочется сказать, что принципиальная дилемма материализма и идеализма перестала быть основанием предельных вопросов. Сейчас предельный вопрос философии, по меньшей мере философии науки: **есть что-нибудь за этим или нет?** По тому, как на него отвечают, определяются по отношению к истине. Те, кто отвечают "да", (если они последовательны) верят в существование истины, те, кто отвечают "нет" и "не знаю" - истиной не озабочены.

На бытовом уровне ответ "да" обычно свойственен верующим. Ко "всему этому" они относят видимое (и его связи), к тому, что "за этим" - мистическое, трансцендентное миру. "Нет" отвечают те, кого обычно называют "неверующими" (=материалистами).

Положение в науке отличается. Наученная трансцендентальными учениями, философия науки "все это" сужает практически до происходящего в сознании; к тому, что "за этим", относится то, что, наверное, надо было бы назвать "вещами в себе". К этому относится материальное и его связи, а также и нематериально-мистическое¹¹⁴. Последнее оказывается примерно в том же статусе, что материальное - недостижимой внеположной вещи; оно разве лишь чуть-чуть менее достижимо.

Тут тоже равно возможны ответы "да" и "нет". Фактически "неверующими" будут те, кого ранее называли субъективными идеалистами, которые ранее "верили, что есть только в то, что в сознании", а теперь только это считают реальным, видимым, тем, с чем можно работать. Сильные направления современной философии: феноменология, аналитическая философия, культурология - относятся по этому критерию к "неверующим".

"Верующими" будут и материалисты, и мистики: обе эти категории верят в то, что есть что-то за пределами их сознания и их бытия. Материалисты оказываются по-

середине между двумя крайностями, то есть схема деления выглядит так:

экстремально верующие (мистики) - (просто) верующие - верующие только во внешний мир (материалисты) - неверующие в познание (скептики) - экстремально неверующие (субъективные идеалисты).

Крайняя верующая позиция с точки зрения эпистемологии утверждает "истина есть и она дана", средняя - "истина есть и ее надо познать", неверующая - "истина есть, но ее познать нельзя", крайняя неверующая - "истины нет" (а самая крайняя, солипсизм, утверждает: возможно, нет *существования* никого, кроме меня). Иными словами, первую крайность можно сформулировать так: "верующие не только в бытие, но и в истину" (уже известную), вторую крайность: "не верующие не только в истину, но и в бытие". Это, в свою очередь, показывает, что познание истины в плане веры находится в двойственном положении: чтобы познавать истину, надо не верить в ее данность, но верить в ее бытие, то есть находиться в неотъемлемо двойственном и промежуточном состоянии.

Как ни странно, "неверующие" при всей кажущейся экстравагантности их позиции в философии науки преобладают. Практически идея объективной истины и познания как приближения к ней, если так можно выразиться, не в моде. Ее опровергают учения о конвенциональном, прагматическом характере теорий. "Неверующая" наука и философия науки: трансцендентальный идеализм, отвергающий познаваемость вещи в себе, феноменология, отвергающая теоретизирование, философия жизни, отвергающая рациональное познание, аналитическая философия, отвергающая разговор обо всем, кроме языка, наконец, постмодерн, отвергающий значимость почти всего, отходят от всякого представления, что "за этим что-то есть". Честность возвращает науку от "за" ко "всему этому", и в результате философия науки без конца рефлексировала над "научным методом", над "языком науки" и т.д. Предельный тупик этой позиции - это полный релятивизм теорий и в философии, и в самой науке. (Повторюсь, что, к счастью или к несчастью, позитивным наукам, пока им есть что открывать, до релятивизма теорий далеко). Фактически это солипсизм и скандал науки. И движение в этом направлении реально осуществляется. На "бытовом уровне фило-

¹¹⁴ Я оставляю в стороне вопрос, может ли между двумя материальными объектами существовать нематериальная связь, хотя, возможно, он более важен, чем мне сейчас кажется.

софии" - в публицистике, в политике, в общественной мысли - торжествует релятивистские идеи: от прав человека и прав меньшинств до этики ненасилия, уважения к чужому и т.п. Все перечисленные лики релятивизма принципиально отрицают идею истины (под истиной я имею в виду нечто внешнее по отношению к познающему сознанию)¹¹⁵.

Если сформулировать, может быть, несколько заостренно: идея истины приводит к *насилию* (и это есть позитивизм), релятивистская идея - к "солипсическому" скандалу науки и *вседозволенности* (и это есть постмодерн).

Если в науке довольно часто стремление к некоторой внеположной истине постулируется, и даже во времена релятивизма редко какая наука сама объявляет себя конвенциональной, то в жизни человека, наоборот, вопрос внеположной истины неясен. (Легко видеть, что это снова вернуло нас к онтологическому критерию Лэйнга: по курсу или не по курсу?) Существующее положение в науке таково, что позитивные науки почти всегда относятся к "верующим", и только философы, наблюдая со стороны за их деятельностью, замечают в них конвенциональность, игру парадигм и т.п. (и, конечно, эти философы уже довольно часто встают на позицию "неверующего"). Но те же самые философы, мысля, не считают себя конвенционалистами, за ними будут наблюдать с целью так их назвать другие философы. Быть "научно неверующим" до конца, как представляется, невозможно.

Что касается жизни, то философия "неверующего" распространена на самом бытовом уровне. Именно обычные люди массово считают, что "кроме этого ничего нет". Согласно с этим философия, наблюдая за ними, предается культурологическим, постмодернистским, релятивистским построениям. Провозглашается, что "сознание конституировано культурой" (культурология), "критерий нормы - успех адаптации" (биологические науки, в т.ч. психиатрия), "всякие культуры и общества хороши" (политкорректность), все истинно и неистинно (постмодерн). Естественный жизненный смысл среднего человека посреди такого торжества неверия - грубый бытовой материализм. Ясно, что в такую схему не укладывается никакой "более истинный, чем другие" способ жизни. Лэйнг, однако, пишет, что такой способ жизни есть. Вообще говоря, его позицию в этом вопросе нельзя назвать последовательной. Он твердо при-

¹¹⁵ Автор благодарит за эту мысль Т.Ю.Бородай.

держивался феноменологического эпохэ - и, значит, релятивистского подхода - в первом периоде; затем поменял позицию на противоположную, стал "верующим" мистиком; а в третьем периоде, в книге "Факты жизни", он, с одной стороны, критикует разум за насилие и призывает к "уважению и милосердию", с другой стороны, не оставляет попыток набросать схему новой науки, которая опиралась бы, например, на истины буддизма. Он строит этот дискурс как научный: с примерами для иллюстрации, с рассуждениями для доказательства. "Факты жизни" очень эклектическая книга, и Лэйнг, если можно так сказать, не стыдится своего эклектицизма: он не преследует цели создать что-то внутренне цельное и когерентное, по крайней мере насколько, чтобы это соответствовало рационально установленным рамкам "жанра". Ему важнее, чтобы это соответствовало тому, что он видит.

В предположении, что "за этим ничего нет", наука как до своего предельного основания доходит до языка или дискурса. Рефлексируется конвенциональность, постулируется внутренняя когерентность, торжествует релятивизм (одно из современных порождений релятивистского сознания - наука культурология. Шире говоря, это весь постмодерн).

Совершенно ясно, что "оправдание" нелогичной теории строится на предположении, что теория должна соответствовать истине. Если последнее не очень очевидно, как это, например, не очевидно многим постмодернистам (для которых, как кажется, любая теория - это лишь дискурс), то требования к внутренней когерентности теорий увеличиваются. Они начинают строить систему доказательств через себя (уже не говоря о том, что часто они не обременяют себя никакими доказательствами, хотя и продолжают стремиться к стройности). Такого рода "неверующие" теории можно назвать самообосновывающимися. Самообосновывающиеся теории существуют в пространстве дискурса ("неверующая" философия науки к ним относит большинство научных теорий, но я не думаю, что это оправдано: некогерентные описательные теории, по-моему, могут быть "не дискурсивны" или "не очень дискурсивны")¹¹⁶.

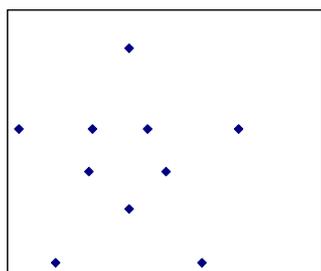
¹¹⁶ От самообосновывающихся когерентных теорий надо отличать ситуацию, когда истина, к которой стремятся, внеположна, но находится не "вовне субъекта" (например, она может определяться через внутреннюю очевидность). "Верующий" характер этих теорий выявляется в том, что они сплошь и рядом бывают совершенно некогерентны. К таким теориям относится, например, большинство "наивного" теоретизирования в области мировоззренческих ориентаций.

Вопрос когерентности

В предположении, что "за этим что-то есть", предельное основание науки - истина. Это то, к чему все привыкли. Поэтому я сосредоточусь только на одном следствии. *Если мы постулируем требование максимально возможного совпадения теории с внеположной "истиной", мы должны снять такое требование, как обязательная внутренняя когерентность теоретического построения.*¹¹⁷

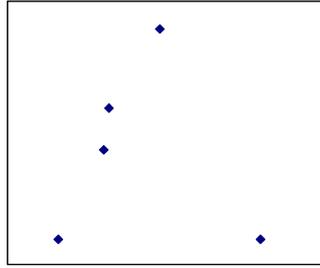
Конечно, я упрощенно оставляю в стороне теоретические вопросы, такие как принципиальная непознаваемость, трансцендентальность перцепции и т.п. (то есть, вообще говоря, наиболее вероятен ответ, что "что-то есть, но об этом ничего нельзя узнать"). Я обращаю внимание только на то, что в предположении о внеположной истине наука может позволить себе быть описательной, как и создавать внутренне не особо логичные и красивые, а то и противоречивые теории. В описательном смысле такая теория может оказаться ближе к истине, чем внутренне непротиворечивая, содержащая много "вдуманного" в нее автором. Теория, на первый взгляд кажущаяся нелогичной, допускает прием новых данных, в то время как стройные теории внутренне завершены. Тем самым они рискуют оказаться закрытыми для совершенствования и для приведения в соответствие с новыми данными. Эти данные в таком случае они могут отбрасывать.

Вот схема. Допустим, истина выражается сложной фигурой:

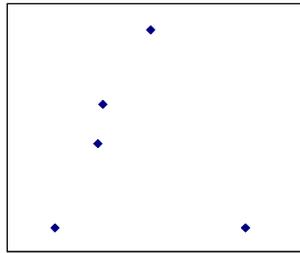

Экспериментально найдены точки А, Н, I, В, С.:

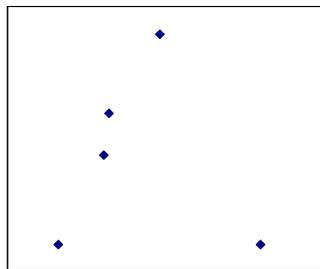
¹¹⁷ Уже после того, как это было написано, я поняла, что именно об этом писал Ясперс в своей "Психологии мировоззрений". Вероятно, это служит еще одним доказательством того, что Ясперс находится в русле того же течения мысли, что и Лэйнг.

Вот теория (1):

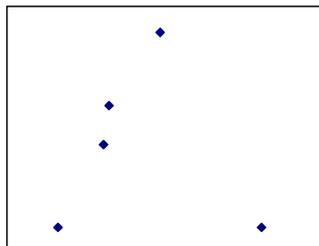
Эта теория достраивает фигуру до выглядящей логично и облегчает нахождение еще неизвестной точки F. Однако, когда будет найдена точка D или E, теория объявит эту находку ложной¹¹⁸.

(2)

Не ближе к истине некогерентная, внутренне некрасивая теория (2), однако она не сопротивляется открытию точки D.

(3):

Теория (3) к истине ближе всего. Она настолько "некрасива", что ее вообще с трудом можно назвать теорией. Свои многочисленные натяжки (например, почему соединены точки С и Н, а не С и I) ей приходится все время объяснять, и наверняка объяснения, которые она придумает, будут тоже натянуты. Сам же теоретик, придумавший эту теорию, мог это сделать, например, если он слышал от маргинальных ученых о неожиданных открытиях (или по каким-то другим причинам). Конечно, вообще-то меньше всего сопротивление, когда вообще никакой теории нет, но для науки это не очень возможно¹¹⁹. По-видимому, к этому идеалу стремился Гуссерль.

Так или иначе, идеальная теория, очень близко держащаяся фактов и очень мало домысливающая, может казаться на первый взгляд совершенно некогерентной.

(Кажется, что подходы Лэйнга к науке и к безумию похожи. Если мы можем сказать, что нелогичная теория бывает ближе к истине, чем логичная, то естественно сказать, что безумный (=нелогичный, непредсказуемый) человек по-своему может быть ближе к истине, чем адекватный, предсказуемый, нормальный. В последнем может быть слишком много социально определенного.)

¹¹⁸ Конечно, моя схема упрощает положение вещей. Идеал состоит в том, что теории пересматриваются, практика - в том, что они сильно сопротивляются пересмотру. К счастью, на практике доступны альтернативные теории.

¹¹⁹ Вопрос, можно ли открывать новые факты, не имея теории, и если да, то насколько, не представляется возможным здесь рассматривать. Лично я считаю, что да, можно (например, животные владеют фактами, не владея теориями). Однако рефлексия этих фактов будет, вероятно, довольно натянутой. Вопрос о природе рефлексии здесь тоже невозможно рассматривать.

Итоги

Постмодерн склоняется к отождествлению культуры, как и вообще любого ментального существования, с текстом. Поэтому, если спросить приверженцев этого направления мысли, порождается ли наука культурой, кажется, они бы ответили: да, она порождается ей через господствующий в умах текст, через дискурс. По-своему это неопровержимая теория; в таком же смысле неопровержимым является даже грубый материализм, когда он утверждает, что души нет, поскольку всё ментальное всегда можно переформулировать в терминах телесных событий и процессов. Этим постмодерн сближается с материализмом. Оба объясняют настолько редуционистски, насколько возможно (по-своему честный и обоснованный ход мысли). Как интуиция протестует против материализма, так она протестует и против постмодерна. В психиатрии редуционизм слишком опасен. Несмотря на то, что предметом моей диссертации было родственное постмодерну явление, я на протяжении всего текста старалась держаться как можно дальше от "материалистического" крыла этой философии. Утверждение, что наука (само рафинированное мышление об истине, можно сказать, царство платоновских идей!) порождается культурой (явлением очень преходящим и зависящим от фактичности), кажется слишком поспешным отказом от пафоса истинности. Этот пафос движет абсолютно всеми учеными, в том числе, как можно показать, даже такими серьезными адептами постмодерна, как Фуко, и даже такими серьезными скептиками относительно рациональности, как Хайдеггер ("научный" проект которого, в сущности, не очень сильно отличается от проектов таких нововременных философов, как Фр.Бэкон и Юм). Пафос науки - вопрошание. *Зачем* мыслит философ, если верит в то, что истины нет? Все это время мне было важно в том числе и спасти вопрошание. К тому же, если ученый работает, не веря в трансцендентную истину, его работа, скорее всего, не будет интересна.

В то же время психиатрия представляет слишком прекрасный пример превалирования культуры над наукой. Она дает весь материал для того, чтобы показать, что "истина" зависит от желательной практики (именно такова мысль Фуко), а желательная практика - от социальной потребности. И когда говорят, что психиатрия основывается на дискурсе [Morice, 1978] и что она зависит от культуры, это тоже можно показать.

Пример депрессии

До какой-то степени само восприятие психических болезней, как со стороны, так и - что важнее - изнутри, зависит от господствующего в умах образа мысли. Например, есть некоторое состояние, которое в эпоху рациональности и науки называется *депрессия* [Kleinman, Good, 1985]. Это простое состояние, которое субъективно приблизительно можно сформулировать словом "плохо". Физиолог, наверное, скажет, что причина его в срыве симпатической иннервации, или в эндогенной недостаточности опиоидных пептидов, или что-нибудь в этом роде.

Далее, среди прочих, встает вопрос оценки. Обыватель эпохи НТР рассматривает это состояние как нежелательное. Чтобы избавиться от него, он идет к врачу. В эпоху господства религиозного мировоззрения депрессия называлась словом "уныние" и считалась либо грехом, либо, в лучшем случае, испытанием. Как можно понять столь странный ход мысли, что нечто, не зависящее от человека и для него тяжелое, является его виной? Приверженцы религиозной позиции, однако, отвечают: депрессия - позиция, которую выбирают. Человек выбирает, возможно, не само состояние, а свое отношение к нему. Например, он выбирает, называть ему свое состояние унынием или, например, покаянием. Кажется, что он выбирает это только как название, но на самом деле подразумевается совершенно разное ценностное отношение (как из разного ценностного отношения можно затем вывести разные обоснования и теории, показывает теория рационализации). Промежуточная точка зрения представлена экзистенциализмом. Последний называет тяжкие переживания "пограничной ситуацией" и рассматривает их, независимо от того, произвольны они были или случайны, как, некоторым образом, удачу, поскольку они выводят к истинному существованию.

Конечно, когда речь идет о сильной, катастрофической депрессии, вряд ли можно говорить о произвольном выборе даже в смысле названия (собственный опыт). Однако некоторые промежуточные случаи, которые у человека есть возможность вынести собственными силами - используя резервы терпения и положительной оценки происходящего - подрывают основы психиатрии пограничных ситуаций. "Малая" психиатрия эпохи НТР процветает, если можно так выразиться, на спросе среднего населения на хорошее настроение.

Очевидно, что это характерно только для определенного типа общества, который

имеет место в обсуждаемом случае. Спрос на хорошее настроение не может быть в моде, когда культурной (например, религиозно обоснованной) ценностью является страдание. Так было в христианстве ("каждый должен взять свой крест"); так было в экзистенциализме, по крайней мере, у Ясперса (Больнов указывает, что и у других экзистенциалистов тоже, но для Хайдеггера, кажется, в некоторых отношениях характернее ценностная индифферентность). Каким образом, в свете вышесказанного, охарактеризовать общество и культуру - отдельный вопрос, его решали и Ясперс в "Духовной ситуации времени", и Хайдеггер в "Письме о гуманизме", и Ортега-и-Гассет в "Восстании масс", и другие.

Такая возможность, как возможность оценить депрессию положительно (или считать ее вызовом для внутренней работы) подрывает психиатрию и как социальную практику, и как теорию. Когда заходит разговор о предельном смысле переживания страдания, о его ценности, о том, что терпеть велит такая вещь, как достоинство, позитивная наука не может принимать в нем участие. Самый лучший вариант: она устраняется и ее устраняют; ее устраняет пациент, который в данном случае принимает решение не обращаться к врачу, а сама она устраняется в лице теоретика, которые вычеркивает понятие депрессии из классификации болезней (ни того ни другого на практике не происходит, это просто возможность). Самый худший вариант: при появлении дискурса, в котором позитивная психиатрия не может принимать участие, в данном случае экзистенциального либо религиозного, она квалифицирует этот дискурс как бред. Этот ход мысли это по-своему вполне логичен, потому что, как учит феноменология, бред - это нечто непонятное. Как раз в данном случае открывается потенциальная опасность феноменологического критерия понятности, которую Ясперс не предвидел. Эта опасность связана с тем, что, грубо говоря, *возможности непонимания беспредельны*. Понимание - это любовь, и при желании любить можно понять даже бред, как Лэйнг. Непонимание - это нелюбовь. Обратное, нелюбовь - это непонимание. При нежелании понимать, при желании не понимать, а тем более при активном желании не понять для того, чтобы не согласиться, можно считать больным даже нормального человека (например, похожий случай был с царским режимом у Чаадаева).

Однако речь не об этом. Наука добровольно не вычеркивает из диапазона своих предметов некоторый предмет, с которым она в принципе может по-своему работать.

Она будет работать с ним до тех пор, пока не будет исчерпан научный потенциал этой работы. В том числе позитивная психиатрия не устраняется от того, чтобы работать с депрессией. Она будет работать с ней и в исследовательском, и в терапевтическом плане. Исследовать ее она будет, например, с точки зрения физиологии мозга, а также с точки зрения классификации. Лечить ее она будет, насколько сможет. Поэтому до некоторой степени можно сказать, что у науки свои законы. В области чистой теории они не порождены ничем, в пределе даже дискурсом. В прикладной области они порождены, например, спросом, социальным заказом и т.п.

Что касается пациентов, то они принимают решение, обращаться или не обращаться за помощью, и если да, то к кому, исходя из собственного представления о желательном и о норме. Поскольку трудно ожидать, что, по крайней мере в нашей культуре, будет широко распространена идея добровольно претерпевать страдание, спрос на услуги "малой психиатрии" по избавлению от депрессии и по поставке хорошего настроения, вероятно, будет стабилен. В свою очередь, в процессе удовлетворения этого спроса наука будет развиваться. Однако в иной культуре представление о медикаментозном излечении депрессии может показаться совершенно неуместным. Представляется, что это должна быть религиозно ориентированная культура, однако вполне возможно, что не обязательно. Например, возможно, на большую часть современной психиатрии не было бы спроса, если бы широко распространенной моралью была бы мораль римских стоиков.

Я привела депрессию как пример, поскольку, в отличие от шизофрении, этот опыт, вероятно, знаком многим. И поэтому нетрудно увидеть на этом примере и законы, по которым работает психиатрия, и смысл, который придается внутренним состояниям человека посредством культурной интерпретации, и попытаться прояснить взаимоотношения психиатрии и культуры (и даже, может быть, законы, по которым философия работает с природой, а природа сопротивляется философии).

Заключение.

Итак, проанализировав развитие психиатрии и задавшись вопросом, как и почему появилась антипсихиатрия и философия Лэйнга, можно сделать два вывода. Во-первых, идею понимания психоза сделал возможным ход научной мысли. Во-вторых, идею понимания психоза сделала насущной сама культура.

Для того, чтобы охарактеризовать культуру 60-х годов или конца 20-го века, потребовалась бы работа, не сравнимая с моей. Интересно привести один пример, как и в случае с Пинк Флойд, характеризующий умонастроение масс. Ниже следует цитата из песни Р.Дж.Дио:

Give me a choice between pleasure and pain I choose pain	Дайте мне выбор между удовольствием и болью Я выбираю боль
--	--

Take the water and wash your face with pain	...	Возьми воду, умойся болью
Take a hammer and pound yourself with pain		Возьми молот, вбей в себя боль и т.п.

Дио по степени философской осознанности и нагруженности рефлексией нельзя сравнить даже с Пинк Флойд, не говоря уже о профессиональных экзистенциалистах. В рок музыке он представляет собой случай философствования, не обеспеченного образованием. Однако тем больше оснований рассматривать его как пример культурного явления. В данном случае, как кажется, существо этого явления в том, что система ценностей экзистенциализма распространяется. Причину, почему он выбирает боль, Дио не формулирует. Вероятно, можно сказать, что он делает правильно: речь о системе ценностей, у которой в прямом смысле не может быть причин. Она по каким-то законам существует в культуре. Научное исследование во многом определяется ею. Я думаю, что, по крайней мере отчасти, под влиянием той же самой системы ценностей появилась и антипсихиатрия.

Таким образом, если в интенции понимания психоза ход науки и культуры совпадает, то социальная деятельность антипсихиатрии стала логичной и возможной только в культурном контексте.

Вообще говоря, с точки зрения анализа внешних ценностей, на которые ориен-

тировался Лэйнг, можно выделить два не связанные между собой вектора¹²⁰. Во-первых, это моральный пафос. Этот пафос Лэйнг эксплицировал в "Фактах жизни", однако он был замечен и в "Разделенном Я". Кратко говоря, моральная идея антипсихиатрии сводится к тому, что репрессировать плохо. Это вполне укладывается и в стиль мышления, и в систему ценностей модерна. Легко можно предположить, например, что с этим согласился бы Кант. В русле этого лежит интенция к "пониманию". Психологической основой желания понимать, является любовь, как показал Ясперс. Требование любить вполне соответствует не только предшествующей религиозной традиции, но и общепонятным ценностям всех времен, не исключая Новое время. Другими словами, для того, чтобы призывать, поэтически говоря, милость к больным, Лэйнгу не потребовалось бы совершать никакого особого прорыва, надо было только додумать до соответствующего уровня уже существующую моральную систему (на которую, в высшей степени убедительно, ссылался и Пинель).

С другой стороны, Лэйнг употреблял ЛСД, написал "Райскую птицу" (бредовое произведение, которое по-странному описывает происходящее) и утверждал, что в основе психоза лежит некая трансцендентная истина. В этом он был, выражаясь терминологией Доброхотова, дитя авангарда. Авангард есть движение изнутри вовне, ориентация на внешнее и нечеловеческое. Что значит для авангарда "вовне"? Вообще говоря, сосредоточение на том, что вовне, характерно и для классики. "Вовне" для классики - это то, что видно, что дано в ощущении, что некоторым образом существует и воспринимается. Насколько оно воспринимается, конечно, становится ясно уже после того, как классика проделала свою работу, но во всяком случае ни один классик не воспринимает свою миссию как призвание воплощать невоплощенное; он (когда речь о художниках) воплощает воплощенное, только до тех пор не увиденное. Авангард, в отличие от классики, воплощает то, что до него вообще никак не было воплощено. Поэтому оно воспринимается как фантазия. С другой стороны, поскольку в какой-то мере оно все-таки было, авангард уверен, что его построения не произвольны. Приходится *пересматривать правомерность воплощенного*. В конце концов, именно в таком положении был Платон. Антипсихиатрия тоже некоторым образом

¹²⁰ Автор горячо благодарит за эту мысль Т.Ю.Бородай; за само различение модерна и авангарда как "сосредоточения на внутреннем" и "сосредоточения на внешнем" - А.Л.Доброхотова.

представляет собой пересматривание правомерности воплощенного. Другой вопрос, что Платон пытался обосновать существование невоплощенного вполне рациональными средствами, а антипсихиатры, как и другие деятели авангарда 20-го века, для расширения сознания почти сразу прибегали к ЛСД (хотя надо отметить ради справедливости, что рациональные средства они отвергали не совсем сразу; Лэйнг в какой-то мере двигался по пути воздействия словом).

Итак, представляется, чтобы вынести окончательное заключение о том, насколько мышление внутри самой науки определено внешними по отношению к ней законами дискурса, все еще мало данных. Однако с несомненностью показано, что культура предъявляет заказ для науки. Антипсихиатрия - это ситуация, когда заказ культуры к науке был не на излечение и не на возвращение к норме.

Конечно, интереснее всего такой вопрос: есть ли что-либо под авангардным постулированием неизвестной правды? Есть ли что-либо помимо человека? Разрешить этот вопрос, как считал Кант, на пути разума нельзя. Возможно, как считал Гегель, путь к его разрешению проложит движение Абсолютного духа (культуры и науки).

Библиография

Книги Лэйнга:

1. Divided Self. Harmondsworth, 1959. (Рус.пер.: Р.Лэнг. Расколотое Я. Спб., 1995)
2. Self and Others. Harmondsworth, 1961.
3. (with Esterson, A.) Sanity, Madness and the Family. Families of Schizophrenics. Harmondsworth, 1964.
4. (with Phillipson, H., Lee, A.R.) Interpersonal Perception: A Theory and a Method of Research. Tavistock, London, 1966.
5. Politics of Experience and the Bird of Paradise, L., 1967. (Рус.пер.: Р.Лэнг. Политика переживания и Райская птица. В: Лэнг Р.Д. Расколотое "Я". Спб., 1995.)
6. Politics of the Family and Other Essays, L. NY, 1969.
7. Knots, Harmondsworth, 1970
8. Do You Love Me? L, 1974
9. Facts of Life, Harmondsworth, 1976. Рус.пер.: Факты жизни. Львов, Инициатива (в печати)
10. Conversations with Children, L., 1978.
11. Voice of Experience, L, 1982.
12. Wisdom, Madness and Folly, L., 1985.
13. (with Cooper, D.) Reason and Violence. A Decade in Sartre's philosophy. L., 1964.

Литература

1. Abraham, K. A Short Study of the Development of the Libido, viewed in the Light of Mental Disorders. 1924.
2. Alford C. F. Group Psychology and Political Theory. New Haven, CT: Yale University Press, 1994.
3. Alford, C. F. Melanie Klein and Critical Social Theory. New Haven, CT: Yale University Press, 1989.
4. American Psychiatric Association. Diagnostic and Statistical Manual of Mental Disorders, 3rd Edition. Washington, 1994.
5. Bateson, G. Communication, 1950.
6. Bateson, G. Mind and Nature. A Necessary Unity. NY., 1979
7. Bateson, G. Steps to an Ecology of Mind. San Francisco, 1972.
8. Benton, T. Biology and Social Science: Why the Return of the Repressed Should Be Given a (Cautious) Welcome, Sociology, 25, 1-29, 1991.
9. Berrios, G.E. Phenomenology, Psychology, and Jaspers: A Conceptual History. History of Psychiatry 3:303-27. 1992.
10. Berrios, G.E. What Is Phenomenology? Journal of the Royal Society of Medicine, 82: 425-27. 1989.
11. Binswanger L. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins, Zürich, Max Niehans, 1942. Рус.пер.: Бытие в мире (Введение в экзистенциальную психиатрию), М., КСП+, СПб, Ювента, 1999.
12. Blackham, H.J. Six Existentialist Thinkers. London, 1961.
13. Bohlmann, O. Conrad's Existentialism (New York: St. Martin's Press, 1991).
14. Boss, M. Existential Foundations of Medicine and Psychology. NY, 1979.

15. Boss, M. *Psychoanalysis and Daseinsanalysis*. NY, 1963.
16. Brown, G., Harris, T. *Social Origins of Depression*. London, 1978
17. Brunner, J. *Freud And The Politics Of Psychoanalysis*. Cambridge, MA: Basil Blackwell, 1995.
18. Burston, D. *The Crucible of Experience: R.D. Laing and the Crisis of Psychotherapy*. Cambridge MA, 2000
19. Burston, D. *The Wing of Madness: The Life and Work of R.D.Laing*. Cambridge MA, 1996.
20. Carr, A. *Metatheorizing The Dialectic Of Self And Other*. *American Behavioral Scientist*, Oct99, Vol. 43 Issue 2, p324, 22p.
21. Castel, R. *The Regulation of Madness: the Origins of Incarceration in France*. Oxford, 1988.
22. Castel, R., Castel, F. and Lovell, A. *The Psychiatric Society, New York. Commissioners in Lunacy (1897). Special Report on the Alleged Increase in Insanity*. London, 1982.
23. Chessick, R. D. *The Phenomenology Of Erwin Straus And The Epistemology Of Psychoanalysis* *American Journal of Psychotherapy*, Winter99, Vol. 53 Issue 1, p82, 14p.
24. Clay, J. *R.D. Laing: A Divided Self*. London, 1996.
25. Cohn, H.W. *An existential approach to psychotherapy*, *British Journal of Medical Psychology*, 57, pp. 311-318. 1984.
26. Collier, A. *The Philosophy and Politics of Psychotherapy*. NY, 1977
27. Cooper D. *Psychiatry and Antipsychiatry*. L., 1967.
28. Crossley, N. *Fish, Field, Habitus And Madness: The First Wave Mental Health Users Movement In Great Britain*. *British Journal of Sociology*, Dec99, Vol. 50 Issue 4, p647, 24p.
29. *Culture, Behavior and Personality*. Chicago, 1983.
30. Deleuze, G., Guattari, F. *Anti-Oedipus*. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1983.
31. Deurzen, E. v. *Paradox and Passion in Psychotherapy*. Chichester: Wiley. 1998
32. Dubois, P. *The psychological origin of mental disorders*. 1913.
33. Earle, W. *Phenomenology and Existentialism*. *The Journal of Philosophy*, Vol 57, Issue 2 (Jan 1960), p.75, 9 p.
34. Eilan N, *On understanding schizophrenia*. In.: Zahavi, Dan (Ed). *Exploring the self: Philosophical and psychopathological perspectives on self-experience*. pp. 97-113. Amsterdam, 2000.
35. Ellenberger, H.F. *The Discovery of the Unconscious*. NY, 1970.
36. Keen, E. *Chemicals for the Mind: Psychopharmacology and Human Consciousness*. Westport, CT: Praeger, 2000.
37. Evans, R.I. *R.D.Laing: The Man and His Ideas*. NY, 1976.
38. *Existential-phenomenological alternatives for psychology*. N.Y., 1978.
39. Ey, H. *Etudes psychiatriques*. Paris, 1948-54.
40. Ferenzi, S. *Introjection et transfert*. 1909.
41. Frankl, V.E. *The Unheard Cry for Meaning*. London, 1978.
42. Freeman D., *Margaret Mead and Samoa: The Making and Unmaking of an Anthropological Myth*. Cambridge, 1983.
43. Frie, R. *Subjectivity and Intersubjectivity in Modern Philosophy and Psychoanalysis: A Study of Sartre, Binswanger, Lacan, and Habermas*, New York & London: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 1997.

44. Gaebler, B. Erklären oder Verstehen? Karl Jaspers als Initiator bedeutsamer Neuansätze in der Psychiatrie. In: H.-M. Gerlach: Existenzphilosophie. Karl Jaspers. Berlin, 1987.
45. Gans, S. Questioning existential analysis today, *Journal of the Society for Existential Analysis*, 1, pp. 33-37. 1990.
46. Ghaemi, S. N. Rediscovering Existential Psychotherapy: The Contribution Of Ludwig Binswanger. *American Journal of Psychotherapy*, 2001, Vol. 55 Issue 1, p.51, 14p.
47. Glass, J.M. *Psychosis And Power: Threats To Democracy In The Self And The Group* Ithaca, NY: Cornell University Press, 1995.
48. *Going Crazy*. Toronto etc, 1972.
49. Goldstein, J. *Console and Classify*. Cambridge, 1987.
50. Grotstein, J.S. A reappraisal OF W.R.D. Fairbairn, *Bulletin of the Menninger Clinic*, Fall93, Vol. 57 Issue 4, p. 421.
51. Hebdige, D. *Hiding in the Light* London, Routledge & Kegan Paul, 1989
52. Horkheimer, M., Adorno, Th. W. *Dialectic of enlightenment*. New York: Seabury, 1972.
53. Howarth-Williams, M. *R.D.Laing: His Work and Its Relevance for Sociology*. L. etc, 1977.
54. Jaspers K. *Philosophische Autobiographie*, München, 1977.
55. Jaspers, K. *Gesammelte Schriften zur Psychopathologie*. Berlin, 1963.
56. Jaspers, K. *Rechenschaft und Aulisk*. München, 1951.
57. Jaspers, K. *Schicksal und Wille*, München, 1967.
58. Kleinman, A. *Patients and healers in the Context of Culture: an Exploration of the borderland Between Anthropology, Medicine, and Psychiatry*. Berkeley, 1980.
59. Kleinman, A., Good B. *Culture and Depression: Studies in the Anthropology And Cross-cultural Psychiatry of Affect and Disorder*. Berkeley, 1985.
60. Kockelmans, J. J. *Daseinsanalysis and Freud's Unconscious*. *Review of Existential Psychology and Psychiatry* 16, 21-42, 1978.
61. Kvale, S. *The Psychoanalytic Interview As Qualitative Research* *Qualitative Inquiry*, Mar99, Vol. 5 Issue 1, p87, 27p.
62. Laing and Antipsychiatry. NY etc, 1971.
63. Laing, Adrian. *R.D. Laing: A Life*. London. 1994.
64. Langenbach, M. *Phenomenology, Intentionality, and Mental Experiences: Edmund Husserl's "Logische Untersuchungen" and the First Edition of Karl Jaspers's "Allgemeine Psychopathologie"*. *History of Psychiatry*. VI, 1995. Pp.c 209-224
65. Lateri-Laura, G. *La Psychiatrie Phénoménologique*. Paris, 1963.
66. Lawlor, L. *Gray morning*. *Research in Phenomenology*, 1997, Vol. 27, p.234
67. Leary, T. *The Politics of Ecstasy*, 1968
68. Lee, B. *Psychological Theories of the Self*. NY, 1982.
69. Leff, J. *Psychiatry around the Globe: A Transcultural view*. NY, 1981.
70. Marc, E. *Le processus de changement en therapie : Du discours des fondateurs Berne, Freud, Jung, Reich, Lowen, Janov, Perls, Carl Rogers, Bateson, Winnicott aux temoignages des patients*. Paris, 1987.
71. Marcuse, H. *One-Dimensional Man*. Boston, 1966.
72. Marsella, A.J. *Depressive experiences and disorder across cultures: A review of the literature*. In: *Handbook of Cross-Cultural Psychology*. Vol.6. Boston, 1980.
73. Marsella, A.J., White G.M. *Cultural Conceptions of Mental Health and Therapy*. Dordrecht (Holland), 1982.
74. Martin, J. *Milton existential thought and client centred therapy*. *Counselling Psychology*

- Quarterly, 1993, Vol. 6 Issue 3, p.239
75. May, R. *Man's search for himself*. NY, 1953
 76. May, R. *The discovery of being: Writings in existential psychology*. New York, 1983.
 77. McHuch, P.R., Slavney, P.R. *The Perspectives of Psychiatry*. Baltimore, 1986.
 78. Menninger, K. *Man Against Himself*. 1938
 79. Mink, L. *Historical Understanding*. Ithaca, NY, L, 1987.
 80. Mills, J. *The False Dasein: From Heidegger To Sartre And Psychoanalysis* [1] *Journal of Phenomenological Psychology*, Spring97, Vol. 28 Issue 1, p42, 24p.
 81. Moreau de Tours, J.-J. *Du hachisch et de l'alienation mentale*. Paris, 1945.
 82. Moreau de Tours, J.-J. *Traité pratique fr la folie névropatique*. Paris, 1869.
 83. Morice, R. *Psychiatric diagnosis in a transcultural setting: The Importance of lexical categories*. *Br. J. Psychiatry*, 132: 87-95. 1978.
 84. Perls, F. *The Gestalt Approach and the Eye Witness to Therapy*. NY, 1973.
 85. Perry, J.W. *The Far Side of Madness*, Prentice Hall, 1974.
 86. Phillips, A. *Winnicott*. Cambridge (Mass.), 1988.
 87. Phillips, D. *Rejection: a possible consequence of seeking help for mental disorders*, *American Sociological Review*, 28, 963-72., 1963.
 88. Pichot, P. *Un siècle de psychiatrie*, Paris, 1983.
 89. Postel. J. *Psychiatrie*. Laing. Moreau de Tours. Kraepelin. Bleuler. Reil. Heinroth. Ideler. Feuchtersleben. Pinel. Esquirol. Chiaruggi. Cullen. Trela. Charcot. B: *Encyclopédie Philosophique Universelle*. Paris. 1999.
 90. Rachman, A. *Sandor Ferenczi. The psychotherapist of tenderness and passion*. Northvale, NJ, 1997.
 91. Rothberg, D. *The Crisis Of Modernity And The Emergence Of Socially Engaged Spirituality*. *ReVision*, WINTER93, Vol. 15 Issue 3, p105, 10p.
 92. Sass, L. A. *Heidegger, Schizophrenia and the Ontological Difference*. *Philosophical Psychology*, 1992, Vol. 5 Issue 2, p.109.
 93. Scheff, T.J. *Being Mentally Ill: A Sociological Theory*. NY, 1967.
 94. Schilpp, P.A. ed. *The Philosophy of Karl Jaspers*. La Salle, 1981.
 95. Schneider. Kirk J. *The Revival of the Romantic Means a Revival of Psychology*. *Journal of Humanistic Psychology*, Jul99, Vol. 39 Issue 3, p13, 17p.
 96. Schwartz M. A., Wiggins O. P. *Scientific and humanistic medicine: A theory of clinical methods*. In K. L. White (Ed.). *The task of medicine*. Menio Park, 1988.
 97. Schwartz M. A., & Wiggins O. P., in: *Journal of Personality Disorders*, 1989, 3 (1). 1-9., Цит. по: *Логос*, №1 (1998).
 98. Scott D. Ch. *Chemicals for the Mind* (book review). *Journal of Phenomenological Psychology*, Fall2000, Vol. 31 Issue 2, p.239
 99. Scull, A. *From Madness to Mental Illness: Medical Men as Moral Entrepreneurs*, *Archives Européenes de Sociologies*, 16, 218-61, 1975.
 100. Segal, H. *Melanie Klein*. In: *The Writings of Melanie Klein*, NY.
 101. Shorter, E. *A History of Psychiatry: From the Era of the Asylum to the Age of Prozac*. New York: Wiley, 1997.
 102. Spector, M. *Legitimizing homosexuality*, *Society*, 14, 52-6, 1972.
 103. Spiegelberg, H. *Husserl's Phenomenology and Existentialism*. *The Journal of Philosophy*, Vol 57, Issue 2 (Jan 1960), p.62, 13 p.
 104. Stierlin, H. *Existentialism Meets Psychotherapy*. *Philosophy and Phenomenological Research*, Vol 24, Issue 2, p. 215, 25 p.

105. Szasz, T.S. The Myth of Mental Illness. NY, 1974.
106. Szasz, T.S. The Myth of Psychotherapy: Mental Healing as Religion, Rhetoric, and Repression. NY, 1978.
107. Szasz, T.S. The Theology of Medicine. NY, 1977.
108. Tarnas, R. The Transfiguration Of The Western Mind. ReVision, WINTER90, Vol. 12 Issue 3, p3, 15p.
109. White, K. L. (Ed.). The task of medicine. Menio Park, 1988.
110. Whitebook, J. Perversion And Utopia: A Study In Psychoanalysis And Critical Theory Cambridge, MA: MIT Press, 1995.
111. Williams, R. 150 Years of British Psychiatry 1841-1991. Lancet, 11/30/91, Vol. 338 Issue 8779, p1381.
112. Wolfenstein, E. V. Psychoanalysis In Political Theory. Political Theory, Nov96, Vol. 24 Issue 4, p.706, 23p.
113. Yalom, I. Existential Psychotherapy. NY, 1980.
114. Young, R.M. The Divided Science. Delta No. 38, Spring 1966, pp. 13-18.

115. Аббаньяно, Н. Мудрость философии и проблемы нашей жизни. Спб, Алетейя, 2000.
116. Александер Ф., Селесник Ш. Человек и его душа: познание и врачевание от античности до наших дней.. М.: Прогресс-культура, 1995.
117. Башляр Г. Избранное. Т1. Научный рационализм. М., Спб, Университетская книга, 2000. Под. ред. А.Ф.Зотова.
118. Башляр Г. Новый рационализм. Биробиджан: ИП Тривиум, 2000. Предисловие А.Ф.Зотова.
119. Бейтсон Г. и М.К. Ангелы страшатся. К эпистемологии священного. М., 1994.
120. Бинсвангер, Л. Бытие-в-мире. М.: "КСП+", Спб: "Ювента", 1999.
121. Блейлер (E.Bleuler) Руководство по психиатрии. Издательство Независимой психиатрической ассоциации, 1993 г., по изданию: Берлин., Изд-во т-ва "Врач", 1920.
122. Больнов О., Философия экзистенциализма, Спб, 1999.
123. Вебер, М. Избранные произведения. М., Прогресс, 1990.
124. Выготский Л.С., Мышление и речь. М., 1934.
125. Гайденко П. Предисловие к: Ясперс К. Смысл и назначение истории, М., Политиздат, 1991.
126. Гайденко П., Прорыв к трансцендентному, М. "Республика", 1997.
127. Гайденко. Экзистенциализм и проблема культуры. М., 1963.
128. Гроф С. За пределами мозга. Рождение, смерть и трансценденция в психотерапии. М., 1992.
129. Гроф С., ред. Духовный кризис. М., 1995.
130. Гуссерль Э. Логические исследования (Картезианские размышления. Кризис европейских наук. Кризис европейского человечества. Философия как строгая наука.) Минск: "Харвест", М.: "АСТ", 2000
131. Гуссерль, Э. Картезианские размышления. Спб: Наука, Ювента. 1998.
132. Джемс У. Многообразие религиозного опыта. Спб, "Андреев и сыновья", 1992 (репр. 1913).
133. Дэйр К. Развитие психоанализа в Англии. В: Энциклопедия глубинной психологии, т.3. М. 1999.

134. История социологии в Западной Европе и США. М.: "НОРМА-ИНФРА", 1999
135. Камю А. Бунтующий человек. М., Изд-во политической литературы, 1990.
136. Каннабих Ю. История психиатрии. М., 1994 (репринт 1928 г.)
137. Каплан Г.И., Сэдок Б.Дж. Клиническая психиатрия (в 2-х тт). М., 1994
138. Капра Ф. Дао физики. Исследование параллелей между современной физикой и мистицизмом Востока. СПб, 1994.
139. Капра Ф. Уроки мудрости. Разговоры с замечательными людьми. М.: Изд-во Трансперсонального Института, Киев: AirLand., 1996.
140. Клемент Х. Экспедиция "Тяготение". М.: Мир, 1972.
141. Кляйн М. Зависть и благодарность, СПб, 1997
142. Кляйн М. Развитие одного ребенка, М., 1925.
143. Кляйн М., Айзекс С., Райвери Дж., Хайнманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
144. Койре А. Очерки истории философской мысли. О влиянии философских концепций на развитие научных теорий. М, 1985.
145. Косарева Л.М. Внутренние и внешние факторы развития науки. М., 1984.
146. Косарева Л.М. Рождение науки нового времени из духа культуры. М., Ин-т психологии РАН, 1997.
147. Лакан Ж. Семинары. Кн. 1, 2. М., 1999
148. Лапланш Ж., Понталис Ж.-Б. Словарь по психоанализу. М., 1996
149. Лири Т., Метцнер Р., Олперт Р. Психоделический опыт. Львов-Киев: Инициатива, 1998.
150. Маслоу А.Г. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
151. Миронов В.В. Образы науки в современной культуре и философии. М.: Гуманитарий, 1997.
152. Мотрошилова Н. Драма жизни, идей и грехопадения Мартина Хайдеггера. В кн.: Философия Хайдеггера и современность, М: Наука, 1991.
153. Мэй Р., Искусство психологического консультирования, М.: Класс, 1999, с. 51.
154. Нидлман Дж., Критическое введение в экзистенциальный психоанализ Л.Бинсвангера, в кн.: Л.Бинсвангер, "Бытие в мире".
155. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 1992.
156. Перлз Ф.С. Внутри и вне помойного ведра (практикум по гештальт-терапии.). СПб, 1995.
157. Пиаже Ж. Избранные психологические труды, М., 1994.
158. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистская категория трансценденции. В сб.: Современный экзистенциализм. М., 1966.
159. Риккерт, Г. Критика биологистического принципа ценности. В кн.: Риккерт, Г. Науки о природе и науки о культуре. М.: Республика, 1998.
160. Романов И. Мелани Кляйн в истории психоанализа, в кн.: М.Кляйн. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001.
161. Руднев, В. Феноменология галлюцинаций. Логос, №2, 2001 (28), с. 25-45.
162. Руткевич А., Политический контекст немецкой психиатрии, Логос, 1996, №8.
163. Руткевич А., "Понимающая психология" К.Ясперса, История философии, №1, М, ИФРАН, 1997.
164. Руткевич А.М. От Фрейда к Хайдеггеру, М., 1985.
165. Рыклин М. Предисловие к: Хайдеггер М. / Ясперс К., Переписка, 1923-1969, М., "Ad Marginem", 2001.

166. Савенко Ю. Антипсихиатрия. // Независимый психиатрический журнал, №4, 1992
167. Сокулер, З. Предисловие к: Фуко, М. История безумия в классическую эпоху. СПб, 1997.
168. Сосланд А.И. Фундаментальная структура психотерапевтического метода или как создать свою школу в психотерапии. М, Логос, 1999.
169. Тиллих П. Мужество быть. В: Пауль Тиллих. Избранное. Теология культуры. М., 1995.
170. Ткаченко А., К.Ясперс и феноменологический поворот в психиатрии, Логос, 1992 (3)
171. Торчинов Е.А. Религии мира. Опыт запредельного. Трансперсональные состояния и психотехника. СПб: Центр "Петербургское востоковедение", 1998.
172. Уэйт Дж., Политическая онтология. В кн. Философия Хайдеггера и современность., М: Наука, 1991.
173. Франкл В. Человек в поисках смысла, М, 1990.
174. Фрейд З. Влечения и их судьба. М., 1999
175. Фрейд З. По ту сторону принципа наслаждения; Я и оно; Неудовлетворенность культурой . СПб., 1998.
176. Фрейд З. Тотем и табу. М.: Олимп, 1997
177. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб.: "Университетская книга", 1997. Предисловие: З.Сокулер.
178. Хайдеггер М. / Ясперс К., Переписка, 1923-1969, М., "Ad Marginem", 2001
179. Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. В.В.Бибихина. М., Ad Marginem, 1997.
180. Хайдеггер М. Письмо о гуманизме. Пер. В.В.Бибихина /Время и бытие. М., Республика, 1993.
181. Хайдеггер М. Положение об основании. Пер. О.А.Коваль. СПб, Алетейя, 2000.
182. Шторк Й. Душевное развитие маленького ребенка с психоаналитической точки зрения. В кн.: Энциклопедия глубинной психологии, т.2. М., 1999.
183. Юнг К.-Г. Архетип и символ. М., 1991.
184. Юнг К.-Г. Йога и Запад. Львов-Киев, 1994.
185. Юнг К.Г. Психологические типы. М., СПб., 1996.
186. Ясперс К. Введение в философию. Минск, Изд-во ЕГУ "Пропилеи", 2000.
187. Ясперс К. Истоки истории и ее цель. В кн.: Смысл и назначение истории, М., Политиздат, 1991.
188. Ясперс К. Общая психопатология. М., "Практика", 1997.
189. Ясперс К. Стриндберг и Ван Гог. СПб.: "Академический проект", 1999.
190. Ясперс К. Феноменологическое направление исследования в психопатологии. В кн.: Собр.соч. по психопатологии, т.2. М.: Академия, СПб: Белый Кролик, 1996. С. 91. Каузальные и "понятные" связи между жизненной ситуацией и психозом при Dementia praecox (шизофрении). Там же, с.112.
191. Ясперс К. Философская вера. В кн.: Смысл и назначение истории, М., Политиздат, 1991.
192. Ясперс К. Философская автобиография. М.: Изд-во НПА, 1995.

Приложение

Эсален

Как можно выйти за пределы мышления,
не оставляя науку?
Ф.Капра, «Уроки мудрости».

Про Эсален хочется рассказать, потому что в этом месте происходили ментальные события, проводились конференции и велись разговоры, которые не только играли важную роль в формировании умонастроения деятелей 60-х, но и оказывают влияние по настоящий день - как через тех, кто из тогдашних их участников до сих пор жив и пишет, как Ф.Капра, А.Минделл, и супруги Грофы, так и произведениями тех, кто уже умер. Последние: Лэйнг, Г.Бэйтсон, Т.Лири, Г.Миллер, Ф.Перлз, А.Маслоу. Воспитана в Эсалене дочь Г.Бэйтсона М.К.Бэйтсон. В духовном контакте с семьей находилась жена Бэйтсона М.Мид. Ф.Капре периодически удавалось собирать в Эсалене более или менее долговременно работающие команды из ученых разных специальностей, от врачей до экономистов. Кроме того, в Эсален в течение 60-х - 90-х годов часто наезжали на конференции самые разные люди, от ученых до весьма экстравагантных личностей. Деятельность этого центра оказала значительное влияние на формирование "Движения третьего тысячелетия", "Движения новой терапии", гуманистическую и трансперсональную психологию, исследования ЛСД и другие направления неортодоксальной науки. До сих пор Эсален имеет широкую известность как место, где зарождаются новые течения психологии, хотя его репутацию сделали сомнительной многочисленные практикующие там же эзотерические и оккультные секты. Это центр не только науки, но и культуры, причем, как легко догадаться, соответствующей ему по духу: там были битники, рок-музыканты, хиппи, бывал наш Б.Гребенщиков... Стойко держится убеждение, что в Эсалене ведут ничем не ограниченный аморальный образ жизни, что в эпоху СПИДа вызывает очень настороженную реакцию. Насколько обосновано это убеждение, я судить не могу.

Мы, не берясь анализировать культурную роль Эсалена вообще, ограничимся рассмотрением только его вклада в науку.

Костяк даже раннего Эсалена составляли не только серьезные ученые. Говоря так, я намеренно пользуюсь очень социально узким значением употребляемых слов: "серьезный ученый" - это тот, кого признают коллеги по включенному в истеблишмент цеху, кто сам более или менее включен в научный истеблишмент и чья научная деятельность отвечает господствующей принятой в цехе коллег парадигме данной деятельности. Иначе говоря, к серьезным ученым не относятся научные маргиналы. Мне предстоит заострить внимание на том, что последние тоже могут быть очень серьезными учеными, если подходить к определению серьезности с мало-мальски объективными критериями. Это, конечно, совсем не обязательно так. Например, я не знаю, серьезный ученый или нет Ф.Капра. Он, несомненно, старался достичь серьезности, и, возможно, ему это удалось, когда он в 80-е годы явился экономистом и теоретиком здравоохранения. По образованию он физик, его самая известная вещь "Дао физики", но физики в большинстве не признают эту книгу за серьезную (источник: личные беседы с физиками). Поэтому у меня нет оснований компетентно судить о научной ценности его деятельности. Более того: я не утверждаю, что серьезный ученый Лэйнг, в той мере в какой он маргинал, создавший антипсихиатрию или эмбриологию реинкарнаций. Но практически однозначно серьезный, настоящий ученый Грегори Бэйтсон. Чтобы дать представление о том, чем занимались в Эсалене мыслящие люди, необходимо рассказать о Бэйтсоне.

Он родился в 1904 году в Англии и начал исследовательскую деятельность в 1924 с изучения эволюционной зоологии. Получил образование антрополога (американское слово для того, что мы называем культурологией) и отправился на острова Новой Гвинеи и Бали. Женился на Маргарет Мид. Оба отличались антропологическим энтузиазмом, но он был уравновешеннее: про нее говорили, что она тенденциозно толкует полевой материал [Freeman, 1983], про него нет.

Он писал далеко не все, что думал и говорил. Поэтому он оказывал очень серьезное влияние, пока был жив, но со временем, наверное, это влияние будет ослабевать и его имя забываться. Ведь книги имеют гораздо большее влияние во времени, чем слова. Впрочем, многие его записи, которые он сам не издавал, были позже восстановлены энтузиастами, прежде всего его дочерью.

Культурологические исследования - иногда озадачивающий материал. Общество дикарей не похоже на наше. Например, у дикарей не известна шизофрения. Эту бо-

лезнь можно определять по-разному, даже в биохимических терминах, но все же никакого подобного явления нельзя встретить в примитивных обществах, по крайней мере, с той частотой, с какой отклонения встречаются у нас - это при том, что биохимия у всех человеческих существ примерно одинакова.

В связи с данным медицинским фактом встает множество естественных вопросов из области философии. Например, что воздействует на что: биохимия на сознание или наоборот? И если мы видим причину явления на том же уровне, на котором оно само проявляется (в данном случае: шизофрения проявляется в области культурного функционирования индивидуума, и причину ее мы находим в культуре) - это значит, мы не редуцировали явление должным образом; научно ли это? Но насколько стоит редуцировать к низшим уровням, если можно этого не делать? - и так далее.

Как бы то ни было, Бэйтсон нашел причину шизофрении в культуре. Последующие десятилетия его жизни были посвящены работе в Пало-Альто, госпитале, в котором лечились ветераны войны во Вьетнаме. Еще до этого он серьезно интересовался кибернетикой, сотрудничал с Н.Винером. Вот ему показалось, что он подобрал кибернетический ключ к нашей цивилизации (американское слово для того, что мы называем культурой). Относительно всей цивилизации его теорию сейчас не представляется возможным изложить, а о психозах Бэйтсон писал, что они представляют собой коммуникативную неудачу в условиях, когда внешняя среда (у Бэйтсона это семья, у его последователей, таких как Лэйнг, Ватцлавик и др., это может быть общество в целом) предъявляет индивиду требования, которые он не может выполнить например, одновременное требование от ребенка и инициативы, и послушания, и т.п. При сверхусложненности нашей системы социальных отношений и связей нередко бывает, что то же, что одобряется, одновременно и порицается, зачастую одним и тем же человеком, например, матерью. Допустим, мать может требовать от ребенка ласки и одновременно быть отталкивающей холодной или насмешливой и т.п. Или в школьном коллективе от ребенка могут ожидать поведения, о котором он точно не знает, каково оно. Тогда очень часто чем больше он хочет хорошего, тем хуже получается. В определенных условиях - в случае психической неустойчивости - наступает психотическая реакция.

Это называется "теория двойной связи". Она получила широкую известность в американских психиатрических кругах. Эти круги находятся под исторически силь-

ным влиянием психоанализа, а последний всегда ищет основы психических расстройств в психологических конфликтах. Теория двойной связи Бэйтсона - не психоаналитическая, но адресуется в поиске причин шизофрении к психологическому уровню, по крайней мере не к биохимии. Поэтому американские психиатрические круги ее приняли с энтузиазмом.

Бэйтсон работал еще во многих областях теории коммуникации, кибернетики и т.п. Разработанная им теория экологического подхода к мышлению оказала большое влияние на основоположников нейролингвистического программирования Гриндера и Бендлера, так что в последнее время его имя в основном ассоциируется с НЛП (что жаль).

С 1949 года, после развода с М.Мид, Бэйтсон продолжал проводить антропологические исследования в Пало-Альто и основал на базе этой клиники Институт психических исследований. Некоторое время он изучал творчество, проводил сравнительные исследования творчества художников и больных шизофренией (мысль, конечно, древняя). В 60-х гг., продолжая разрабатывать проблемы теории коммуникации, Бэйтсон занялся исследованиями дельфинов, в частности, в лаборатории Дж.Лилли. У дельфинов он уже шизофрению не искал. Он не публиковал свои труды того периода, и в чем суть его деятельности у Лилли, я не знаю.

Перед смертью Бэйтсон жил в Эсалене. Он долго и мучительно умирал от рака, до последних дней не переставая писать, участвовать в семинарах, читать лекции. Позже дочь издала некоторые его записи [Бэйтсон, Г. и М.К., 1994]. То, что у нее получилось, к сожалению, носит слишком сильный отпечаток ее собственной личности (она известный социолог). Но, видимо, никакой другой вид этим несистематическим текстам придать было невозможно.

Что дает мне основания называть Грегори Бэйтсона научным маргиналом и что — серьезным ученым? Ученый он, прежде всего, по научной глубине и значимости его выводов, по практической применимости его теорий, да, попросту говоря, по правильности того, что он написал. С другой стороны, он не был удостоен научных регалий. Он мало преподавал, хотя слушать его в Эсален приезжали многие. У него не было титулов типа "профессор", "доктор" и т.п. Он был глубоко самостоятелен как мыслитель и в разрабатываемых теориях руководствовался только собственным представлением о том, что надо делать. Он не проявлял интереса к опубликованию

своих разработок, то есть был столь же холоден по отношению к истеблишменту, как и тот, в свою очередь, по отношению к нему. Он читал лекции, но особенно охотно просто беседовал. По описаниям, например, Ф.Капры, его научно-социальное функционирование несколько напоминало майевтический метод Сократа [Капра, 1996].

Многие другие жили и работали в Эсалене в подобном же режиме. Супруги Грофы проводили семинары по выходу в трансцендентное измерение (в наше время чем-то похожим занимаются супруги Минделл, развивающие свое открытие "школу процессуальной работы"). А.Маслоу переходил в Эсалене от гуманистической психологии к трансперсональной, Ф.Перлз отрабатывал гештальт-терапию. Перечисленные имена получили мировое признание. Я привожу их для того, чтобы подкрепить аргументами ту сторону правды, что Эсален подарил сокровищнице общечеловеческого знания много ценного.

С другой стороны, когда явление называется как-нибудь вроде «новая психодуховность» (цитата), оно имеет очень много шансов уклониться в область оккультных наук и профанации. Еще это может называться духовные практики, скрытые резервы человеческой психики, нетрадиционные психотехники и так далее. Почему-то сколь бы разными ни казались эти техники и практики, они уклоняются в оккультизм удивительно дружно (эмпирический факт). Оккультизм не только нельзя считать наукой, но даже и чем-то достойным того, чтобы быть принесенным на свет общечеловеческого суждения. Он и сопротивляется вынесению себя на свет (*occultus* в переводе с латыни: *тайный*)¹²¹. Этот эмпирический факт, что новые течения науки – иногда яркие, ценные, блестящие, как у Грофа! – так сближаются с мистикой, меня весьма удивляет. Я не вижу между этими вещами необходимой внутренней связи и настаиваю

¹²¹ Следовало бы корректно определить оккультизм, поскольку имеется необходимость различать: 1) прозрения, происходящие по типу заглядывания в неизвестное (см. в главе "Философия науки" о некогерентных научных теориях); 2) мистику; 3) оккультизм (и, в значении синонима к нему, также эзотерику и т.п.). Конечно, мне не под силу дать сущностные определения этих терминов. Но ясно, что первое следует охарактеризовать как в любом случае достойное, должное быть принятым; второе - как ставящее вопрос; третье - как в любом случае недостойное, наверняка халтурное, рассчитанное на доверчивых дураков. В данном случае наиболее интересно решать вопрос, который ставит мистика. Что же касается оккультизма, можно только сделать предварительное наблюдение, что для него характерно упорное нежелание стать достоянием научной мысли. Когда какая-либо теория объявляет себя теорией для избранных, причем, в особенности, для избранных, не имеющих научного образования, можно подозревать шарлатанство.

ваю на том, что их близость обоснована только эмпирически! В конце концов, когда-то и обычная наука была частью религии, например астрономия в Египте. Сейчас частью мистики является то, что, скорее всего, со временем будет только частью психологической науки.

Впрочем, следует отметить, что несколько иной ответ на поставленный вопрос можно дать исходя из теории К.-Г.Юнга. Психология Юнга имеет с мистикой самую настоящую сущностную внутреннюю связь. Выглядит это так: у человека есть бессознательное, которое структурировано, по большей части, коллективными архетипами. Именно в это пространство коллективных архетипов выходят те, кто по любым причинам претерпевает измененное состояние сознания, будь то психически больные или практикующие медитацию. С другой стороны, именно эти архетипы коллективного бессознательного отражены во всех мистических доктринах, тайных учениях, гностических текстах и т.п. Архетипическое коллективное бессознательное существует вполне объективно, и кроме него особенно больше ничего нет. Поэтому все есть оно: и шизофрения тождественна мистике, и любая духовная практика тоже.

Еще возможное объяснение того же. Чтобы построить научную теорию, надо от чего-то отталкиваться. Только очень наивный теоретик науки полагает, что теории появляются из обобщения эмпирического материала; чтобы обобщить разрозненный материал, нужны ходы мысли, нужны шаблоны хотя бы на уровне мета-схем мышления. Новые теории могут рождаться от старых, но совсем новая теория так не появится. Источник альтернативных теорий следует где-то искать. Мистика может предложить новые мыслительные ходы. Возможно, этим объясняется то, что к ней часто обращаются.

Как бы то ни было, и каким бы ни представало перед нами истинное и желательное взаимоотношение науки и мистики – Эсален, как кажется, одно из мест, где сейчас рождается то, что определенно в каком-то виде будет существовать в будущем.

Маргинальность в науке

Когда государство управляется согласно с разумом, постыдны бедность и нужда; когда государство не управляется согласно с разумом, постыдны богатства и почести.
Конфуций

1. Определение понятия. Структура маргинальности.

Подобает сначала определить научную маргинальность, но я не знаю, как это сделать. Насколько мне известно, не существует общепринятого определения и обычной маргинальности: это то, что выходит за рамки? Что слишком сильно отличается от общепринятого? То, что репрессировано? И как определить, что такое рамки? Будем считать для начала, что значение термина понятно интуитивно. Несколько помогает то, что маргиналов характеризуют общие черты: например, то, что они незадачным образом функционируют в социуме. То, что они не полностью пользуются всеми возможностями, предоставляемыми социумом. То, что они не все плоды своего функционирования приносят на алтарь социума. Я несколько педалирую асоциальность маргиналов: нельзя поставить знак равенства между маргинальностью и асоциальностью. Но все же маргинальность, по существу своему, явление социального порядка.

Научную маргинальность, по аналогии с обычной, я хотела бы определить через функционирование научного социума. Научный социум организован в структуры, по сути являющиеся истеблишментом. Функционирование в этих структурах достаточно жестко предзадано. Нельзя сказать даже, что в случае каждого отдельного ученого осуществляется свобода научного поиска: от студенческой скамьи до научно-исследовательского учреждения человек вынужден ориентироваться в своей деятельности и на требования, собственно, объекта, и на существующие возможности, которые готов ему предоставить социум. Студент выбирает не столько тему, которая ему по душе, сколько научного руководителя, и выбор этот всегда ограничен. Жанр работы он тоже не выбирает: курсовые, диссертации, статьи (да и книги) пишутся стандартным образом. Пока ученый себя не проявил выдающимися открытиями, к нему предъявляются требования валового научного результата: количество статей, объем в печатных листах и так далее. В случае эмпирических наук, допустим биологии, существуют такие требования, как, например, приводить статистику. Весьма любопытно,

что эти требования - в значительной мере неписанные. Редакция журнала по физиологии не пишет авторам: "Поставьте опыт не менее чем на 20 животных", но не примет статью, где количество животных меньше (практика, которая, случается, ведет к припискам - мои личные наблюдения). Вследствие таких, так сказать, жанровых ограничений в научные маргиналы попадают даже вполне уважаемые ученые, чей жанр состоит, например, в тщательном наблюдении единичных случаев (что пока остается правомерной вещью в медицине, но в физиологии совершенно "вышло из моды"). О научных парадигмах сказано немало; сказанное можно умножить еще применением к данной области теорий, первоначально бытовавших в других областях, например, теории экстраверсии-интроверсии Юнга. (Юнг сам указывает на то, что в современной науке господствует экстравертированная установка на коллекционирование и систематизацию фактов, в противовес интровертированной, которая заключалась бы в личном теоретизировании) [Юнг, 1996].

Таким образом, наука как деятельность несколько напоминает искусство: в ней есть жанры, есть мода, есть свои эпохальные стили (научные парадигмы) и т.п. Наука же как социальное явление, как институт находится в естественной диалектике с этими своими парадигмами, жанрами, модами: с одной стороны, в структуре лабораторий закрепляются существующие "общественные отношения", господствующие в данном научном стиле, с другой стороны, и стиль до какой-то степени определяется диктатом структуры лабораторий и университетов. (Впрочем, структура университетов меняется, кажется, медленнее, чем парадигмы и уж точно чем жанры.) Что же касается упомянутых мной "общественных отношений", то в большой степени они, конечно, определяются присущим науке характером: отношение, например, руководитель - исследователь. Таковы же отношения, складывающиеся между теоретиками и практиками и т.п. Есть и отношения, несколько побочные для внутренней сущности науки: между исследователем и спонсором, между ним и издателем его трудов и т.п. Все эти отношения, однако же, социальны. Они подвержены осмыслению в категориях социальной философии или культурологии, а не в категориях методологии науки. Другими словами, они не имеют прямого отношения к тому, что именно изучается.

Вводимое мной понятие научной маргинальности тоже подлежит осмыслению как социальное явление, хотя интересует меня в данном случае вопрос, как влияют маргиналы на саму науку, а не на социум, не на научное сообщество. Конечно, не-

мыслимо ответить на этот вопрос исчерпывающе, когда неизвестен, например, ответ на параллельный вопрос, "как влияет на науку ее истеблишмент". Кроме того, для мало-мальски ответственного подхода к этой проблеме нужен глубоко разработанный концептуальный аппарат, например, критерии влияния. Конечно же, нужно строгое определение маргинальности, истеблишмента и науки (например: что мы считаем наукой, обязательно ли то же самое, что считает наукой ее истеблишмент?) Кроме того, не под силу ответить на этот вопрос лично мне. Я хотела бы ограничиться только изложением нескольких наблюдений и соображений.

Итак, социально-культурологическое определение научной маргинальности будет сводиться к тому, что научные маргиналы - те ученые, которые в большей или меньшей степени находятся в оппозиции к научному истеблишменту. Признаки этой оппозиции могут быть чисто "социальные": например, ученый не пользуется грантами, не публикует свои открытия, не работает в каком бы то ни было научно-исследовательском учреждении; самая крайняя форма такого рода маргинальности состоит в полном отказе от какой бы то ни было передачи своего труда и своих открытий. Можно сразу сказать, что крайняя форма будет весьма мало влиять на науку, какие бы открытия ни сделал ученый маргинал. Пример такой крайней формы: лорд Кавендиш.

Другие признаки оппозиции истеблишменту могут на вид касаться скорее внутринаучных проблем, однако при ближайшем рассмотрении суть их оказывается культурной. Например, когда речь идет о несоответствии жанров, ученый может работать в "жанре", который находится "не в моде", как это в наше время происходит с теми биологами, которые практикуют изучение единичных особей. Поскольку эти ученые не могут, как это принято, привести солидную статистику, журналы не принимают их статьи и т.п.

На этом примере между прочим видно, как важно различать маргинальность и недобросовестность. Требование подкреплять опыты статистикой было (неписанно) принято ученым сообществом в рамках максимального стремления к объективности. Во многих случаях такой подход совершенно оправдан. Если в биологическом опыте идет речь о "вообще" свойстве организма, естественно изучить много случаев. То же естественно, когда речь заходит о формулировке положения, сколько-нибудь претендующего на обобщенный характер. Следовательно, добросовестный ученый не пре-

небрегает требованиями, адекватными изучаемому предмету. Однако если общенаучное требование "быть объективным" (=стремиться к истине) должно безусловно выполняться, иначе деятельность не будет наукой, то частное требование "проводить много опытов" адекватно не всегда (например: силы ученого ограничены, и невозможно совместить детальное и долговременное изучение организма с многочисленностью опытов). То, что оно в некоторых случаях возводится в ранг общезначимого, свидетельствует только о господстве в науке частного жанра.

Наконец, маргинальность может иметь действительно определенно научный характер. Так обстоит дело, например, когда ученый отстаивает точку зрения, которая считается ложной остальным научным сообществом. Этот чисто научный дискурс на практике зачастую оборачивается социальными последствиями для ученого (в той мере, в какой его карьера зависит от коллег). Кроме того, в ходе дискуссий иногда пускаются в ход не чисто теоретические аргументы и не всегда используются только допустимые средства.

Другой случай: ученому не чинят препятствий в той его деятельности, результаты которой идут вразрез с общепринятыми, он имеет возможность работать, публиковать открытия и т.п. Однако за счет того, что основными резервами (рабочей силы, молодой смены и т.п.) всегда владеет истеблишмент, а в системе истеблишмента передается общепринятая теория, результаты его работы игнорируются. Это, впрочем, относительно благоприятный случай. Если в работе маргинала есть своя доля истины, то имеются шансы, что справедливость восторжествует, поскольку наука по своему характеру объективна. Примеров отсроченного признания открытий много.

Вышеприведенные рассуждения подводят к мысли, что критерий, определяющий, насколько маргинальные исследования оказывают влияние на науку - степень публикации. Достаточно очевидно, что предоставление маргиналам возможности публиковать необщепринятые результаты возможно преимущественно в толерантной среде. Толерантность не является качеством самой науки и, судя по всему, более всего определяется культурной атмосферой эпохи.

2. Pro et contra

Из всего вышеизложенного никак не следует, способствует ли деятельность маргиналов движению науки вперед или тормозит ее. Вообще говоря, легче всего рассу-

ждать задним числом. Например, вся история философии сложилась таким образом, что в основании ее стоят мысли Сократа. Для того, чтобы назвать Сократа "научным маргиналом", нужно сделать над собой определенное усилие, и тот, кто это скажет, рискует сам попасть в маргиналы. Однако "социальный" критерий - оппозиция к истеблишменту - указывает на то, что это так. Сократа приговорили к смерти не за нечто, не имеющее отношения к его философии, а за нечто, с ней напрямую связанное. Следовательно, он был в оппозиции. Следовательно, он был маргинал.

Почему же трудно нам сейчас так сказать? Видимо, потому, что к науке, как она есть здесь и сейчас, Сократ не в оппозиции; он признанный основоположник философии. (Отдельный вопрос при этом, как отнеслись бы к Сократу, если бы он жил в наше время. Он ведь тоже не стал бы публиковаться, а вместо этого устно преподавал бы необщепринятые вещи). Следовательно, когда получается так, что открытия маргинала со временем интегрируются в науку, он перестает считаться маргиналом, даже если он был им при жизни. Во всех таких случаях можно сказать, что маргиналы обогатили науку. Для таких случаев, вероятно, будет характерно то, что они происходят на переломе, во время зарождения новых теорий, смены парадигм и т.д.

По аналогии с этим, когда наука движется равномерным поступательным движением, когда она разрабатывает продуктивные перспективы, появляющиеся маргиналы, видимо, остаются за бортом этого осуществляемого научным истеблишментом движения. Появляются они или нет, если о них так мало известно, сказать, особенно задним числом, трудно.

Хотелось бы произнести несколько лирических слов о привлекательности маргинальности. Эта привлекательность представляется обратно пропорциональной привлекательности истеблишмента, истеблишмент же представляется непривлекательным, естественно, когда существует недовольство его функционированием. Следовательно, научная маргинальность будет более всего привлекательна во времена застоя и кризиса в науке. Естественно именно от маргиналов ожидать преодоления господствующих тенденций, обновления способов мышления, раздвижения рамок и т.п. Последующие поколения, функционирующие уже после перелома, назовут некоторых маргиналов своими учителями. Процитированная в начале мысль Конфуция имеет, в применении к научной маргинальности, такой смысл: если истеблишмент действует разумно, маргиналом быть не следует, но если уровень разумности его функциониро-

вания снижается, принадлежность ему начинает оказываться постыдной, становится достойнее быть маргиналом. Впрочем, исходя только из наблюдений над истеблишментом, не всегда легко определить, разумен он или нет (ученые ведь обычно не бывают совсем уж неразумны, обычно только несколько ограничены). В будущем, скорее всего, станет ясно, кто был прав, но мы не можем знать, как будет развиваться наука в будущем. Однако ситуацию можно обратить, так что наблюдения над маргиналами окажутся дополнительным материалом для умозаключений относительно истеблишмента. Когда маргиналы кажутся привлекательными, можно заподозрить, что истеблишмент в кризисе.

Сравнение возможностей

По ряду причин включенные в истеблишмент ученые имеют больше возможностей, чем научные маргиналы. Прежде всего, в таких науках, как физика или медицина, в структуре истеблишмента доступно дорогостоящее оборудование. Этот фактор играет меньшую роль в гуманитарных науках. Еще ресурсы истеблишмента: доступность всегда важного взаимодействия с коллегами, возможность быть в курсе происходящего, доступность средств для повышения квалификации (и то, что уровень ее повышается в постоянном общении, и то, что в общении его легче оценить), доступность научного руководства. В общем и целом, оппозиционные истеблишменту маргиналы часто вынуждены вариться в собственном соку.

Можно добавить также, что в некоторых случаях маргинальность наступает не вдруг, и при рассмотрении оказывается, что еще со времени научного формирования маргинал, вследствие оппозиционного духа, уклонялся от руководства или, вследствие избытка самостоятельности, отдавал предпочтение индивидуальным изысканиям. Такого рода пожизненная маргинальность неизбежно скажется ограниченностью эрудиции или, осторожнее выражаясь, неполным доступом к тому, что наработано и чем владеет истеблишмент, может быть, даже неполным знанием о том, что это существует.

Анализируя истеблишмент, следует соблюдать осторожность. Ситуация с культурологической точки зрения диктует собственное рассмотрение. В культурном смысле для маргинала истеблишмент представляет оппозицию. С точки зрения человеческого существования, для человека социум представляет естественную среду

обитания. Поэтому отделенность человека от социума - явление экзистенциальное, а отделенность ученого от истеблишмента - явление научное. Разница между ними в том вкладе, который вносит собственно научная истина. Если речь идет об очевидной истине, ради нее, если социум заблуждается, каждый станет маргиналом. Если речь идет о выборе - возможно, экзистенциальном, но чаще культурном - ради него становится маргиналом тот, у кого велика, так сказать, исходная маргинальная готовность (возможно, вследствие, например, шизофрении).

Итак, ограниченность в средствах, в базе данных, в научном общении. Правда, с другой стороны, тому, кто не включен в истеблишмент, легче сменить тему, и он может позволить себе заниматься тем, что считает нужным, а не тем, что заказано (в некоторых случаях ситуация даже такова: что разрешено. Наличие запрещения исследования в науке, вероятно, можно интерпретировать как состояние кризиса). Но самое главное, маргинал может позволить себе иметь не общепринятую точку зрения или позицию (под точкой зрения я имею в виду интерпретацию результатов, под позицией - выбор темы, жанра, метода). Самостоятельность позиции облегчается тем, что он никому может ее не доказывать.

Последнее обстоятельство подводит к мысли о двойственном характере нетрадиционного. С одной стороны, традиционная точка зрения всегда обоснована и доказана. Она может не быть исчерпывающей, но практически не может быть совсем ложной и уж точно не бывает злонамеренной. Само то, что истеблишмент состоит из многих людей и даже многих учреждений, гарантирует их взаимный контроль. Выведенная из проверяющей системы, непрозрачная точка зрения маргинала лишается важного фактора своего укрепления, лишается пути к повышению истинности. Редки теории, совершенные уже при самом своем рождении. Их очень часто дорабатывает научное сообщество. Пример: психоанализ.

С другой стороны, в определенные, так сказать, научные эпохи консервативность истеблишмента возрастает. В гуманитарных науках это дополнительно может быть связано с тем, что науке навязывают идеологическую функцию, как это было в советское время. Для этого используют в первую очередь, конечно, истеблишмент, потому что он зависит от финансирования, от сопряженных с ним других истеблишментов (государства), потому что у него больше возможностей. Но даже если не брать

такие случаи, и обыкновенному научному функционированию истеблишмента свойственна инертность, заложенная в его сути. Он вынужден загодя планировать свою деятельность, работать по заказу и за деньги. Изыскания за деньги (и за научные степени) всегда небескорыстны. То, что значительная часть проводимых исследований финансируется государством и даже напрямую военным ведомством - эмпирический факт, согласующийся с теоретическим соображением, что нечто, определенное *социально*, самой сутью науки уже не определено.

Итак, с одной стороны только истеблишмент при поддержке государства может позволить себе масштабные фундаментальные исследования и гарантировать качество результатов. С другой стороны, продиктованное собственно научной постановкой вопроса, но не заказанное и не финансируемое, истеблишмент не изучит.

Одна из областей, где роль маргиналов всегда велика - первичная переработка материала, пионерские исследования. Такие исследования имеют дело с субстратом с непредсказуемыми свойствами, и часто заранее трудно сказать, какая понадобится деятельность по его переработке. Тем более трудно предсказать отдачу. Из-за своей высокой организованности и господства заказа истеблишмент редко обращает внимание на совсем неизвестный материал.

Примеры: Гроф, гомеопатия. Еще интереснее, что одна из ключевых фигур, стоявшая у истоков современной медицины, Парацельс, был типичным научным маргиналом. Еще примеры. Трагические истории Галилея и Бруно интерпретируются обычно как конфликт науки с религией, но их можно интерпретировать как конфликт с истеблишментом, ведь в ту пору не существовало научных учреждений, отдельных от церкви. Правда, Галилей, кажется, не имел намерения быть маргиналом; его нужно отнести к тем, чей конфликт с истеблишментом чисто научного типа (третья группа). Что касается Бруно, он, как кажется, выбрал, так сказать, нетрадиционную научную ориентацию, включая магию и герметизм, вполне сознательно.

Примеры в скобках. В истории философии тоже немало (научных) маргиналов: Гераклит, Сократ, Боэций, Абельяр, Спиноза, Шопенгауэр, Ницше, Сартр, Витгенштейн и т.д. Даже Лейбниц опубликовал не все, что написал. Имеется противоположный случай: немецкая классическая философия (хотя и был конфликт с истеблишментом у Фихте). Но философия, за счет присущего ей индивидуального характера, представляет собой такое богатое поле для апологии маргинальности, что я этим зани-

маться не хочу.

Возвращаясь к теме маргинальности в позитивных науках, попробую подвести итог. Научная деятельность маргиналов отличается независимостью, неизбежной примитивностью и, вообще говоря, меньшей надежностью. Практикуя "немодные" методы, вводя новое, получая необщепринятые результаты, маргиналы расширяют горизонты научного сознания. Они вводят в обсуждение как истинное, так и ложное. На их деятельность имеет смысл обращать внимание, когда чувствуется ограниченность известных истеблишменту перспектив.